

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2019

2(40)

Ψλ

**ВОПРОСЫ
ПСИХОЛИНГВИСТИКИ**

2 (40) 2019
Москва

**JOURNAL
OF
PSYCHOLINGUISTICS**

2 (40) 2019
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливну Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ардила Альфредо, PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIN PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2019

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2019

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2019

© Авторы, 2019

Подписано в печать 01.06.2019. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alfredo Ardila, Ph.D., Florida International University, Miami (USA)
Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Index of Science Citation (RISC), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2019

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2019

© Moscow International Academy, 2019

© Authors, 2019

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- К юбилею А.В. Кирилиной 8
Кирилина А.В. (*Москва, Россия*)
 Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) 12

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Вдовиченко А.В.** (*Москва, Россия*)
 Факт сознания и коммуникативное действие: краткий эксперимент 30
Владимирова Т.Е. (*Москва, Россия*)
 Экзистенциальная картина бытия как актуальная исследовательская парадигма 41
Жиганова А.В. (*Нижний Новгород, Россия*)
 К вопросу о лингвистической репрезентации актуальных событий в новостных сообщениях 53
Ионова С.В. (*Москва, Россия*), **Штеба А.А.** (*Волгоград, Россия*)
 Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метязыке описания 63
Колмогорова А.В. (*Красноярск, Россия*)
 Объективные и субъективные параметры слова в норме и успешность его продуцирования в речи пациентов-афатиков 82
Масленникова Е.М. (*Тверь, Россия*)
 Проекция текста как гендерно-культурологическая интерпретация 92
Панькина Ю.А. (*Москва, Россия*), **Белянин В.П.** (*Торонто, Канада*)
 Индивидуальное в поэтическом переводе как индикатор эмоционально-смысловой доминанты художественного текста 108
Парина И.С., Парин С.Б. (*Нижний Новгород, Россия*)
 Исследование уровня стресса у начинающих переводчиков-синхронистов в рамках когнитивной парадигмы 124
Романов А.С. (*Москва, Россия*)
 Система аксиологических координат GI в отражении девизов родов войск и видов вооруженных сил США 135
Шпильная Н.Н. (*Барнаул, Россия*)
 Невербализуемые высказывания как проявление полифонии языкового сознания при психозе 150

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

- Яковлев А.А.** (*Красноярск, Россия*)
 Языковое сознание – часть индивидуального сознания или часть теории? 157
Тарасов Е.Ф. Комментарий к статье А.А. Яковлева 172

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Груздева М.М.** (*Москва, Россия*)
 Современная арт-рецензия как отражение арт-сознания постмодернистской культуры (к постановке вопроса) 176

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

- Барина И.А., Доценко Т.И., Овчинникова И.Г., Чугаева Т.Н.**
 (*Пермь, Россия*)
 Моделирование ментального лексикона в условиях билингвизма 186

OUR ANNIVERSARIES

Anniversary of Alla V. Kirilina	8
Alla V. Kirilina (<i>Moscow, Russia</i>) The Designation Of Gender-Related Vocabulary In The Light Of Opposition Of Global And National (A Case Study Of The Russian National Corpus)	12

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Andrey V. Vdovichenko (<i>Moscow, Russia</i>)	
Activity Of Consciousness And Communicative Action: A Brief Experiment	30
Tatiana E. Vladimirova (<i>Moscow, Russia</i>)	
Existential Picture Of Being As An Actual Research Paradigm	41
Anna V. Zhiganova (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>)	
On Linguistic Representstion Of Contemporary Events In The News	53
Svetlana V. Ionova (<i>Moscow, Russia</i>), Alexey A. Shteba (<i>Volgograd, Russia</i>)	
Contradictory Emotions: The Question Of The Linguistic Representation And The Metalanguage Description	63
Anastassia V. Kolmogorova (<i>Krasnoyarsk, Russia</i>)	
Normative Objective And Subjective Properties Of The Word And The Successfulness Of Its Production By Patients With Aphasia	82
Evgeniya M. Maslennikova (<i>Tver, Russia</i>)	
Text Projection As Gender-Cultural Interpretation	92
Yuliya A. Pankina (<i>Moscow, Russia</i>), Valery P. Belyanin (<i>Toronto, Canada</i>)	
Individual Features In Poetic Translation As Indicators Of The Emotional And Semantic Dominant Of Literary Text	108
Irina S. Parina, Sergey B. Parin (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>)	
A Study On Stress In Trainee Simultaneous Interpreters Within The Cognitive Paradigm	124
Alexander S. Romanov (<i>Moscow, Russia</i>)	
The Gi Axiological Reference System Reflected Through Mottos Of The U.S. Armed Forces' Services And Branches	135
Nadezhda N. Shpilnaya (<i>Barnaul, Russia</i>)	
Nonverbalizable Statements As A Display Of Polyphony Of The Language Consciousness During Psychoses	150

DISCUSSION

Andrey A. Yakovlev (<i>Krasnoyarsk, Russia</i>)	
Language Consciousness: Is It Part Of Consciousness Or Of A Theory?	157
Tarasov E.F. Comment on the article A.A. Yakovleva	172

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

Margarita M. Gruzdeva (<i>Moscow, Russia</i>)	
The Modern Art-Review As Reflection Of Art-Consciousness Of Postmodern Culture (To The Question)	176

PSYCHOLINGUISTIC STUDIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

Irina A. Barinova, Tamara I. Dotsenko, Irina G. Ovchinnikova, Tatiana N. Chugaeva (<i>Perm, Russia</i>)	
Mental Lexicon Modeling in Bilingualism and SLA	186

К ЮБИЛЕЮ АЛЛЫ ВИКТОРОВНЫ КИРИЛИНОЙ

12 мая отметила свой юбилейный день рождения наша коллега – талантливый ученый и замечательный человек, доктор филологических наук, профессор Алла Викторовна Кирилина.

Лингвистикой она увлекалась со школьной скамьи. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза (с 1990 г. Московский государственный лингвистический университет). Работала в школе в Германии, преподавала немецкий язык будущим педагогам в Казахстане. Потом вернулась в Alma Mater: поступила в аспирантуру, защитила кандидатскую и докторскую диссертации, работала преподавателем, затем профессором кафедры общего и сравнительного языкознания.

В МГЛУ ярко проявился талант Аллы Викторовны как ученого и организатора науки. Вместе с коллегами-единомышленниками она стояла у истоков отечественной гендерологии. А.В. Кирилина – автор первой в России монографии по вопросам языка и гендера (Гендер: лингвистические аспекты. Изд-во: Институт социологии РАН, 1999) и первой докторской диссертации по гендерной лингвистике, защищенной в нашей стране (Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. доктор филологических наук: 10.02.19 – Теория языка. Москва. 2000). Она внесла неоценимый вклад в разработку методологии и создание инструментария гендерных исследований.

В 2000 году А.В. Кирилина возглавила созданную в МГЛУ Лабораторию гендерной лингвистики, которая сразу становится центром притяжения для интересующихся гендерной проблематикой преподавателей и ученых из разных регионов России. Алла Викторовна руководит подготовкой кандидатских и докторских диссертаций, читает курсы по программе повышения квалификации для вузовских преподавателей, ведет научный семинар по гендерным исследованиям (грант Женской Сети ИОО), координирует организацию и проведение трех крупных международных конференций «Гендер: язык, культура, коммуникация» с участием ведущих российских и зарубежных ученых. Она активно публикуется, издает статьи и монографии, ведет большую консультативно-методическую работу, давшую мощный импульс развитию гендерной лингвистики в России.

В 2007 г. А.В. Кирилина становится проректором по научной работе Московского института лингвистики (ныне Московская международная академия). Ширится спектр ее научных интересов, в сферу которых входят вопросы изучения языкового ландшафта современного города, лингвофилософия и осмысление проблемы «человек – общество – язык» в глобализационном ракурсе.

Особое внимание она уделяет анализу влияния глобализации и англоизации на функционирование коммуникативно мощных европейских языков и состояние русского языка, обоснованию необходимости разработки протекционистской языковой политики.

Поистине новаторскими являются работы А.В. Кирилиной, раскрывающие новые возможности, которые дает цифровая среда для изучения языка в динамической синхронии. Она ввела в научный оборот понятие динамического объекта, под которым понимается интерактивный саморазвивающийся Интернет-феномен (демотиватор, Интернет-комментарии и пр.), наблюдаемость и объективация динамики которого обеспечивается техническими возможностями электронной коммуникации. Эта методологическая инновация позволяет обеспечить синхронное наблюдение за состоянием языка и связью лингвистических и социальных процессов, помогая выявить отношение

общества к острым проблемам современности (этнические противоречия, социальное неравенство и др.).

Научные труды А.В. Кириловой широко известны в России и за рубежом. Неизменно высок их индекс цитируемости.

Друзья и коллеги знают Аллу Викторовну как ученого с твердой гражданской позицией. Ее отличают широкая эрудиция, высокий профессионализм, глубина и масштабность исследовательских интересов, научная честность и принципиальность, уникальное умение видеть в быстро меняющемся мире новые объекты для лингвистических исследований.

От души поздравляем Аллу Викторовну с юбилеем. Желаем ей крепкого здоровья, творческой энергии, осуществления научных планов и всего самого доброго.

Московские психолингвисты

Многоуважаемая Алла Викторовна!

Примите искренние поздравления в День Вашего Юбилея!

Ваша воля, преданность делу и оптимизм достойны восхищения и уважения!

Благодаря своей настойчивости, целеустремленности, энергии и высокому профессионализму Вы смогли внести весомый вклад в развитие филологической науки в области гендерных аспектов языка и коммуникации, социолингвистики, методологии лингвистических исследований, лингвоглобалистики.

Ваши талант, мастерство и целеустремленность, Ваша плодотворная научная, общественная и педагогическая деятельность снискали признание и глубокое уважение коллег и учеников.

В этот знаменательный день от имени всего коллектива Московской международной академии желаю Вам продолжения активной исследовательской работы, новых творческих успехов, здоровья, счастья и благополучия!

И пусть всепобеждающий дух творчества и оптимизма сопутствует Вам всегда!

С глубоким уважением,
ректор Московской международной
академии

Л.М. Терентий

Глубокоуважаемая Алла Викторовна!

От имени дирекции и сотрудников Института языкознания РАН сердечно поздравляем Вас с Вашим замечательным юбилеем!

Мы знаем Вас как талантливого лингвиста и организатора науки. Вы стояли у истоков отечественной гендерологии. Во многом благодаря Вашим работам эта область лингвистических исследований получила широкое развитие в отечественной науке.

Сфера Ваших научных интересов включает не только гендерологию, но и лингвофилософию, проблему “человек – общество – язык” в глобализационном аспекте, вопросы языковой политики. Ваши научные труды широко известны в России и за рубежом.

Желаем Вам неиссякаемой творческой энергии, новых ярких научных идей, талантливых учеников.

Директор Института языкознания РАН,
доктор филологических наук
12 мая 2019

А.А. Кибрик

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-12-29

**ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЕНДЕРНО ЗНАЧИМОЙ ЛЕКСИКИ В СВЕТЕ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Алла Викторовна Кирилина

Проректор по научной работе ОЧУ ВО «Московская международная академия»

Москва, ул. Новомосковская, д. 15А, стр. 1

alkira@list.ru

В статье, методологически основанной на постнеклассическом подходе к языку как объекту процессуального характера, обсуждаются вопросы гендерного подхода к языку, рассматриваются данные Национального корпуса русского языка и комментарии читателей; установлены тенденции образования имен существительных агентивных женского рода, а также обозначения сексуальности в русском языке. Выявлено, что новые русские слова появляются в тематических областях высокой социальной значимости (межэтнические отношения, пенсионная реформа и под.), а названия различных типов сексуальности, напротив, в основном заимствованы из английского. Было обнаружено сокращение частотности инвективы, отражающей «нетрадиционную» гендерную ориентацию, что свидетельствует о росте толерантного отношения общества к людям с такой ориентацией. В качестве перспективы для дальнейших исследований предложено сравнительное изучение опыта стран, где десятилетиями реализуются рекомендации по языковому равенству мужчин и женщин, изучение субкультуры «квир», ее лексикона и языкового творчества, а также теоретическое осмысление множественности гендерного конструкта и невозможность отражения этого факта в политкорректном языке.

Ключевые слова: гендер, русский язык, гендерная лингвистика, корпусная лингвистика, имена существительные женского рода, политическая корректность

Введение

Введение

Обсуждая перспективы гендерной лингвистики в начале третьего тысячелетия, мы ставили следующие вопросы, разделив их на две группы:

А. Лингвистическая значимость гендерного подхода в языкознании.

Б. Роль экстралингвистической реальности в процессах языкового конструирования гендера и их динамике [Кирилина 2002].

На вопросы первой группы ответы были получены довольно быстро, и мы не будем на них останавливаться.

Рассмотрение же вопросов второй группы пока не завершено. Настоящую статью мы рассматриваем как частичный ответ на следующие из них:

Как меняется конструирование гендера в диахронии; какие данные для исследования ментальности данной культуры и ее отражения в языке дает гендерный подход?

Как воздействует межкультурная коммуникация на конструирование гендерной идентичности?

Как отражаются культурная экспансия и процессы глобализации на гендерном параметре личности?

Какие языковые изменения происходят под влиянием новых достижений науки в области клонирования, репродукции и общей тенденции к экстракорпоральному деторождению?

Мы преследуем цель осветить некоторые стороны развития гендерно значимой лексики¹ русского языка в части агентивных имен существительных, обозначающих а) женщин и б) сексуальную ориентацию, поскольку эти сферы сегодня стали объектом политической, идеологической и иных видов социальной риторики, обусловленной глобализацией и изменением модели человека.

Социальная реальность сегодня такова, что обсуждать пути развития лексикона невозможно без обсуждения прагматического контекста, в котором разворачивается конструирование гендера, претерпевающее сегодня весьма значительные изменения.

Постсоветский период, начавшийся в 90-е годы, обнаруживает заметные изменения в содержании гендерных репрезентаций, для создания которых в основном используются имеющиеся языковые средства, заимствования и видеосоставляющая (существенно усилившаяся с конца XX века [Пойманова 1997], а также возможности новых цифровых технологий.

О специфике репрезентации гендера российских СМИ в 90-е годы XX века мы писали ранее [Кирилина 2002], установив, что в начале постсоветского периода наблюдалась ярко выраженная тенденция к усилению гендерной асимметрии, к эротизации женщин и представлению их в качестве сексуального объекта. В 2000-е годы эта тенденция трансформировалась: в массовых СМИ она сохранилась, но несколько ослабла – возможно, по той причине, что новые цифровые технологии позволили диверсифицировать коммуникативное пространство и создать в интернете поля общения для различных фокус-групп. В дискурсивном конструировании гендера происходит, по сравнению с 90-ми годами XX века, дифференциация по предпочтениям, интересам и вследствие этого – дробление дискурсов, их кластеризация в электронной коммуникации.

Общий социальный контекст в этот период отмечен также фактором глобализации, усложнившим картину. В начале XXI века конструирование гендера характеризуется множественностью тенденций, большим разнообразием гендерных репрезентаций и совершается при помощи вербального и невербального кода. Для систематизации этого многообразия применена модель гендеризма Гоффмана [Goffman 1977], согласно которой основными движущими инструментами конструирования гендера являются институционализация и ритуализация пола.

С некоторой долей условности мы выделили две наиболее яркие тенденции противоположной направленности:

- 1) глобальная тенденция к семиотической минимизации/устранению гендерных различий;
- 2) отечественная тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной² асимметрии.

---

¹ Подробнее о термине «гендерно значимая лексика» см. [Васькова 2005].

² Мы не пользуемся здесь термином «локальные», чтобы избежать ассоциаций с общепринятым в глобалистике понятием «локализация глобального», поскольку рассматриваем обсуждаемые тенденции как специфику страны, а не как специфику укоренения в ней глобалистских трендов, хотя ряд моментов, например, следствия миграции, несомненно, находится в пограничной зоне.

Тенденция к устранению гендерной асимметрии выражается предварительным проведением гендерной экспертизы текстов; параллельным изображением или вербальным выражением мужских и женских персонажей; пропорциональной представленностью глагольных предикатов различной степени агентивности [Гриценко 200]); отсутствием противоречий в вербальной и видеосоставляющей текстов и др.; устранением деконструированием дихотомии через умножение гендерных ролей и усиление внимания к описанию различного рода особенностей сексуального поведения индивидов, дискурсивное перемещение этих особенностей из категории девиации в категорию нормы при снятии самой дихотомии «норма/девиация».

Эта область представляет собой поле бурных дискуссий, а также отражает целый ряд моментов, описываемых термином *постгендеризм*³ связанных с формированием новой – плюралистической и динамичной – модели человека. Для глобального дрейфа к постгендеризму характерен демонтаж прежних норм институционализации и ритуализации гендера, в том числе устранение визуальных различий в гендерных репрезентациях.

Одна из составляющих современного прагматического контекста заключается как в активизации дискурса о языковом равноправии, так и в выходе гендерных репрезентаций за рамки дуальной оппозиции *мужское/женское*. Этот факт отражается на тенденциях развития лексикона, как и отмеченное нами ранее столкновение глобального и локального [Кирилина 2015].

В связи с этим цель исследования двойка: с одной стороны, мы выясняем, находятся ли в процессе изменений имена агентивные, обозначающие лицо женского пола, и наименования видов сексуальной ориентации, а также устанавливаем, в чем состоит различие во влиянии глобального и отечественного на эту часть русской лексики. С другой стороны, фиксируем нерешенные и иногда даже не вполне осознаваемые проблемы – «узкие места» интерпретации гендерных различий в словарном составе языка.

Одним из таких «узких мест» становится явное *противоречие между оживлением феминистской риторики (после периода постфеминизма в 90-е гг.) и ширящимся признанием множественности гендера, тенденцией к постгендеризму (а затем – и к трансгуманизму)*. Последнее выражается в либерализации гендерных норм (легитимации однополых браков, смены пола, в появлении и развитии печатных и виртуальных изданий/сайтов типа «Квир», поддержке специальных проектов, направленных на разрушение дуальной оппозиции «мужское/женское» и социальном поощрении (а частично – и насаждении) множественности гендера (например, на официальном сайте посольства Австрии в России посетитель заполняющий анкету на выдачу визы, должен выбрать свой пол не из двух, а из четырех вариантов (*male, female, not applicable, unknown*); в начале 2019 г. в Германии официально признан третий пол⁴, а еще раньше его признала Австралия и некоторые другие страны). В научной литературе отмечается

---

³ Определения постгендеризма пока не встретились нам в отечественных академических изданиях, но присутствуют в Википедии: «индивид в обществе не сводится к гендерной роли, а является просто представителем человеческого рода, которого характеризуют (если в этом вообще есть необходимость) лишь его собственные поступки» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/постгендеризм>].

⁴ Началось также интенсивное его «освоение» в научном дискурсе: например, в Германии идет подготовка специальных «гендерных» выпусков журналов «Muttersprache» и «Sprachdienst».

и тот факт, что множественность пола и также отказ от так называемых традиционных моделей семьи обнаруживается в жанрах и типах текстов, адресованных молодому поколению. Например, в современной детской и юношеской литературе Германии преобладают модели, разрушающие прежнюю норму (неполная, однополая семья и т.п.) [Чех 2012]. Визуальные гендерные репрезентации также направлены на создание гендерного разнообразия: СМИ, телевидение охотно и часто представляют информацию о разрушающих институционализацию и ритуализацию пола практиках (о смене пола целыми семьями (включая детей), о регистрации брака с изменением визуального ритуала (жених и невеста в белых платьях); призывают мужчин носить платья и широко тиражируют такие действия (Кончита Вурст и другие медийные личности); о регистрации однополых браков, признании родителями ребенка трех и более человек), тем самым дискурсивно поддерживая их и открывая все новые окна Овертона:

Австралийский ребенок сменит пол

Австралия: 2011-04-17 02:37:12

Десятилетний мальчик Джемми в последние два года живет как девочка: носит девчачью одежду и, вообще, ощущает себя маленькой прелестницей с длинными белокурыми волосами.

Родители мальчика, медики и психологи опасаются, что раннее половое созревание может привести к психологической травме ребенка и последующему самоубийству, поэтому настаивают на скорейшем прохождении процедуры по смене половых признаков.

[<http://www.dpni.org/articles/novostnaya/22038/> Дата доступа – 12 апреля 2012]

Все это касается и части постсоветского пространства:

Молдаване согласились на предложение Совета Европы исключить слова «отец» и «мать» из официальных документов как проявление сексизма

В официальных документах в Молдавии теперь не будет понятий «отец» и «мать». В соответствии с Национальной программой по обеспечению гендерного равенства и «введением принципа равных возможностей для женщин и мужчин в нормативные акты и документы» — будет использоваться термин «один из родителей».

Напомним, что еще в сентябре 2010 года Совет Европы предложил исключить слова «отец» и «мать» из официальных документов, так как счел это за проявление сексизма.

Тогда предложение СЕ носило рекомендательный характер, но ради того чтобы попасть в Евросоюз, молдаване готовы на многое. ***Изменение в законе об охране здоровья коснется бланков, формуляров в школах и детских садах*** (выделено нами – А.К.).

Поправки были приняты на прошлой неделе в рамках Национальной программы по обеспечению гендерного равенства на 2010-2015 годы.

Соглашение было подписано 27 июня 2014 года, в Молдавии его поддержали 59 депутатов.

[<http://www.mk.ru/politics/2014/07/22/moldova-zamenit-ponyatiya-otec-i-mat-na-formulirovku-odin-iz-roditeley-radi-es.html> . Дата доступа – 12 апреля 2018].

При этом СМИ отмечают, что в зарубежном дискурсе интерпретации «гендерных инноваций» имеют, как правило, положительную коннотацию, а противостоящие им традиционалистские точки зрения осуждаются; ряд дискурсов призывает даже разработать карательные санкции для тех, кто не разрешает своим детям, например, поменять пол. Таким образом, глобальные практики конструирования гендера направлены

на разрушение традиционной дуальной модели и минимизацию – а в дальнейшем и полное снятие – различий мужского и женского.

Отметим еще один важный момент: по сравнению с 60-ми – 80-ми годами XX века меняется и само понимание гендера: он все более интерпретируется и как маркер сексуальной ориентации и/или как *параметр самоидентификации индивида*, с полом вообще не связанный (таковы азеркины (от англ. other – другой), считающие себя животными (кот, дракон), инопланетянами и иными подобными существами, в половой принадлежности не нуждающимися).

Еще одна складывающаяся на глазах тенденция – это восприятие гендера как текучей, временной, изменчивой характеристики, которую индивиды могут менять в течение жизни. Здесь отметим лишь, что динамичность гендера неизбежно влечет за собой проблемы в его институционализации:

Недавно принятый в Аргентине закон, разрешающий менять пол даже без операции по его изменению, приносит первые плоды.

Аргентина подарила миру не только первого папу из Латинской Америки, но и первую свадьбу беременной мужчины. Правда, мужчина, как бы поделкатнее выразиться, не совсем мужчина. Ему 26 лет. Он называет себя Алексисом Табордой, но фактически является женщиной и должен родить накануне.

Избранница Алексиса – 28-летняя Карен Бруселарио. Карен напротив – мужчина, который хочет быть женщиной и который был на свадьбе невестой

[<http://www.kp.ru/daily/26166.5/3053381/>. Дата доступа – 2 декабря 2013].

В нашей стране операции по смене пола также создают институциональные сложности:

В Петербурге суд вернул трансгендера-печатницу на работу и присудил ей почти 2 миллиона рублей компенсации

Это первый случай в России, когда женщина, бывшая ранее мужчиной, смогла отстоять свое право на труд.

... Увольнение Васильевой с должности печатника участка глубокой печати признано незаконным; приказ об увольнении признан незаконным; Васильева восстановлена на работе в указанной должности, – сообщает Объединенная пресс-служба судов Петербурга.

Надо сказать, что это первый подобный случай в России, когда новоявленной женщине удалось отстоять свое право на мужскую профессию. А начиналось все в 2017 году, когда печатник с многолетним стажем осознал, что он любит свою профессию, но заперт в чужом теле. После прохождения обязательных психологических процедур врачи дали добро на операцию, и Григорий превратился в Настю.

Вот только на работе его встретили неприветливо. Не из-за предубеждений, а из-за списка мужских профессий, которым женщинам по причине вредности заниматься нельзя. Печатницу-трансгендера моментально уволили. Чтобы отстоять право на труд Настя пошла в суд. В первый раз в иске было отказано, но когда нанятые ЛГБТ-группой «Выход» юристы привели в пример практику Верховного суда, где говорится только об угрозе материнства. А оно, по понятным причинам, для женщин, «перерожденным» из мужчин, невозможно

[<https://www.kp.ru/daily/26964/4019235/>. 9 апреля 2019. Дата доступа – 11 апреля 2019].

Языковое следствие – появление нежестко связанных существительного и прилагательного «*трансгендер-печатница*», «*печатница-трансгендер*», а также изменений в синтаксической сочетаемости: «он... должен родить» и подобных. Рассматривая

гендерную специфику предикативных отношений в русском языке, С.А. Коновалова [2005] установила, в числе прочего, наличие рестриктивных синтаксических связей, то есть ограничений на сочетаемость у немногочисленных глаголов, отражающих семантику исключительно одного пола (жениться, выйти замуж, родить). Социальная реальность ведет сегодня к ослаблению этих ограничений.

Противоположную направленность имеет отечественная консервативная тенденция к патриархальному фундаментализму, в нашей стране связанная с постсоветской активизацией религиозных практик, официальной дискредитацией модели советской женственности и даже с ростом мизогинических интерпретаций. Не меньшую роль играют и миграционные сдвиги.

Глобальные же дискурсивные практики воспроизводятся некоторой частью научного и политического сообщества некритично и без учета как социальной ситуации – настоящей и прошлой, – так и специфики системно-структурных свойств русского языка.

С другой стороны, в российском обществе наблюдается тенденция к «научной» дискредитации гендерных исследований как инструмента внедрения «неправильных» и псевдонаучных интерпретаций. Так, 29 ноября 2017 г. в Общественной палате прошли слушания, на которых Ж.Тачмамедова, представленная экспертом, подвергла критике все научные организации, проводящие гендерные исследования, и ведущих специалистов этой области (<https://rvs.su/novosti/2017/psiholog-gendernaya-ideologiya-lish-naukoobraznaya-obolochka-ideologii-lgbt>; см. также препринт статьи С. Шакировой academia.edu. Дата доступа – 18 мая 2019 г.).

Наконец, в связи с растущим числом видов гендера (около шестидесяти в научном описании) и реактуализацией идей языкового равноправия мужчин и женщин актуализируется проблема гендерной специфики политической корректности.

Все названные факты позволяют предположить, что и вектор развития лексики в интересующей нас области соответствуют охарактеризованным выше тенденциям.

Методология и метод

Для сбора данных мы пользовались Национальным корпусом русского языка (НКРЯ) [ruscorpora.ru] и – поскольку корпус несколько отстает от времени реального появления инноваций – дополнили материал данными, полученными при анализе читательских комментариев в газете «Комсомольская правда» в 2010-2018 гг. и на странице левого сообщества «Лев Натанович Щаранский и его синий кот» социальной сети ВКОНТАКТЕ.

Исследование строится на следующих методологических предпосылках:

1) гендерный аспект явления исследуется в последнюю очередь; ему должна предшествовать более общая характеристика языковой ситуации, коммуникативной области, прагматического контекста и т.д.;

2) необходим учет особенностей языковой системы рассматриваемого языка (например, тот факт, что в русском языке категория рода выполняет и функцию синтаксического согласования, а также присуща глаголам в прошедшем времени, должен учитываться при обсуждении темы гендерной политкорректности в русском языке); не менее значимо обращение к лексикографическим трудам [Scheller-Boltz 2017], корпусам и иным инструментам, позволяющим обнаружить направления и тенденции развития гендерного конструкта;

3) необходимость учета особенностей гендерного дискурса и культурной традиции той или иной страны и недопустимость насаждения «усредненной американской нормы» во всех культурах [см. об этом Cameron 2002];

4) гендерная лингвистика, как и гендерные исследования в целом развиваются в мире уже более пятидесяти лет, а разработка рекомендаций по языковому равноправию начата более двадцати лет назад; за это время вполне четко проявились тенденции процесса и его особенности в разных странах и в разных языках; это также должно учитываться при обсуждении вопроса.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно в должной мере отразить все названные процессы, но дать им хотя бы краткую характеристику вполне возможно:

1. При всей глобализационной зыбкости ее дефиниции (см. [Blommaert 2010]) современная языковая ситуация в России (и не только) характеризуется беспрецедентной интенсивностью языковых контактов, мощным влиянием глобального английского и языков мигрантов на автохтонные языки, сужением сферы действия нормы, редукцией социальной базы русского литературного языка, отсутствием протекционистской языковой политики, слабым соблюдением языкового законодательства.

2. К гендерно значимым особенностям языковой системы русского языка относится, на наш взгляд, его несколько сниженная, по сравнению, например, с немецким или английским андроцентричность [см. Кирилина 1999: 80 и след.] (например, слово «человек» с небольшими исключениями вроде устойчивого сочетания «молодой человек» применимо – особенно в предикативной функции – к человеку любого пола, а лексемы «человек» и «мужчина» никак не являются полными синонимами (ср.: он *интересный человек/он интересный мужчина*). Еще одна особенность – возможность выражения женскости/женственности не только лексическим способом (*врач пришел/врач пришла*), факт наличия группы существительных общего рода, а также все усиливающаяся тенденция к языковой экономии и к усилению видеосоставляющей коммуникации (см. Пойманова 1997).

3. Особенности гендерного дискурса – плюрализм гендерных представлений и моделей, сосуществование глобалистского стремления к постгендеризму и патриархатного фундаментализма. Еще одна особенность – широкая исламская миграция в традиционно русские регионы и связанный с ней рост патриархатных поведенческих моделей, рост визуальной представленности неравноправной женственности, а также появление в повседневности соответствующих дискурсивных практик.

Поощрение религиозности и государственная поддержка церкви также способствуют некоторому ренессансу патриархата. Отметим, наконец, и отрицание советской женственности, происходящую в рамках общей официальной тенденции к антисоветизму. При этом совершенно игнорируется или отбрасывается советский опыт достижения равноправия, в том числе и в языке – ревизия старых пословиц и поговорок, и создание новых, отражающих новую реальность [подробнее см. Tafel, 1997], адресное обращение к женщинам через названия газет («Женщина-пролетарка») и под. [см. Кирилина 2000].

---

⁵ Так, в декабре 2018 г. автор статьи, сделав замечание молодому чеченцу – жильцу ее дома за неподобающе поведение, услышала: «Я с женщиной разговаривать не буду». Это факт свидетельствует о проникновении крайне традиционалистских практик в весьма ранее эмансипированную московскую среду.

Противоположная тенденция – распространение глобального понимания гендера также имеет место. Таким образом, сегодня в Российской Федерации наличествуют две тенденции – глобалистская концепция гендера как множественного феномена, а также происходит ренессанс фундаменталистских патриархатных моделей гендера. Все это привело к общему ухудшению положения женщин [Свадьбина, Немова, Пакина 2014].

4. Наконец, как отмечалось выше, уже разработанные пути к языковому равноправию в разных странах и языках различаются. Как это ни странно, анализ достигнутого в плане сравнения разных языков почти не представлен в научной литературе. Между тем, длительный уже период жизни феминистской лингвистики – пятьдесят лет – явно нуждается в теоретическом осмыслении. По крайней мере, наша работа по анализу использования рекомендаций по употреблению языка в целях равноправия женщин в журнале “Emma” [Kirilina 1999] показала, что даже весьма ангажированный журнал не смог полностью и последовательно применить рекомендации по гендерно равноправному использованию языка, что привело к незапланированным коммуникативным эффектам.

Даже в самом первом приближении анализ средств достижения языкового равноправия в немецком и английском языках показывает, что достигается оно не вполне одинаковым набором средств. Нейтрализация используется и в английском, и в немецком языках. Но в английском, который считается языком, не имеющим категории рода, как представляется, более существенную роль играет конвенция – общепринятая «по умолчанию» договоренность не считать форму с явно маскулинным суффиксом *-er* проявлением грамматического рода. Так, *teacher* считается нейтральным словом, в том время как в родственном немецком языке *Lehrer* с тем же маскулинным суффиксом считается мужской формой.

В немецком же языке более важную роль играет сплиттинг (Splitting) – употребление и мужской, и женской формы – *Lehrerinnen und Lehrer*. Как дань языковой экономии в официальном письменном общении нередко в начале текста указывается, что форма множественного числа (например, *Lehrer*) относится к лицам любого пола: в неофициальном же общении часто используется синкретическая форма с заглавной буквой женского суффикса – *LehrerInnen*.

Исчерпывающий критический анализ идеи языкового равноправия и ее реализации – это дело будущего, но даже в первом приближении ясно, что в использовании так называемого равноправного языка должен учитываться предыдущий опыт и его социокультурная, а также системно-структурная специфика рассматриваемого языка.

Обратим внимание и на то, что синкретичная форма с заглавной буквой в начале суффикса в немецком языке наилучшим образом согласуется с тенденцией к языковой экономии и распространена очень широко. Но именно эта форма не была предложена лингвистами, а возникла «сама по себе» в результате изменения узуса под влиянием дискурса равноправия. Это говорит о том, что и вне научного дискурса происходят процессы языкового творчества, которые нередко в большей мере, чем искусственные инструменты, отражают естественные творческие возможности языка и дают наиболее жизнеспособный результат. Особенно важно это сегодня, когда число видов гендера в

---

⁶ Кlišе «языковое равноправие» – атрибут политического дискурса в ряде стран; оно является дискуссионным термином [см. Добровольский, Кирилина, 2002].

некоторых теориях перевалило за шестой десяток и стало очевидно, что, например, использование около шестидесяти обращений парализует коммуникацию (в гротескном виде это представлено в выступлении депутата бундестага Штеффена Кенигера, в котором все отведенное политику для выступления время оказалось затраченным только на приветственное обращение с упоминанием всех видов гендера) [Steffen Königler, German AfD) <https://www.youtube.com/watch?v=H3pntGBylho>, дата доступа – 22 марта 2018].

Аналогичным образом исследование Ярослава Зоммера (Jaroslav Sommer) «Род, пол и гендер на страницах журнала «Квир»» [в печати] убедительно демонстрирует языковое творчество квиров, весьма далекое от рекомендаций по политкорректному использованию языка, но при этом оно вполне удовлетворяет потребности исследованной социальной группы в части гендерной самоидентификации. Это еще один аргумент в пользу анализа того, что происходит в лексиконе языка «по факту», как «обычные» носители языка творчески используют его для обозначения своей гендерной идентичности.

Далее мы переходим к анализу материала именно с этой целью – выяснить, что происходит и какие тенденции регистрируют НКРЯ и читательские комментарии.

Рассмотрение триады человек – мужчина – женщина показало следующую картину (см. Таблицу №1):

Таблица №1

Встречаемость слов *человек, мужчина, женщина* в НКРЯ

Лексема	Найдено документов	Найдено вхождений
Человек	51042	835118
Женщина	16974	142926
Мужчина	10060	51974

Данные таблицы демонстрируют, что наиболее частотной является лексема *человек*, а наименее – лексема *мужчина*.

Поскольку у нас имеются данные более ранних лексикографических трудов [см. Кирилина, 2000], стало возможным их сопоставление с новыми результатами в НКРЯ.

Так, «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» (УСССРЯ) (1978: 156–157) показывает сходную картину и по сочетаемостным характеристикам: наибольшую сочетаемость имеет слово *человек*, наименьшую – *женщина*.

Тенденция сохранилась – наиболее частотно и сегодня слово «человек», наименее – слово «мужчина». Объяснение этого факта следует, на наш взгляд, искать в сниженной андроцентричности слова «человек», поскольку оно применимо в большинстве случаев к лицу любого пола и не подчеркивает именно пол лица, как слово «мужчина». Вместе с тем, мужчину чаще именуют словом *человек*, чем женщину, поэтому частотность лексем «женщина» выше. Динамика частотности обсуждаемых слов в последние десятилетия представлена в нашей работе [Кирилина 2015]: из построенных при помощи НКРЯ графиков явствует, что пик частности слова «человек»

⁷ По состоянию на 20 марта 2018 объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов.

в период 1970 – 2010 гг. приходится на конец 80-х годов, то есть на завершающий этап существования СССР. Затем происходит заметный спад. Напротив, слова «мужчина» и «женщина» достигают пика к середине 90-х гг. Это можно объяснить усилением удельного веса сексуальной тематики в СМИ в первые постсоветские годы. Слово же «мужик», частотность которого росла в 90-е годы, обнаруживает сегодня меньшую употребительность.

Рассмотрим теперь, что показывают более новые данные НКРЯ, полученные при помощи заданных словообразовательных элементов (Таблица 2): задавались продуктивные суффиксы женского рода **ица, *ина, *иня, *ка, *ша с ограничением: существительное, одушевленное*.

Таблица № 2

Встречаемость слов с заданными суффиксами в НКРЯ.

Суффикс	Количество найденных в корпусе документов/вхождений
-ица	29997/266395 (основной); 1249 с семантич. ограничениями 156977 (газетный) – новых почти нет
-ина	64 494/1053928 3227 (например, <i>женщина</i>)
- иня	6758/44196 102 (например, <i>героиня, богиня</i>)
-ка	19221/147999 3519 (например, <i>девушка, девочка, хозяйка, немка, бабушка, подружка, кошка, дочка</i>)
-ша	3086/14124 15 (например, <i>мамаша, квакша, костюмерша, командирша, великаниша</i>)

Как в Таблице №2, так и в приведенных ниже леммах (Таблица №3), расположенных по убыванию частотности, встречается небольшое число зоонимов, просочившихся через заданные фильтры.

Таблица №3

Первые 17 лемм найденных имен агентивных женского рода по убыванию частотности⁸

Леммы

1	Добытчица	6
2	Птица	3
3	Начальница	3
4	Красавица	3
5	Модница	2
6	Хищница	1
7	Сотрудница	1
8	Синица	1

⁸ Здесь и далее мы демонстрируем лишь начало каждой таблицы частотности, осознавая, что это компромиссное решение, связанное с необходимостью ограничить объем журнальной статьи.

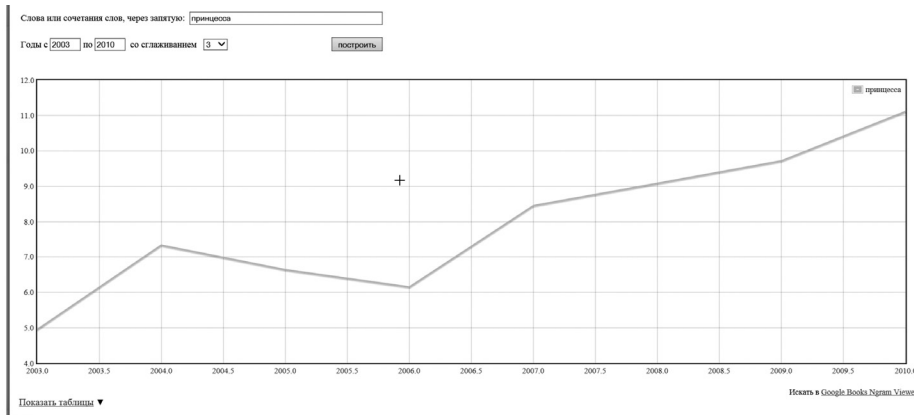
9	Работница	1
10	Приятельница	1
11	Пленница	1
12	Племянница	1
13	Писательница	1
14	Первоклассница	1
15	Отличница	1
16	Одногруппница	1
17	Курица	1

Как видим, новый материал практически не найден: встретилось лишь одно новое слово «одногогруппница», образованное по аналогии со словом «одноклассница».

Этот факт побудил нас обратиться к изменению частотности «старых» имен женского рода, и в этой сфере обнаружилось более интересные результаты, связанные с усилением англо-русского языкового контакта. В качестве примера приведем резкое повышение частотности слова «принцесса», ранее не слишком типичного для русского узуса (Рис. 1).

Рис. 1. Динамика частотности слова «принцесса» в 2003 – 2010 гг. по данным НКРЯ

Рост коллокации «мужчины и женщины» также обнаруживает повышение частотности под влиянием калькирования с английского языка: Men → Men and women →

люди → мужчины и женщины. Слово «люди», напротив, вытесняется из употребления.

В образовательном дискурсе слово «студенты» заменено словом «обучающиеся».

Экспансия английского языка обусловила и появление значительного числа калек, означающих название связанных с рыночной экономикой профессии – *менеджер*, *мерчендайзер*, *девелопер*. Насколько можно судить по исследованному материалу, эти формы используются для обозначения лиц как мужского, так и женского пола.

Источником новых лексических единиц в большей степени становятся комментарии читателей, в которых новая лексика появляется быстрее, чем в корпусе.

Семантически новая лексика относится к сферам наиболее значимым для граж-

дан, наиболее обсуждаемым. В последние годы к таким темам относятся межнациональные отношения и миграция, пенсионная реформа и некоторые другие.

Новая отечественная гендерно специфичная лексика представлена, на наш взгляд, слабо, в официальном общественном дискурсе, как правило, не присутствует. Лексика, созданная из материала русского языка, в значительной степени принадлежит к семантической группе «межнациональные отношения». Она отражает специфику миграционных потоков и отношение к ним: *носорог*, *ликан* и под. (названия кавказцев); *свинорылый*, *ватник*, *колорад* (названия русского), *чернильница* (русская девушка или молодая женщина, имеющая сексуальную связь с выходцем с Кавказа), *хиджабнутая*, *заматашка* (мусульманка, носящая хиджаб⁸). Как правило, такая лексика обозначает лицо по возрасту, полу и национальной или религиозной принадлежности и имеет негативные коннотации. В этой сфере мы обнаружили наименования женщин:

Заматашка (3 вхождения в газетный корпус с 2013 г.);

Хиджабнутая – 0 вхождений;

Чернильница (в новом значении) – 0 вхождений.

В комментариях встретилось также слово «фемки» (феминистки), также отрицательно коннотированное и в корпусе не представленное:

Underbert Danter

Таки всем фемкам и тем кто считает что у женщин в России прав маловато, предлагаю выдать возможность поработать в забоях шахт, на производстве химии с жуткими ядами, также если совершала преступления выдавать пожизненное т.к. обязанности вместе с правами у фемки появятся, она хотела как мужжиг – пусть отхватывает...
[https://vk.com/levsharansky2. Дата обращения –15 мая 2019].

Интерес общества к собственно гендерной проблематике, довольно высок (см. Рис. 1), что отражается в появлении большого количества заимствований из сферы гендерных отношений и дискурса о гендере. Эта лексика весьма обстоятельно зафиксирована в НКРЯ, причем не только в газетном корпусе, но и в основном (Таблица №4):

Таблица №4

Обозначения видов сексуальности

Лексема	Основной корпус	Газетный корпус
Гей	1234 (рост с середины 90-х гг.)	2708 (рост после 2001 г.; резкий рост после 2012 г.)
Гомосексуалист	413 (скачок с конца 80-х гг.)	1100 (скачок с 2012 – 2013 гг.)
Педераст	221 (пик около 1999 г.)	77 (пики в 2002; 2013 – 2014 гг.)
Гомосексуал	136 (скачок около 2000 г.)	569 (скачок в 2013 – 2014 гг.)
Лесбиянка	61	87

⁸ В блогах обнаружено и другое определение: «Заматашки – так в Астрахани называют девочек, вдруг надевших хиджаб. Национальный состав очень разношерстный: татарки, казашки, русские, узбечки, аварки. С каждым годом их все больше. Только по официальным данным, сейчас 60 из них — жены боевиков. Одних находят живыми, о судьбе других родные узнают, когда эти молодые мусульманки, ушедшие в бандформирования, погибают за «правое дело»» <http://blog.fontanka.ru/posts/147948>; 30.12.2013.

Бисексуал	12 (с 1990 г.; пик в 2000 г.)	8 (с 2001 г.)
Транссексуал	9	20
Трансгендер	0	4 (с 2014 г.)
Содомит	3 (1990; 1940 гг.)	3 (с 2001 г.)
Бигендер	0	1 (в 2014 г.)

Заемствования и кальки чаще отражают сферу сексуального поведения (*бигендер*, *агендер*, *fluid gender* и под.). За рамками корпуса остались новейшие номинации видов гендера (азеркин и др.), но они встречаются в интернет-коммуникации и в СМИ. Нередко виды гендера обозначаются по-английски, но с переводом и комментарием: *fluid gender*:

Термином gender fluid («половая изменчивость») обозначают распространившееся в последние несколько лет явление, когда человек не может отнести себя ни к одному из полов, потому что предпочитает сразу оба: сегодня один, завтра другой, и так хоть до бесконечности [<https://lenta.ru/articles/2016/04/20/genderfluid/>].

Динамика запросов в Яндексе также говорит о росте интереса к гендерным трансформациям (Рис.2):

Рис.2. Динамика запросов на тему «трансгендер» в Яндексе (www.life.ru, дата обращения 20 марта 2018 г.)

Как россияне становятся трансгендерами в домашних условиях

Кто он – педагог будущего?

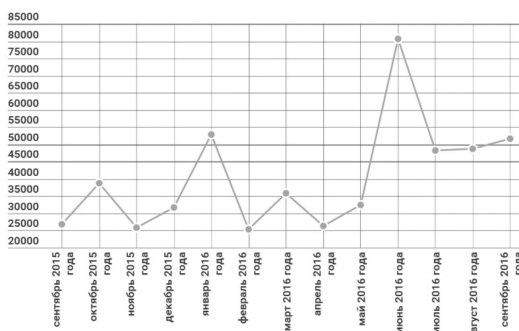
Мы сделаем ваш праздник незабываемым! Бумажное шоу, опыт более 15 лет.

Новые BMW от 1 490 000 р. в Пелижан-Праймари. Только до 31.10.

В сентябре 2016 года в "Яндексе" было 52 тысячи запросов на эту тему, а год назад, в сентябре 2015 года, – 28 тысяч запросов.

Число запросов на тему "трансгендер" в "Яндексе"

В сентябре 2015 г. зарегистрировано 28 000 запросов, в 2016 г. – 52 000 запросов.

Интерес представляет, наконец, изменение значения слов, отражающих общественно порицаемую сексуальность. Так, однозначно бранное слово «педераст» в последние годы несколько смягчает свое значение; появились (пусть и шуточные пока) выражения «педераст в хорошем смысле» (гей) и «педераст в плохом смысле» (плохой человек, подлец, негодяй). Корпус также демонстрирует снижение частотности разнобразных форм слова «педераст» в бранном значении (Таблица №5):

Таблица №5

Встречаемость форм слова «педераст» в бранном значении

Лексема	Основной корпус	Газетный корпус
Педераст	221 (появление около 1919 г., пик около 2000 г.)	77; пики в 2001 – 2002 и 2013 – 2014 гг. гг.
Пидерас (бранное)	1 (1988-]1993) Н. Медведева	0
Пидарас (бранное)	124 (появился в середине 60-х гг.; пик около 2000)	9 пик в 2003
Пидорас (бранное)	48 (с середины 60-х гг.; пик около 2000 – 2008 гг.)	3 пик около 2004 г.
Пидор (бранное)	135 (рост с 1980 г.)	8 (пик после 2001)

Пик частотности в 60-е гг. объясняется тем, что Н.С. Хрущев использовал производное от этого слова публично в бранном значении при посещении выставки художников-абстракционистов 1 декабря 1962 г.

Выводы

Процессы, происходящие в гендерно маркированной лексике, отражают плюралистическую модель гендера в современной России, а также противоположные тенденции в конструировании гендера – глобальную и отечественную, хотя она обнаруживает и явную политизированную составляющую – игнорирование и дискредитацию советской модели женственности [см .Кирилина 2015].

Рассмотрение лексического состава в динамике позволяет обнаружить и описать тенденции языкового развития гендерного конструкта.

НКРЯ не содержит большого количества новых лексических единиц с семантикой женственности, однако фемининность выражается иными способами – увеличением частотности определенных лексем, заимствованием из американского варианта английского языка, возникновением новых синтагматических связей, ослаблением ретрикции сочетаемости.

Лексические единицы создаются из материала русского языка в тех сферах, где происходит широкое обсуждение волнующих общество проблем. Нередко такие лексемы имеют отрицательную коннотацию.

Обозначения же различных (и новых) видов сексуальности развиваются в основном по линии заимствования: мы наблюдали появление новой лексики, связанной с более детальным обозначением лица в зависимости от его сексуальных предпочтений, а также ревизию «стандартных» языковых форм представления гендера. Она реализуется как частотное калькирование англоязычных форм и просто использованием английского слова, написанного на латинице.

Таким образом, способы обозначения лиц женского пола значительных изменений, по сравнению с описанными в Русской грамматике [1980], не претерпели. Новые лексические единицы, созданные из материала русского языка («замоташка» и под.) также немногочисленны; они появляются в семантических областях наибольшей напряженности (например, межэтнические отношения); заимствования приходят в сферу профессиональной деятельности, где отмечается значительное влияние англо-русского

языкового контакта (торговля, политика и др. и, как правило, существуют в форме мужского рода (что, на наш взгляд, отнюдь не означает игнорирования женщин, а связано, скорее, с языковой экономией). Напротив, обозначения сексуальности претерпевают заметные изменения, что проявляется как в образовании новых лексических единиц при помощи морфологических средств русского языка, так и при помощи заимствований, а также изменения значений.

Динамика развития бранной лексики, отражающей «нетрадиционную» гендерную ориентацию, говорит о росте терпимого отношения общества к лицам с подобной ориентацией.

В качестве перспективы дальнейших исследований мы предложили бы:

1) внимательное сравнительное изучение опыта стран, где рекомендации по языковому равноправию мужчин и женщин реализуются в течение нескольких десятилетий;

2) призвали бы – вслед за Д. Шеллер-Болтцем [Scheller-Boltz, 2017] – к изучению субкультуры «квир», ее лексикона и языкового творчества, а также к теоретическому осмыслению множественности гендерного конструкта и его влиянию на проблемы языкового равноправия. В данный момент наблюдается некоторое противоречие между идеями «дуального» гендерного равноправия и ростом числа видов гендера в общественном дискурсе.

Литература

Васькова О.А. Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии). Дисс. на соискание уч.степ.канд. филол.наук. М.:МГЛУ, 2006. 178 с.

Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. Н. Новгород, 2005. 267 с.

Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. Сб. статей. М.: Рудомино, 2000. С. 19-35.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН. 1999. 189 с.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дисс. ... доктора филол.н.: 10.02.19. М., 2000. 369 с.

Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропо-ориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение /Caucasology, №2, 2002. С. 134-141.

Кирилина А.В. Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России // New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference «Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages» (Innsbruck, 1-4 October 2014). Ed. by Dennis Scheller-Boltz. Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 2015. P. 33-49.

Коновалова С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте на родной волшебной сказки. Дисс. ... канд. филол. н., М.: МГЛУ, 2005. 219 с.

Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: дисс. ... кандидат. филол. н.: 10.02.19. М., 1997. 237 с.

Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.:Наука, 1980. Т. 1,2.

Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А. Современный трафик работоторговли: причины, последствия, профилактика. СОЦИС, 2014. № 2, С. 43-48.

Чех Г. Образ семьи в молодежной литературе в контексте глобализации // Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. Тезисы докладов Седьмой международной конференции. М.: МИЛ, 2012. С. 13-15.

Blommaert, Jan A. (2010) *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press.

Cameron, D. (2002) *Globalization and the teaching of “communication skills”* // David Block, Deborah Cameron (eds) *Globalization and the Language Teaching*. -Rouledge.

Kirilina, Alla V. (1999) *Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der Zeitschrift Emma // das Wort*. Germanistisches Jahrbuch. Bonn .

Tafel, K. (1997) *Die Frauim Spiegelderrussischen Sprache*. Wiesbaden.

Scheller-Boltz, Dennis (2017) *The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. Georg OlmsVerlag Hildesheim – Zürich – New York.

Словари

Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1978. 688 с.

THE DESIGNATION OF GENDER-RELATED VOKABULARY IN THE LIGHT OF OPPOSITION OF GLOBAL AND NATIONAL (ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

Alla V. Kirilina

Vice-rector for scientific research
Moscow International Academy

15A, Building 1. Novomoskovskaya ul., Moscow
alkira@list.ru

The article, methodologically based on a post-non-classical view of language as an object with procedural nature, discusses the methodological foundations of a gender-based approach to language and deals with the data of the Russian National Corpus and reader comments; the trends in the development of agent feminina, as well as the designations of sexuality in the Russian language are established. It was revealed that the new Russian vocabulary appears in thematic areas of high social significance (interethnic relations), and the names of various types of sexuality, on the contrary, are mainly borrowed from English.

A reduction in the frequency of abusive vocabulary, reflecting the “non-traditional” gender orientation, has been found, which suggests the growth of tolerant attitudes of society towards people with such orientation. As a prospect for further research, a comparative study of the experience of countries where recommendations on the linguistic equality of men and women have been implemented for decades, the study of the queer subculture, its vocabulary and language creativity, as well as a theoretical understanding of the plurality of the gender construct and its influence on the problems of linguistic equal rights.

Keywords: gender, Russian, gender linguistics, corps linguistics, feminine nouns, political correctness

References

- Blommaert, Jan A.* (2010) *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press.
- Cameron, D.* (2002) *Globalization and the teaching of “communication skills”* // David Block, Deborah Cameron (eds) *Globalization and the Language Teaching*. -Rouledge.
- Czech, G.* *Obraz sem’i v molodezhnoj literature v kontekste globalizatsii* [The image of a family in youth literature in the context of globalization] // *Obshhestvo – Yazyk – Kul’tura: aktual’nye problem vzaimodejstviya v XXI veke. Tezisy dokladov Sed’moj mezhdunarodnoj konferentsii*. M.: MIL, 2012. S. 13-15. (In Russian).
- Dobrovolskij D.O., Kirilina A.V.* *Feministskaya ideologiya v gendernyh issledovaniyah I kriterii nauchnosti* [Feminist ideology in gender studies and scientific criteria] *Gender kak intriga poznaniya*. Sb. statej, M. “Rudomino”, 2000, s. 19-35. (In Russian).
- Gritsenko E.S.* *Jazyk. Gender. Diskurs*. [Language. Gender. Discourse]. N.Novgorod, 2005. 267 s. (In Russian).
- Kirilina, Alla V.* (1999) *Nichtsexistischer Sprachgebrauch in der Zeitschrift Emma // das Wort*. Germanistisches Jahrbuch. Bonn.
- Kirilina A.V.* *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. M.: Institut sociologii RAN. 1999. 189 s. (In Russian).
- Kirilina A.V.* *Gendernye aspekty jazyka i kommunikacii* [Gender aspects of language and communication]: diss. ... doktora filol. n.:10.02.19. M., 2000 – 369 s. (In Russian).
- Kirilina A.V.* *Vozможности gendernogo podhoda v antropoorientirovannom izuchenii jazyka i kommunikacii* [Opportunities for a gender approach in anthropic-oriented language learning and communication] *Kavkazovedenie /Caucasology*, №2, 2002. S. 134-141 (In Russian).
- Kirilina A.V.* (2015) *Semioticheskie osobennosti gendernyh reprezentacij v sovremennoj Rossii* [Semiotic features of gender representations in modern Russia]. *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference «Language as a Constitutive Element of a Gendered Society – Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages»* (Innsbruck, 1-4 October 2014). Ed. by Dennis Scheller-Boltz. Serie Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden. P. 33-49.
- Konovalova S.A.* *Gendernaja specifika vyrazhenija predikativnyh otnoshenij v tekste narodnoj volshebnoj skazki* [Gender specificity of expression of predicative relations in the text of a folk fairy tale]. Diss. ... kand. filol.n.: 10.02.19. M., MGLU, 2005. 219 s. (In Russian).
- Pojmanova O.V.* *Semanticheskoe prostranstvo videoverbal’nogo teksta* [Semantic space of video verbal text]: diss. ... kand. filol. n.: 10.02.19. M., 1997. 237 s. (In Russian).
- Russkaja grammatika* [Russian grammar] N. Ju. Shvedova (gl. red.). M.: Nauka, 1980. T.1, T.2 (In Russian).
- Svad’bina T.V., Nemova O.A., Pakina T.A.* *Sovremennyy trafik rabotorgovli: prichiny, posledstviya, profilaktika*. [Modern traffic of the slave trade: causes, consequences, prevention]. SOCIS, 2014. № 2, S. 43-48 (In Russian).
- Tafel, K.* (1997) *Die Frauim Spiegelderrussischen Sprache*. Wiesbaden.
- Scheller-Boltz, Dennis* (2017) *The Discourse on Gender Identity in Contemporary Russia. An Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. Georg OlmsVerlag Hildesheim – Zürich – New York.

Vas'kova O.A. Gender kak predmet leksikograficheskogo opisanija (na materiale frazeologii). [Gender as a subject of lexicographical description (on the basis of phraseology)]. Diss. ... k. filol.n: 10.02.19. M., MGLU, 2006. 178 s. (In Russian).

Dictionaries

Uchebnyj slovar' sochetaemosti slov russkogo jazyka [Educational Dictionary of the Compatibility of the Words of the Russian Language]. Pod red. P.N. Denisova i V.V. Morkovkina. M.: Russkij jazyk, 1978. 688 s. (In Russian).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-30-40

ФАКТ СОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ: КРАТКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ¹

Вдовиченко Андрей Викторович

Ведущий научный сотрудник ИЯз РАН;

109004 Москва, Б. Кисловский пер., 1

профессор ПСТГУ;

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая д. 23Б;

anlvdo@mail.ru

В статье приводится описание эксперимента («Удар локтем. Различие фактов сознания и коммуникации»). На основании полученных данных рассматривается соотношение акта сознания и знакового (вербального) процесса. Попытки объяснения действий испытуемых с признанием вербального основания когнитивной деятельности ведут к противоречиям и концептуальным несостыковкам: приходится признавать, что испытуемые не понимают (или понимают слишком медленно) то, что непосредственно наблюдают; являются носителями различных «русских языков»; приостанавливают мыслительный процесс, когда не говорят, и пр. Наоборот, принципиальное разделение работы сознания и коммуникативного (семиотического) процесса составляет единственное условие корректной интерпретации естественных вербальных данных. Если мыслительный процесс протекает без слов (без семиотического воздействия), то естественный вербальный процесс на стадии реализации сохраняет весьма косвенную связь с исходным когнитивным состоянием коммуниканта, как физическое открывание двери представляет собой уже лишь последствие обдумывания открывания двери, то есть нечто принципиально иное. Тем более, естественный когнитивный процесс не может строиться как вербальная последовательность, подобно тому, как обдумывание открывания двери не может быть самим открыванием.

Ключевые слова: сознание, когниция, естественный вербальный процесс, соотношения мысли и слова, эксперимент, вербальные клише, коммуникативная модель, семиотический поступок, когнитивное состояние

Введение

В качестве цели написания данной статьи автор рассматривает возможность предъявить результаты небольшого эксперимента-наблюдения («Удар локтем. Различие фактов сознания и коммуникации»), который был проведен им в октябре 2018 г. среди участников исследовательской группы, работающей по проекту РФ «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели».

---

¹ Статья подготовлена в Институте языкознания РАН при поддержке РФ, грант № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели».

Обсуждение полученных результатов носит предварительный характер и, скорее, имеет значение задела для дальнейшего более подробного выяснения того, с использованием *каких терминов и теоретических объектов* описывать обнаруживаемое (намеченное в эксперименте) *соотношение деятельности сознания*, с одной стороны, и *коммуникативных процедур*, с другой.

Вместе с тем, как показал опыт работы исследовательской группы [Журавлев, Журавлева 2017; Журавлев 2009; Вдовиченко, Тарасов 2017; Тарасов 2018; Вдовиченко 2009; 2016; 2016а; 2018; Степанова 2017 и др.], затрагиваемый вопрос соотношения имеет кардинальное значение для разработки модели (в нашем случае – *коммуникативной* модели) вербального процесса, и поэтому любая исследовательская работа в области вербальных данных («языка») и/или сознания предполагает принятие по этому вопросу *какой-то определенной обоснованной позиции*.

Так, не одно и то же – рассматривать деятельность сознания («мысль») тесно связанной с вербальными данными, видя в «языке» источник смыслообразования (как бы последнее ни понимать), – и считать вербальные клише инструментами действия исключительно в коммуникативном пространстве, связанными с деятельностью сознания весьма косвенной связью, не имеющими собственного тождества и не способными производить смыслообразование [о значимости этого вопроса см.: Журавлев 2018].

На этом фоне нужно заметить, что проведенный эксперимент вносит свой вклад в *обсуждение и установление главных ориентиров* любого лингвистического и филологического исследования – *источников смыслообразования в вербальных данных*, со всеми вытекающими отсюда теоретическими и практическими следствиями.

Связь с предыдущим экспериментом

Эксперимент в краткой форме демонстрирует результаты, которые в определенном отношении повторяют те, что были получены при проведении другого, более развернутого по времени и числу событий, эксперимента [см. Вдовиченко 2018]. В предыдущем случае испытуемым было предложено просмотреть и интерпретировать видеосюжет, в котором они могли наблюдать видеонаратив без слов, но с действующими персонажами. События «немного фильма» (известный видеонаратив У. Чейфа «Мальчик, похищающий груши») условно рассматривались экспериментатором как примеры *несемиотических* действий, которые, несмотря на отсутствие знаков («слов»), интерпретировались и понимались испытуемыми. *Семиотическое* действие в пространстве чейфовского видеонаратива возникает только один раз и представляет собой «свист», который столь же легко и без усилий был понят испытуемыми как конкретный коммуникативный поступок, несмотря на полную невозможность ответить на заданный им до просмотра фильма вопрос «Что означает свист? Какое значение имеет свист?».

Главным выводом по итогам эксперимента предлагалось считать принципиальную возможность *интерпретировать и понимать действие*, независимо от того, какое оно – коммуникативное вербальное (за пределами данного эксперимента), коммуникативное невербальное («свист» мальчика в видеонаративе) или некоммуникативное, *несемиотическое* (собираание или похищение груш в видеонаративе, падение с велосипеда и пр.) [Вдовиченко 2018].

В новом, представленном здесь, эксперименте испытуемые сами были вовлечены не только в интерпретацию, но и в порождение семиотических и *несемиотических*

действий, что рассматривалось и фиксировалось экспериментатором как основной объект исследовательского интереса.

Описание эксперимента

В эксперименте в качестве испытуемых принимали участие коллеги, работающие в исследовательской группе проекта (8 человек), а также трое коллег-волонтеров.

В индивидуальном общении экспериментатора и испытуемого («тет-а-тет») каждому испытуемому предлагалось сразу после фиксации внимания на поведении экспериментатора наблюдать за его действиями.

Затем, после совершенного экспериментатором невербального, (псевдо)некоммуникативного поступка («удар локтем о край стола и демонстрация боли выражением лица, растиранием ушибленного локтя и втягиванием воздуха сквозь зубы»), каждый испытуемый, насколько возможно быстро, должен был засвидетельствовать свое понимание того, что произошло.

Чтобы продемонстрировать результат своего восприятия увиденных действий экспериментатора, испытуемый должен был закончить однотипное, предлагаемое всем, высказывание, которое описывало данный поступок. Процедура состояла в следующем:

Сразу после совершения действия (удар локтя о край стола и пр.), экспериментатором проговаривалось незаконченное предложение «Он ударился локтем и _____». Испытуемый должен был заполнить пропуск в данном предложении, описывающем увиденный им поступок. Испытуемому оставалось добавить одно или несколько слов в уже имеющееся высказывание.

Ответы испытуемых (как, впрочем, и быстрота их реакции) фиксировались в письменной форме, а также на видеокамеру, и впоследствии анализировались.

Данные, полученные в ходе эксперимента

В ходе эксперимента были получены следующие *данные* для дальнейшей интерпретации:

1. Все испытуемые исполнили поставленную задачу, то есть закончили предложение, посредством которого описывалось увиденное действие; некоторые из них (шесть человек) дали по несколько вариантов описания.

2. Время реакции на предложенный стимул (реакция обнаруживалась в виде произнесения слов, которые каждый добавлял в озвученное экспериментатором предложение, описывающее увиденное испытуемым действие) варьировалось между испытуемыми и составляло от 1-й до 15-и секунд (в среднем 4-5 секунд) от момента озвучивания предложения-описания («Он ударился локтем и _____») до произнесения своего варианта восполнения пропуска.

3. Вербальные клише, использованные для описания действия, последовавшего за ударом локтя о край стола, в основном, тоже варьировались: «втянул воздух через зубы», «почувствовал боль» (2 раза), «зашипел», «застонал», «ошутил пронзительную боль», «скорчился от боли», «вздрогнул от боли», «вдохнул воздух», «обнаружил реакцию на боль».

Краткая интерпретация полученных данных

Для нашей цели, которая состоит в *определении соотношения факта сознания (понимания произошедшего) и говорения вербальных клише* в естественных услови-

ях, значимыми представляются приведенные ниже взаимосвязи и выводы. Одновременно при *интерпретации данных* производится попытка ввести некоторые понятия и теоретические объекты, пригодные для эффективного описания соотношения факта сознания и факта коммуникации. События, происходящие в рамках эксперимента, представляются достаточно простыми и очевидными, что позволяет минимизировать двусмысленность и казуистичность при их интерпретации.

(1) Исполняя задачу завершить описание увиденного (заполнить пропуск в предложенном варианте описания), ни один из испытуемых *не обнаружил непонимания действия*, которое произвел экспериментатор. Каждый испытуемый, с легкостью исполняя ранее полученную просьбу экспериментатора, *по умолчанию свидетельствовал* о том, что произошедшее на его глазах событие было для него совершенно понятным. Никто из испытуемых не задавал уточняющих или недоуменных вопросов. Можно с полной уверенностью заключить, что действие экспериментатора, то есть переживание боли после удара локтем о стол (не важно, считать ли данное действие коммуникативным или некоммуникативным), понимается испытуемыми, *несмотря на отсутствие внешних словесных пояснений* со стороны кого бы то ни было.

(2) Временной лаг, возникающий между озвучиванием предложения-неполного описания (что делал экспериментатор) и озвучиванием варианта завершения описания (что делал испытуемый), свидетельствует о *наличии некоторого количества времени*, потраченного испытуемыми *на подбор вербальных клише* для исполнения требуемой от них коммуникативной задачи – завершить описание только что увиденного. При этом подбор вербальных клише осуществлялся в соответствии с *уже имеющимся пониманием* того, что произошло. Невозможно утверждать, что понимание происходящего наступало в момент, когда испытуемый произносил вербальное клише, описывающее только что увиденное. Можно, наоборот, с уверенностью утверждать, что *поиск вербального клише* (длвшийся от 1-й до 15-и секунд в каждом отдельном случае) определялся и направлялся *ранее возникшим пониманием* («мыслью», «фактом сознания») того, что произошло, и что это *понимание* («мысль», «факт сознания») – ввиду наличия определенного времени и усилий, потраченных на поиск словесного коммуникативного клише, – было *невербальным: понимание поступка экспериментатора не было автоматически связанным у испытуемых с каким-то вербальным комплексом*. Именно поэтому произнесенный ими вербальный комплекс был отделен от акта сознания значительным промежутком времени (от 1-й до 15 секунд).

(3) Значительная вариативность ответов, описывающих увиденное (произведенное экспериментатором) действие, *нельзя рассматривать как свидетельство кардинального различия пониманий* действий экспериментатора различными испытуемыми.

Более подробная интерпретация полученных данных

Действие, которое экспериментатор производил напоказ во всех случаях (удар локтем правой руки о край стола и последующая характерная реакция в виде втягивания воздуха через зубы, с изображением переживания боли на лице и массажем ушибленного места), было выбрано им специально для того, чтобы *осложнить исполнение коммуникативной задачи*, поставленной перед испытуемыми и состоявшей в том, чтобы предъявить свидетельства понимания, ответить на просьбу экспериментатора, давая описание того, что произошло.

Дело в том, что, в отличие, скажем, от английской коммуникативной типологии, где подобному действию – втягиванию воздуха через зубы от характерной боли – условно соответствует (насколько нам известно) *отдельное коммуникативное клише* («to suck one's teeth»), в русской коммуникативной типологии отдельное клише (типа «втянуть воздух сквозь зубы», «засосать воздух через зубы») фактически отсутствует, употребляется редко, выглядит не вполне устойчивым и конвенциональным.

Иными словами, испытуемые были изначально поставлены в такие условия, когда описать увиденное действие было непросто ввиду отсутствия у них сформировавшейся привычки вовлекать данное действие («втягивание воздуха через зубы от боли») в вербальные коммуникативные интеракции. Данное действие – всегда вынужденное, входящее в состав единого комплекса действий (почувствовать боль и втянуть воздух, обжечься и втянуть воздух и пр.). Оно редко становится самостоятельным объектом внимания, редко попадает в коммуникативный фокус, поэтому его вовлечение в коммуникацию посредством каких-то вербальных клише не обладает достаточным автоматизмом у большинства носителей (русской) коммуникативной типологии (так называемого «языка»).

Таким образом, если попытаться реализовать крайнюю «языковую логику» в интерпретации данного эпизода, то по необходимости нужно было бы констатировать следующее.

Если говорящие по-русски мыслят словами (имеют «языковое мышление»), и в их родном «языке» вербальное клише для названия данного действия отсутствует (или мало используется), то само действие – «втягивание воздуха сквозь зубы от боли» – должно было остаться русскоговорящими испытуемыми (большинством из них) непонятым, не доступным их сознанию.

В таком случае, фактическая, констатированная в эксперименте, *вариативность описаний*, как будто подтверждает «строгую языковую логику»: из одиннадцати испытуемых только трое в своих реакциях-описаниях отразили факт «вынужденного движения воздуха через рот и/или зубы» вследствие испытанной боли («втянул воздух через зубы», «зашипел», «вдохнул воздух»). Получается, что большинство испытуемых (8 человек) не смогли понять происходящее вследствие незнания «нужных слов» и возникающей, как следствие из этого, *неспособности представить данный факт собственному сознанию*, – тем более *постороннему*, напр., сознанию экспериментатора [ср.: Журавлев 2017].

Воссоздадим еще несколько последствий «языковой» интерпретации, усугубляющих *абсурдность* применения «языковой логики» для объяснения данного эпизода.

Так, на основании статистики, «царицы лингвистических доказательств», русскоговорящие (из категории «с высшим образованием») в массе (приблизительно в соотношении 4 к 1-му) *не понимают*, что человек, который ударился локтем о край стола и испытывает характерную боль, втягивает при этом воздух сквозь зубы: 8 человек из 11-ти, согласно их вербальным свидетельствам, не обнаружили не только понимание, но и сам факт видения этого события («почувствовал боль» (2 раза), «застонал», «ощутил пронзительную боль», «скорчился от боли», «вздрогнул от боли», «обнаружил реакцию на боль»).

На основании все той же экспериментально подтвержденной статистики можно заключить, что испытуемые являются «носителями» различных «русских языков», если об одном и том же событии они пытаются говорить по-разному («различными словами»), а, значит, и думать по-разному («различными словами»).

Наконец, «словесная мысль» испытуемых оказалась, мало того что неточной и неправильной в большинстве случаев, но еще и ощутимо замедленной, подозрительно «заторможенной»: от просьбы-предложения «Он ударился локтем и _____» до обнаружения «словесной мысли» проходило от 1 до 15 секунд, плюс время, прошедшее с момента самого демонстративного действия экспериментатора. Если считать «мысль» об увиденном вербальной, то такая «мысль» возникла только в момент появления языкового клише с лагом от 1 до 15 секунд, оказавшись значительно удаленной во времени от стимула (демонстративного действия экспериментатора). А в таком случае, получается, что испытуемый, ища слова, тем самым как будто искал способ понять происходящее, и, найдя слова, достиг, наконец, искомого понимания – «сформировал мысль об увиденном».

При этом, если бы кто-то из испытуемых решил по каким-то причинам вообще ничего не говорить, то в таком случае следовало бы вовсе констатировать остановку мыслительного процесса, ввиду очевидного отсутствия вербального процесса.

Итак, обвинять ли большинство русскоязычных участников эксперимента (из категории «с высшим образованием») в том, что они не понимают, что происходит в момент, когда человек ударяется локтем о край стола и, испытывая боль, втягивает воздух сквозь зубы, – попутно выражая страдание на лице и потирая ушибленный локоть? Следует ли утверждать, что скорость их мыслительных операций по пониманию увиденного поступка равна промежутку времени, прошедшему с момента увиденного события до произнесения вербальных клише? Нужно ли констатировать отсутствие работы сознания в тот промежуток, когда оно еще не дало «команды на производство звуков речевым органам»? Настолько ли различно понимание происходящего между испытуемыми, насколько различны произнесенные испытуемыми вербальные комплексы?

Избавиться от этих недоумений, возникающих при попытках навязать вербальный компонент акту сознания (восприятию удара локтя о стол и переживаемой боли), удастся только в том случае, если *принципиально разделить деятельность сознания и коммуникативную (семиотическую) деятельность*, реализуемую со словами или иными знаками.

Эти деятельности обладают различными «природами». Работа сознания не может быть словесной, поскольку любой внешний знак (в том числе вербальный) нужен обладателю сознания только для того, чтобы стать частью коммуникативной – акциональной, «воздействующей», совершительной – процедуры.

Производить воздействие на собственное сознание теми же способами, что и на постороннее сознание, означало бы для коммуниканта впасть в своего рода когнитивное раздвоение, ментальную схизму: если в случае воздействия на *постороннее* сознание коммуникант планирует произвести в нем изменения, заведомо предполагая привнести что-то новое в сферу чужого сознания, добиться изменений в нем, то в случае *воздействия на себя самого* ему сначала придется целенаправленно лишиться самосознания и тождества, признать себя не равным себе (сойти с ума) и только после этого привнести в эту сферу, мыслимую теперь чуждой, какую-то новизну (изменение) производимыми знаками («словами»).

По-видимому, все же можно считать аксиомой, что анекдот («Кому пишешь письмо?» – «Себе» – «О чем?» – «Не знаю, еще не получал») остается анекдотом, а не отражением состояния дел в области когниции и знаковой (в т.ч. вербальной) деятельности.

На этом фоне интерпретация того, что происходило с участниками эксперимента, получает адекватное объяснение только при условии снятия (упразднения) языкового мысле-словного подхода, или «языковой модели» как таковой.

Поскольку *думать* (строить планы, анализировать ситуацию, констатировать свойства и объекты, принимать решения, формировать актуальные множества, и пр.), с одной стороны, и *совершать семиотический поступок* (воздействовать на представимое постороннее сознание во всегда комплексной ситуации комплексом средств, в том числе словами), с другой, – принципиально различные виды деятельности (состоящие из действий различного вида и имеющие различные цели), то испытуемые в ходе эксперимента, *когда понимали, не говорили (не использовали слова), а когда говорили, уже давно все поняли*. Подобно тому, как обдумывание открывания двери – это не само открывание двери, а физическое открывание двери – уже не обдумывание данного действия.

Так, участник эксперимента в момент, когда экспериментатор совершил «действии напоказ» (ушибленный локоть и демонстрация боли, со втягиванием воздуха через зубы), без труда осознавал происходящее без каких-либо внутренних знаков. Ему было достаточно увиденных действий, которые он, благодаря интериоризации (эмпатии) и вообще «отсчитыванию от себя» способен понимать.

В момент, когда экспериментатор произнес неполную вербальную формулу, как бы описывая часть события и вызывая к завершению описания («Он ударился локтем и _____»), испытуемый включался в размышление (долгое или краткое) не о том, какое событие произошло, и уж тем более, не искал слова, чтобы это событие понять, а принимался за поиски того, *какое вербальное клише подобрать для исполнения коммуникативной задачи*, которую он принял на себе, согласившись участвовать в эксперименте. В частности, как «аутентичный носитель лингвокультурного опыта», он пытался вспомнить соответствующую коммуникативную типологию для «этого», уже понятного ему без слов, «которое» ему только предстояло вовлечь в коммуникативное действие (последнее состояло в том, чтобы дать понять экспериментатору, что он, испытуемый, понимает, что произошло, и позитивно взаимодействует с экспериментатором и пр.).

Над организацией коммуникативного воздействия (а не над пониманием события) испытуемым пришлось потрудиться от 1 до 15 секунд. Для тех, кто планировал ответить про «воздух сквозь зубы» (хоть это было не единственное, что потенциально извлекалось из большой целостной непротиворечивой картинке, запечатленной в сознании каждого), процесс был осложнен нечастотностью и непривычностью такой коммуникативной синтагмы. Но понимания того, что произошло (как человек ударяется локтем о стол; откуда воздух сквозь зубы; почему боль и пр.), процесс планирования и организации коммуникации никак не затрагивал. В результате, итоговый семиотический поступок с участием слов ощутимо отстал от «невербальной работы сознания» (факта сознания): *сначала – понимание действия, а уже потом, многим позднее, планирование и организация семиотического действия (что заняло от 1-й до 15-ти секунд) на основе свершившегося без слов факта понимания (факта сознания)*.

Здесь же стоит отметить – снова вопреки языковой модели – принципиальную нетождественность вербального клише («слова») вне конкретного коммуникативного воздействия, – что также отразилось на ходе эксперимента и действиях испытуемых.

Так, использованные большинством участников вербальные клише, в которых не упоминается «воздух» и сам процесс его «перекачивания сквозь зубы», как будто не могут претендовать на исчерпывающее описание ситуации. Однако цель коммуникативного действия состоит не в использовании «правильных» вербальных клише, а в эффективном воздействии на постороннее сознание. В сознании всех участников эксперимента (в том числе экспериментатора) событие с локтем и воздухом присутствовали уже до того, как об этом нужно было сказать (описать, реализовать коммуникативную задачу). Для того чтобы указать на эту реальность, испытуемым было достаточно воспользоваться, например, просто словом «это», или «то, что все мы видели», или «то, что он сделал *вот так* (с показом и подражанием)». Или употребить несколько странные для внешнего наблюдателя клише «передернулся от боли», «зашипел», «вздрогнул». В этих не вполне «адекватных» клише испытуемый передавал нечто известное и без этих слов, что само по себе снимало с испытуемого ответственность за «неточность семиотических указателей»: он все равно указывал на «только что увиденное и очевидное всем». Поэтому просить описать только что показанное – было изначально несколько искусственной задачей, с которой испытуемые справлялись, возможно, так же, как с ответом на экзамене, не вдохновляемые актуальностью своего сообщения. При этом в сознании у них было приблизительно одинаково понятие (тождественное) событие.

Выводы

Таким образом, полученные результаты, скорее, свидетельствуют в пользу упразднения языковой модели как средства объяснения происходящего в сознании и в семиотической процедуре. *Принципиальное разделение работы сознания и коммуникативного (семиотического) процесса* (последний может протекать без участия или – в данном случае – с участием слов) составляет важное условие корректной интерпретации естественных вербальных данных. Если *мыслительный процесс* реализуется без слов (и вообще без каких-либо атрибутов семиотического воздействия), то естественный *вербальный процесс* на стадии реализации сохраняет весьма косвенную связь с исходным когнитивным состоянием коммуниканта, как физическое открывание двери представляет собой уже лишь следствие обдумывания открывания двери, то есть нечто принципиально иное. Тем более, естественный когнитивный процесс не может строиться как вербальная последовательность (внешнее воздействие), подобно тому, как обдумывание открывания двери не может быть самим открыванием.

На фоне продемонстрированного в эксперименте отношения факта сознания к вербальным данным (то есть на фоне ясно наблюдаемого *различия знаковых процедур сознания и знаковых семиотических действий*), следует признать *независимость состояний индивидуального сознания от «языка»* («известных говорящим вербальных клише»), в том числе от так называемой «языковой картины мира», конструируемой исследователями на основе мнимо-автономных «языковых единиц, руководящих сознанием»; а также – признать значительно ослабленной связь между фактами индивидуального сознания и различными внешними детерминантами, если последние в процедуре исследования прямо ассоциированы с феноменами «языка», – культурной, национальной, этнической, социальной, профессиональной, конфессиональной: понимание того, как экспериментатор ударился локтем и отреагировал на возникшую боль, происходило независимо от какого-либо «языка», «языкового сознания», «какой-то-язычной» культуры, нации, социальной страты, религии и пр.

Литература

Вдовиченко А.В. О несамотождественности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 164-175.

Вдовиченко А.В. Проблема субъективности знания и естественный вербальный процесс // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2016а. Вып. 3 (48). С. 22-44.

Вдовиченко А.В. Расставание с «языком»: Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 510 с.

Вдовиченко А.В. Акциональное смыслообразование: что порождается и понимается в естественном коммуникативном процессе // Вопросы психолингвистики 3 (37) 2018. С. 112-125.

Вдовиченко А.В., Тарасов Е.Ф. Вербальные данные в составе коммуникативного действия: язык, текст, автор, интерпретатор // Вопросы психолингвистики. 2017. Вып. 4 (34). С. 22-39.

Журавлев И.В. Органы сознания и механизм объективации // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 141-150.

Журавлев И.В. Философские проблемы современной психолингвистики и психологической теории деятельности // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.-Калуга: Издательство «Эйдос», 2009. С. 32-41.

Журавлев И.В., Журавлева Ю.В. К построению коммуникативной модели речевого процесса: методологические проблемы // Вопросы психолингвистики. 2017. №2. №3 (33). С. 48-61.

Журавлев И.В., Журавлева Ю.В. Слово и объект (возможна ли бессловесная мысль) // Вопросы психолингвистики. 2 (36). 2018. С. 42-57.

Степанова А.А. Решение задач общения при помощи речевых действий // Вопросы психолингвистики. 3 (33). 2017. С. 135-141.

Тарасов Е.Ф. Онтологические предпосылки теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2 (32). 2017. С. 160-166.

ACTIVITY OF CONSCIOUSNESS AND COMMUNICATIVE ACTION:
A BRIEF EXPERIMENT

Andrey V. Vdovichenko

Leading Researcher

Sector of Theoretical Linguistics

Institute of Linguistics, RAS

1/1 B.Kislovsky per., Moscow, 125009

Professor

Faculty of Philology

Orthodox St Tikhon University for Humanities

23B Novokuznetskaya ul., Moscow, 115184

anlvdo@mail.ru

The article provides a description of the experiment (“Understanding actions without words”). Based on the data obtained, the relationship between the activity of consciousness and the semiotic (verbal) process is considered. Attempts to explain the actions of subjects with the recognition of the verbal basis of cognitive activity lead to contradictions and conceptual inconsistencies: we have to admit that the subjects do not understand what they directly observe; know various ‘Russian languages’; suspend the thinking process when they do not speak, and so forth. On the contrary, the fundamental separation of the work of consciousness and the communicative (semiotic) process is the only condition for the correct interpretation of natural verbal data. If the thinking process proceeds without words (without semiotic impact), then the natural verbal process in the implementation stage maintains a very indirect connection with the communicator’s original cognitive state, as the physical opening of the door is already a consequence of thinking about opening the door, that is something fundamentally different. Moreover, the natural cognitive process cannot be built as a verbal sequence, just as thinking about opening a door cannot be the opening itself.

Keywords: consciousness, cognition, natural verbal process, correlation of thought and word, experiment, verbal clichés, communicative model, semiotic act, cognitive state

References

Vdovichenko, A.V. (2016) O nesamotozhdestvennosti yazykovogo znaka. Prichiny i sledstviya «lingvisticheskogo imyaslaviya» [Non-self-identity of a linguistic sign. Causes and effects of the “linguistic onomatodoxia”] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. № 6. S. 164-175. (in Russian).

Vdovichenko, A.V. (2016a) Problema subjektivnosti znaniya i estestvennyj verbalnyj process [The Problem of sign subjectivity and the natural verbal process] // Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya [St. Tikhon’s University Review. Philology]. Vyp. 3 (48). S. 22-44. (in Russian).

Vdovichenko A.V. (2009) Rasstavanie s «yazy`kom»: Kriticheskaya retrospektiva lingvisticheskogo znaniya [Parting with “language”. Critical retrospective of the linguistic knowledge]. M.: Izd-vo PSTGU. 510 s. (in Russian).

Vdovichenko A.V. (2018) Akcionalnoe smysloobrazovanie: chto porozhdaetsya i ponimaetsya v estestvennom kommunikativnom processe [Actional sense production: what is generated and understood in the natural verbal process] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 3 (37). S. 112-125. (in Russian).

Vdovichenko A.V., Tarasov E.F. (2017) Verbalnyje dannye v sostave kommunikativnogo dejstviya: yazyk, tekst, avtor, interpretator [Verbal data in the communicative action: language, text, author, interpretation] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. Vyp. 4 (34). S. 22-39. (in Russian).

Zhuravlev I.V. (2010) Organy soznaniya i mexanizm objektivacii [Instruments of consciousness and the mechanism of objectification] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. № 2 (12). S. 141-150. (in Russian).

Zhuravlev I.V. (2009) Filosofskie problemy sovremennoj psixolingvistiki i psixologicheskoj teorii deyatel'nosti [Philosophical problems of modern psycholinguistics and the psycholinguistic theory of activity] // *Yazyk i soznanie: psiholingvisticheskie aspekty. Sbornik statej* [Language and consciousness. Psycholinguistic aspects. Collected papers] / Pod red. N.V. Ufimcevoj, T.N. Ushakovej. M. – Kaluga: Izdatel'stvo «Ejdos», S. 32–41. (in Russian).

Zhuravlev I.V., Zhuravleva Yu.V. (2017) K postroeniyu kommunikativnoj modeli rechevogo processa: metodologicheskie problemy [Towards the constructing the communicative model of speech process: problems of methodology] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. №2. №3 (33). S. 48-61. (in Russian).

Zhuravlev I.V., Zhuravleva Yu.V. (2018) Slovo i objekt (vozmozhna li besslovesnaya mysl') [Word and object (Is a wordless thought possible?)] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2 (36). S. 42-57. (in Russian)

Stepanova A.A. (2017) Reshenie zadach obshheniya pri pomoshhi rechevyh dejstvij [Solving the tasks of communication with the speech acts] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 3 (33). S. 135-141. (in Russian).

Tarasov E.F. (2017) Ontologicheskie predposylki teorii rechevogo obshheniya [Ontological premises of verbal communication] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2 (32). S. 160-166. (in Russian).

УДК 81'27 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-41-52

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНА БЫТИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА

Владимирова Татьяна Евгеньевна

профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

ул. Кржижановского, 24/35, Москва, Россия, 117218

профессор, РУДН

ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198

yusvlad@rambler.ru

Настоящая статья посвящена раскрытию сложной природы языковой картины мира, которая приобретает экзистенциальное измерение при обращении к унаследованному способу бытия национальной языковой личности. В обосновании этого положения и заключается главная цель представленной работы. Рассмотрение языковой картины мира и бытия, а также стоящей за ней личности как актуальной задачи психолингвистики позволяет объединить в одном исследовательском горизонте данные лингвистики, психологии, онтологии, как философского учения о бытии, и синергетики. Предложенный металингвистический подход (М.М. Бахтин) актуализирует внимание исследователя на анализе лично осознаваемого, эмоционально и интуитивно воспринимаемого актуального бытия, а также тех смысложизненных представлений, которые составляют ценностное ядро сознания языковой личности и прообраз искомого речевого взаимодействия с другими. Тем самым удается дополнить функционально-коммуникативное описание языковой картины мира данными о «языковом существовании» (Б.М. Гаспаров) ее создателя. При таком подходе экзистенциальная картина бытия рассматривается как присутствующая в сознании «лента жизни», в которой находит отражение не только когнитивно-коммуникативный, но и экзистенциальный опыт бытия языковой личности, базирующийся на представлениях о смысле жизни.

Ключевые слова: картина мира, сознание, бытие, личность, онтология, экзистенциальный

Введение

Антропный принцип восприятия окружающей действительности предопределил общность языков и языковых картин мира. Вместе с тем языковая картина мира – это источник формирования *самобытной языковой личности*, ключ к ее миропониманию и исторически сложившемуся образу жизни.

Анализ языковой картины мира, как правило, не включает рассмотрение способа бытия и его сущностных оснований, которые являются предметом онтологии. Но невнимание к «онтологической реальности» (Г.П. Щедровицкий) и уходим в прошлое ценностным установкам, регулятивам и институтам бытия приводит к тому, что «забывают о людях, в мышлении у которых эти отношения устанавливаются, пренебрегают их конкретной культурой и уже не знают, ни откуда, ни кто они» [Леви-Стросс 2000: 367].

Исследовательский интерес к раскрытию многомерной природы языковой картины мира и «онтологической специфики языка», «его “встроенности” в естественное и социальное окружение носителя языка» [Залевская 2015: 72] обусловили актуальность настоящей статьи и ее направленность на бытийную (экзистенциальную) составляющую картины мира.

Обращение к языковому бытию и его духовной составляющей в значительной степени было подготовлено принятой антропологической парадигмой, а также экзистенциальным и онтологическим «поворотами» в гуманитарных науках. Отныне язык и речь рассматривались через призму человека, а одним из актуальных объектов стала русская языковая картина мира. Здесь мы имеем в виду работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, М.М. Бахтина, Т.В. Булыгиной, А. Вежбицкой, Л.С. Выготского, Т.М. Дридзе, В.П. Зинченко, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, Г.В. Колшанского, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, И.Б. Левонтиной, А.А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева, М.Л. Макарова, В.А. Масловой, В.А. Пищальниковой, З.Д. Поповой, В.И. Постоваловой, Е.В. Рахилиной, С.Л. Рубинштейна, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасовой, Е.В. Урысон, А.А. Уфимцевой, Н.В. Уфимцевой, А.Д. Шмелева, Г.Г. Шпета, Е.С. Яковлевой и др.

Важной вехой в раскрытии многомерности бытия языковой личности стало понимание «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили), в котором взаимодействуют рефлексивная, бытийная (экзистенциальная) и духовная составляющие [Зинченко 2010: 113]. Тем самым были созданы предпосылки для перехода к целостному изучению языковой картины мира носителей различных лингвокультурных традиций. Существенным представляется также тот факт, что «онтология межкультурного общения создает оптимальные условия для анализа национальных языковых сознаний, и эта оптимальность в первую очередь определена тем, что она нарушает автоматизм восприятия языкового сознания благодаря использованию нового “прибора” – инокультурного сознания» [Тарасов 1996: 20].

Языковая картина мира: онтогенетический и психолингвистический аспекты. Языковая картина мира с характерными для нее представлениями и установками формируется в детском сознании из обращенной к ребенку речи. Поэтому уже первые контакты с матерью, родными и близкими, включая невербальные, способствуют развитию у ребенка сенсомоторного интеллекта и способности к различению того, что «можно» или «нельзя», «хорошо» или «плохо».

Но по мере соотношения различных объектов с определенными действиями и ситуациями в детском сознании складывается не только понятийно-конвенциональная система, в которой предметы, явления и действия ассоциируются с ответной реакцией на них, но и развивается способность к переживанию. В этом контексте заметим, что врожденное стремление человека к обретению смысла жизни выполняет функцию интегративной структуры личности, предопределяя ее целостность [Франкл 1997: 14; Д.А. Леонтьев 2003: 105].

Когда же на втором году жизни «ребенок как бы открывает символическую функцию речи» [Выготский 1982: 89], слова присутствуют в детском сознании вместе с привычным бытийным контекстом и усвоенными правилами взаимодействия. Следовательно, на начальной ступени «пробуждающееся» сознание является вторичным по отношению к общению и, шире, к «онтологической реальности», которая всегда имеет отношение к ценности и вызывает ту или иную эмоционально-чувственную, а, следовательно, и экзистенциальную реакцию.

В итоге на основе ценностных (аксиологических и деонтических) представлений формируются речеповеденческие навыки и образ мира. Поэтому «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту языковая картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» [А.Н. Леонтьев 1975: 125]. Когда же, по мере возрастания и расширения контактов внешняя деятельность, интериоризируясь, переходит во внутреннюю («идеальную» – Л.С. Выготский), в сознании ребенка утверждаются критерии оценочных суждений и речь становится органичной частью его самовыражения. Но «биологические корни знания, в том числе и усвоения языка, необходимо искать в механизме саморегуляции / самоорганизации» [Уфимцева 1988: 183].

Со временем присвоенные ребенком «языковые матрицы» наполняются личностным эмоционально-чувственным, бытийным и рефлексивным опытом, а возможно, и первыми экзистенциальными переживаниями. Ведь последние могут достигать в повседневном существовании достаточно высокой степени осознанности в силу экспрессивной «заряженности» обращенной к ребенку речи. Позднее, когда в процессе взросления происходит более глубокое *восприятие окружающей действительности, себя и других*, в сознании складывается «многомерный образ мира, образ реальности» [Леонтьев А.Н. 1979: 3] и присвоенная картина мира становится осмысленной и всё более экзистенциальной.

В этом контексте отметим, что исследовательский интерес к изучению речевого онтогенеза и эволюции образа мира находится в фокусе внимания коммуникативной онтолингвистики как одного из актуальных направлений антропоцентрической лингвистики [Седов 2004: 287].

Картина мира и бытие языковой личности. Целостное единство «бытия-сознания» и включенность языковой личности в картину мира обусловили полипарадигмальный характер изучения данных исследовательских объектов. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, античную антропологическую концепцию целостности и, в частности, аристотелевскую процессуальную триаду: < *dynamis-energeia-entelecheia* > [Аристотель 2008: 232–233], где *dynamis* – «возможность» деятельности, готовность к ней»; *energeia* – «сама деятельность»; *entelecheia* – «осуществленность», соотносимая с представлениями об ее совершенном исполнении» [Гайденко 2000: 62].

При таком понимании потенциально возможное высказывание («бытие в возможности») становится в процессе речевой деятельности реальностью («бытием»). Но соотносённость сказанного с исходным намерением и искомым совершенством (энтелехией) порождает новую речевую интенцию («бытие в возможности») и новое высказывание («бытие») и т. д. Таким образом, речевое взаимодействие (языковое бытие) обусловлено ценностными (энтелехийными) представлениями и установками, которые задают основные векторы развивающейся языковой картины мира [Владимирова 2012].

Анализируя «учение об энтелехии как о последней цели и в то же время первой причине развития», М.М. Бахтин фактически утверждал, что «полное бытие и сущность человека есть не состояние, а действие, деятельная сила (“энергия”). При этом поступки, слова и другие выражения <...> и есть бытие самого характера, который вне своей “энергии” и не существует вовсе» [Бахтин 1986: 176-177]. Если же личностная оценка своего речевого поведения и, шире, бытия не совпадает с культурно обусловленными (энтелехийными) представлениями об искомом совершенстве, то создается

«познавательное-этическое напряжение жизни изнутри ее самое» [Бахтин 1979: 96] и возникают экзистенциальные переживания.

Так, поиск смысла жизни и стремление к полноте личностного существования, которая необходима для духовного самосовершенствования, становятся частью бытия и картины мира языковой личности. Поэтому сравнительное изучение языков с позиций философской истории человечества «служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985: 383].

Примечательно, что М. Хайдеггер, анализируя гумбольдтианский «путь к языку», заметил, что он «обусловлен не столько языком как языком, сколько стремлением в единой картине представить совокупность духовно-исторического развития человечества в его цельности, но одновременно также и в его всегдашней индивидуальности» [Хайдеггер 1993: 263]. Ведь картина мира каждого носителя языка несет на себе отпечаток свойственного ему хронотопа, личностного бытия и типа «темпоральной организации психики» (Н.Д. Арутюнова).

Языковая картина мира: синергетический аспект. Согласно теории содействующих систем, человек, как и любой живой организм, стремится к стабилизации внутренних параметров своего личностного бытия, не допуская любых форм его рассогласования. И в этом смысле жизнедеятельность находится вблизи неустойчивого, критического состояния (ср. образ «человека не на своем месте» В.Б. Шкловского). Возникающие при этом двойственные, неравновесные ситуации (столкновение мнений, конфликт, ссора и т.п.) могут осложнять существование, делая его непредсказуемым.

В развивающихся открытых системах, включая человека и его бытие, всегда существует зависимость настоящего и будущего от прошлого. Поэтому усвоенные культурные сценарии поведения являются источником возникновения «порядка из хаоса» (И. Пригожин). Кроме того, в работах по синергетике исследователи характеризуют состояние в ситуациях потенциальной угрозы распада как бимодальное и стремящееся быть кратковременным. Это объясняется тем, что принятые сценарии поведения выступают в качестве «источника порядка» (И. Пригожин). Ведь в рамках любой социальной общности осуществляется отбор допустимых вариантов поведения, в которых проявляется «наследственность системы», тесно связанная с памятью (Г.Н. Дульнев). Поэтому в жестко детерминированных системах настоящее определяет будущее, а прошлое – настоящее, обеспечивая сохранность самой системы.

Вместе с тем, по мнению Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, «развитие определяется не столько прошлым, историей, традициями системы, сколько будущим, структурами-аттракторами эволюции» [Князева, Курдюмов 2010: 183]. Следовательно, человек, с одной стороны, испытывает на себе воздействие энтелехийных представлений, принадлежащих будущему, а с другой – в своем речевом поведении и бытии опирается на прошлый опыт, т.е. на знания, ценности и переживания, накопленные в процессе жизнедеятельности. Воздействие двух различных аттракторов может усиливать экзистенциальную напряженность личностного существования, которое не поддается рациональному программированию.

Чтобы проиллюстрировать целостность бытия с позиции теории содействующих систем, вспомним древнекитайскую ориентацию на прообраз совершенного Пути (Дао). Примечательна и даосская интуиция об особом рода связях по типу стихийного и взаимно усиливающегося отклика эха. «То, что хотят сжать, непременно становится

сильным. То, что хотят уничтожить, непременно расцветает. Кто хочет отнять, теряет сам. Это трудно постижимо. Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное» [Григорьева 1989: 92].

Следовательно, в бытии проявляется синергетический принцип целостности, когда прошлое, настоящее и будущее выступают в их взаимосвязи, содействии и единстве. Что же касается представлений о прообразе бытия, то они отличаются этнокультурной спецификой. Если для русской языковой личности ведущим аттрактором традиционно выступало будущее, которое «просто надо увидеть и поддержать» (С.П. Курдюмов), то для китайцев – это прошлое, на которое следует ориентироваться, а для западных европейцев это, как представляется, настоящее. Таким образом, синергетическое осмысление языкового бытия раскрывает «становящийся» характер языковой личности и ее картины мира, которая выступает в качестве регулятора бытия и предопределяет восприятие и осмысление мира.

Языковая картина мира и «онтологическая реальность». Раскрытие сложной природы картины мира и бытия языковой личности сопровождалось стремлением дополнить сложившуюся понятийную систему. Здесь мы имеем в виду такие вошедшие в научный обиход полипарадигмальные понятия, как «смысловое поле» (Л.С. Выготский), «ценностно-смысловая картина мира» (М.М. Бахтин), «онтологическая интерпретация человеческого бытия» (М. Хайдеггер) и «онтологическая картина в восприятии, онтологическая картина в понимании, онтологическая картина в рефлексии» [Щедровицкий 1979], а также образ мира как «результат “сопричастности” человека его природной и социальной жизни», который нельзя смешивать с картиной мира [Тарасов 2008: 9].

Действительно, одним из наиболее обсуждаемых понятий оставалась картина мира. Так, М.М. Бахтин обратил внимание на то обстоятельство, что картина мира принципиально не включает в себя человека. «Картина мира, где все явления строго разграничены и занимают неизменные места (положения) в иерархии. Эта картина мира глубоко субстанциональна. С ней нельзя шутить, она монолитно серьезна. <...> Здесь всё равно себе самому. Здесь нет дублирования и второго плана. Незыблемость официальной иерархии». Вместе с тем существует также «переживаемый единственным образом действительный мир» [Бахтин 1997: 378].

В этом контексте примечательна также позиция А. Эйнштейна, согласно которой в формировании образа мира проявляется, во-первых, стремление человека «создать в себе простую и ясную картину мира, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир». А во-вторых, потребность в опоре, куда «человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головомозжешном круговороте собственной жизни» [Эйнштейн 1967: 40]. Тем самым была фактически высказана мысль о взаимодополнительности языковой картины мира и картины личностно переживаемого человеком бытия.

На целесообразность различения картины мира и картины жизни обратила внимание и Н.Д. Арутюнова. Согласно предложенной концепции, внутренние (психофизические) и внешние события выстраиваются в жизненной сфере последовательно и в ней же закладываются «семантика конкретно событийных имен» и принципы оценки. «Оценить – значит включить в сферу жизни. Только к ней применимо понятие идеала. Картина мира и картина жизни написаны разными красками и под разным углом зре-

ния. Для первой остается более важным пространственное, для второй – временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественнее сравнить с кинолентой» [Арутюнова 1999: 537].

В этом контексте обращает на себя внимание существенное уточнение В.И. Постоваловой, сделанное ею в ходе рассмотрения картины мира как целостного единства статики и динамики, стабильности и изменчивости. Отметив близость картины мира к работе художника, к которой он постоянно возвращается, автор видит в ней аналогию с «экраном, на котором запечатлевается работа человеческого духа в процессе формирования базисного образа мира» [Постовалова 1988: 48].

Интерес к изучению сущностных (онтологических) оснований картины мира и бытия закономерно привел к формированию лингвистической онтологии, призванной «заложить теоретический фундамент для общей лингвистики», а тем самым и «предпосылки для создания фундаментальной онтологии языка» [Бондаренко 2009: 15].

Экзистенциальная картина бытия языковой личности. Большой вклад в исследование данной проблематики внесли труды М. Хайдеггера. Рассмотрим его восходящую к Аристотелю триаду <язык – способ бытия – культура>, где язык («дом бытия») обуславливает самобытный «способ бытия-в-мире» национальной языковой личности. Что же касается третьего члена триады, то «мыслители и поэты, хранители жилища», создают культуру как энтелехийный прообраз бытия [Хайдеггер 1993: 192 и сл.]. Возникающая на этой основе «картина мира, сущностно понятая», служит своего рода призмой миропонимания: «Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом» [Хайдеггер 1993: 49]. Так, обладая определенной степенью свободы в поисках смысложизненных основ бытия, человек берет на себя ответственность за сделанный выбор.

Справедливость данного положения становится очевидной при обращении к укорененным в сознании ценностным (энтелехийным) представлениям об искомом бытии. Формируясь изначально в области чувств и интуитивного мировосприятия, а позднее и в ходе рефлексивного анализа, смысл жизни задает культурно обусловленные представления о подлинном существовании. Так, в сознании укореняется образ экзистенциально-онтологической реальности и формируется собственная картина мира и бытия.

Раскрывая экзистенциальную сущность личностно воспринимаемой действительности, М.М. Бахтин дает ей следующую характеристику: «Мир, где действительно протекает, свершается поступок, – единый и единственный мир, конкретно переживаемый: видимый, слышимый, осязаемый и мыслимый, весь проникнутый эмоционально-волевыми тонами утвержденной ценностной значимости». Следовательно, мир «официальной иерархии», где «всё равно себе самому», дополняет «эмоционально-волевой, тяжелый и нудительный» мир личности. Более того, этот мир «гарантирует действительности признание моей единственной причастности, моего «не-алиби в нем» [Бахтин 1986: 511].

А в анализе «учения об энтелехии» прямо утверждается, что «аристотелевское отождествление цели с началом не могло не оказать существенного влияния на особенности биографического времени». Так, в «борьбе склонностей и аффектов и упражнении в добродетели, чтобы придать ей постоянство» закреплялась «устойчивая сущность завершеного человека». Поэтому «полное бытие и сущность человека есть не состояние, а действие, деятельная сила («энергия»). Эта «энергия» есть развертывание характера в поступках и выражениях [Бахтин, 1986: 176-177].

Таким образом, языковая личность не только наследует картину мира и правила речевого поведения. Особое место в ее жизнедеятельности занимает экзистенциальная картина бытия как присутствующая в сознании «лента жизни», в которой получил выражение экзистенциальный опыт языковой личности, опосредованный ценностными представлениями о смысле жизни. Поэтому язык, удваивая окружающий человека мир, приобретает экзистенциальное измерение при обращении к бытию языковой личности, речь – статус «экзистенциально-онтологического фундамента языка» [Хайдеггер 2003: 187], а «*внутреннее языковое сознание*» становится «*принципом*, объемлющим язык изнутри, придающим всему изначальный импульс» [Гумбольдт 1984: 227].

Рассматривая экзистенциальную картину бытия как встроенную в языковую картину мира, мы опираемся на концепцию, разработанную Б.М. Гаспаровым в русле «лингвистики языкового существования». Согласно проведенному исследованию, взаимоотношения с языком не ограничиваются «целенаправленной “работой”, совершаемой по определенным поводам, на основании определенных правил над определенными, имеющими постоянные свойства строительными элементами», но «экзистенциальный процесс, столь же всеобъемлющий, но и столь же лишенный какой-либо твердой формы и единого направления, как сама повседневная жизнь» [Гаспаров 1996: 10]. Близкую позицию занимал Н.И. Конрад. Согласно его пониманию, «язык – не только и не столько структурное образование, скорее – вид, модус существования человека в том же плане, что и “политическое”, “экономическое”, “художественное” существование» [Конрад 1959: 7].

Вопросы, связанные с «экзистенциальной природой языка», разрабатывались также В.А. Курдюмовым, который к числу его базовых функций относил регулятивную (повседневное общение), когнитивную (познание мира) и экзистенциальную (обретение подлинного существования личности). Кроме того, анализируя «идеенесущие» свойства языковых единиц и говорения, исследователь пришел к выводу, что языковое бытие, помимо чисто лингвистических измерений, включает «экзистенциальную вертикаль» [Курдюмов В.А. 1999]. Следовательно, личность, «принимаящая решение по самым последним вопросам мироздания» [Бахтин 1979: 311], также экзистенциальна, как и ее языковое бытие.

При таком понимании экзистенциальная языковая личность может рассматриваться как исторически сложившийся прототип носителя лингвокультуры с характерным для него способом бытия и представлениями о смысле жизни.

Что же касается присутствующей в ее сознании экзистенциальной картины бытия, включая ассоциации, реминисценции, прямые и переакцентуированные цитации, мини-рассказы и т. п., то она способна мгновенно возбуждать картину прошлого – настоящего – будущего. Так, виртуальное бытие личностно значимых событий создает экзистенциально-онтологическое поле как саморазвивающуюся и смыслогенерирующую целостность, в которой проявляется его синергетическое единство [Владимирова 2018: 269].

Выводы

Анализ языка как антропологической лексико-грамматической системы, изоморфной потребности в познании, общении и самовыражении, подготовил выход за рамки функционально-коммуникативного описания языковой картины мира.

Предпринятое полипарадигмальное рассмотрение языковой картины мира с позиций психолингвистики, философской онтологии, синергетики и онтолингвисти-

ки выявило ее сложную природу. Отражая окружающую человека действительность, картина мира изначально получает экзистенциальное измерение. Следовательно, экзистенциальная картина бытия органично встроена в языковую картину мира и, как представляется, составляет ее «культурную “сердцевину”, единую для всех членов социальной группы или общности» [Леонтьев А.А. 2001: 117].

Дальнейшее изучение экзистенциальной картины бытия предполагает анализ «образов сознания», в которых выражены ценностные представления о смысле жизни и нередко связанные с ними переживания. Особый исследовательский интерес вызывает раскрытие в «образах сознания» механизмов внутреннего «взаимоСОдействия» (П.К. Анохин) этнопсихолингвистической, лингвокультурологической и экзистенциально-онтологической сторон личностного бытия, которое отличается своеобразием у представителей различных языков и культур.

Литература

- Аристотель*. Метафизика. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
- Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
- Бондаренко А.В.* Лингвистическая онтология от античности до наших дней // Вестник Челябинского государственного университета 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып. 30. С. 15-21.
- Владимирова Т.Е.* Металингвистическая парадигма изучения языковой личности // Метафизика. 2012. С. 26-38.
- Владимирова Т.Е.* Русский дискурс в межкультурной коммуникации: Экзистенциально-онтологический подход. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 320 с.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т.2. Проблемы общей психологии / Под. ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
- Гайденко П.П.* Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля // Философия природы и в античности в средние века. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 37-78.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 348 с.
- Григорьева Т.П.* и др. Диалог и коммуникация – философские проблемы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 11-23.
- Гумбольдт В.фон.* Избранные труды. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
- Гумбольдт В.фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
- Залевская А.А.* Роль фактора человека в развитии языка // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2(24). С. 64-76.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: Синергетическое миропонимание. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 256 с.
- Конрад Н.И.* О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М.: Изд-во вост. литературы, 1959. С. 5-16.

Курдюмов В.А. Экзистенциальные аспекты предикационных преобразований. М., 1999 [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html> (дата обращения 01.11.2017).

Леви-Стросс К. Путь масок / Пер. с фр. М.: Республика, 2000. 399 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. С. 113-119.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3-13.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. С. 8-68.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7-22.

Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 6-10.

Уфимцева Н.В. Биологические и социальные факторы в речевом развитии // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 163-183.

Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 287 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

Щедровицкий Г.П. Онтология и онтологическая работа. 1979. [Электронный ресурс] URL: http://docplayer.ru/44316021-Shchedrovickiy-g-p-ontologiya-i-ontologicheskaya-rabota.html#show_full_text (дата обращения 12.08.2017).

Эйнштейн А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. 599 с.

EXISTENTIAL PICTURE OF BEING AS AN ACTUAL RESEARCH PARADIGM

Tatiana E. Vladimirova

Professor

Lomonosov Moscow State University

Krzhizhanovskogo st. 24/35, Moscow, Russia, 117218 and

Professor at Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

yusvlad@rambler.ru

The article discloses the complex nature of the linguistic picture of the world that acquires an existential dimension when referring to the being of a national language personality. The work is aimed at the substantiation of the above provision. Consideration of the linguistic picture of the world and being, as well as of the personality behind it makes it possible to combine in one research horizon the data of linguistics, psychology, ontology, as a philosophical doctrine of being, as well as synergetics. The proposed metalinguistic approach (M.M. Bakhtin) contributes to a more complete analysis of the personally perceived, emotionally and intuitively perceived actual being, as well as those meaningful representations that constitute the value kernel of the consciousness of the language personality, and the prototype of the desired interaction with others. Thus, it is possible to supplement the functional and communicative description of the language picture of the world with data on the «language existence» (B.M. Gasparov) of its creators. Thus, a man relies on his existence, not only on the linguistic picture of the world. A special place in his life activity is occupied by the existential picture of being as a “tape of life” present in the consciousness, where the accumulated cognitive-communicative, along with existential experience and value concepts about the meaning of life were expressed.

Keywords: picture of the world, consciousness, being, personality, ontology, existential

References

Aristotel'. Metafizika [Metaphysics]. M.: Eksmo, 2008. 608 s. (In Russian).

Arutyunova N.D. YAzyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s. (In Russian).

Bahtin M.M. EHstetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s. (In Russian).

Bahtin, M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary-critical articles] M.: Hudozhestvennaya literature, 1986. 543 s. (In Russian).

Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 t. T.5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov [Coll. Works: in 7 vol. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s.] M.: Russkie slovari, 1997. 731 p. Print. (In Russian).

Bondarenko A.V. Lingvisticheskaya ontologiya ot antichnosti do nashikh dney [Linguistic ontology from antiquity to the present day] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, 10 (148) Filologiya. Iskusstvovedeniye [Philology. Art Criticism]. S. 15-21. (In Russian).

Vladimirova T.E. Metalingvisticheskaya paradigma izucheniya yazykovoy lichnosti [The Metalinguistic Paradigm of Studying a Language Personality] // *Metafizika* [Metaphysics]. 2012. S. 26-38. (In Russian).

Vladimirov, T.E. Russkij diskurs v mezhkul'turnoj kommunikacii: EHkzistencial'no-ontologicheskij podhod [Russian Discourse in Intercultural Communication: An Existential-Ontological Approach]. M.: LIBROKOM, 2018. 320 p. (In Russian).

Vygotskij L.S. Sbranie sochinenij: v 6 t. [Collected Works: 6 vols.]. Vol.2. Problemy obshchej psihologii [Problems of General Psychology. Edited by V. V. Davydova]. M.: Pedagogica, 1982. 504 p. (In Russian).

Gajdenko P.P. Ontologicheskij gorizont naturfilosofii Aristotelya [Ontological horizon of the natural philosophy of Aristotle] // *Filosofiya prirody i v antichnosti v srednie veka* [Philosophy of nature and antiquity in the Middle Ages]. M.: Progress-Tradiciya, 2000. s. 37-78. (In Russian).

Gasparov B.M. YAzyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 348 p. (In Russian).

Grigor'eva T.P. Dialog i kommunikaciya – filosofskie problemy (Materialy «kruglogo stola») [Dialogue and communication – philosophical problems (Materials of the «round table»)] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy] 1989, 7. S.11-23. (In Russian).

Gumbol'dt V. Izbrannye trudy [Selected Works]. M.: Progress, 1984. 398 s. (In Russian).

Gumbol'dt V. YAzyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]. M.: Progress, 1985. 451 s. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Rol' fa ktora cheloveka v razvitii yazyka [The role of the human factor in the development of language] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics] 2015, 2(24). S. 64-76. (In Russian).

Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness as a creative act]. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 592 p. (In Russian).

Knyazeva Ye.N., Kurdyumov S.P. Osnovaniya sinergetiki: Sinergeticheskoye miroponimaniye. [Bases of synergetics: Synergetic world outlook]. M.: LIBROKOM, 2010. 256 s. (In Russian).

Konrad N.I. O «yazykovom sushchestvovanii» [On language existence] // *YAponskij lingvisticheskij sbornik* [Japanese linguistic collection]. M.: Izd-vo vost. Literaturny, 1959. P. 5-16. (In Russian).

Kurdyumov V.A. EHkzistencial'nye aspekty predikacionnyh preobrazovanij [Existential aspects of predicative transformations]. M., 1999. URL: <http://philosophy.ru/library/kurdumov/glava4.html> (retrieval date: January 10. 2018). (In Russian).

Levi-Stross K. Put' masok / Per. s fr. [Path of masks]. M.: Respublika, 2000. 399 s. (In Russian).

Leont'ev A.A. YAzykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness the image of the world] YAzyk i rechevaya deyatelnost' v obshchej i pedagogicheskoy psihologii: Izbrannye psihologicheskie trudy [Language and speech activity in general and pedagogical psychology]. M.: Izd-vo Mosk. psihologo-social'nogo in-ta, Voronezh: Izd-vo NPO «MODEHK», 2001. S. 113-119. (In Russian).

Leontyev A.N. Deyatel'nost. Soznaniye. Lichnost [Activity. Consciousness. Personality] M.: Politizdat, 1975. 304 s. (In Russian).

Leont'ev D.A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of the semantic reality]. 2-e izd. M.: Smysl, 2003. 487 s. (In Russian).

Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The picture of the world in human life]. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i kartina mira / Pod red. B.A. Serebrennikova [The Role of the Human Factor in Language: The Language and the Picture of the World]. M.: Nauka, 1988. S. 8-68. (In Russian).

Sedov, K.F. Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii [Discourse and personality: the evolution of communicative competence]. M.: Labirint, 2004. 320 s. (In Russian).

Tarasov E.F. Mezhhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya soznaniya [Intercultural communication – a new ontology of consciousness] Ehtnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya [Ethno-cultural specificity of language consciousness / General. Ed. N.V. Ufimceva]. M.: Institut yazykoznanija RAN, 1996. S. 7-22. (In Russian).

Tarasov E.F. Obraz mira [The image of the world] Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics] M., 2008. No 8: 6-10. (In Russian).

Ufimtseva N.V. Biologicheskiye i sotsial'nyye faktory v rechevom razvitii [Biological and social factors in language development] // Ethnopsycholinguistics [Ethnopsycholinguistics]. M.: Nauka, 1988. P. 163-183. (In Russian).

Frankl V. Doktor i dusha [Doctor and soul]. St. Petersburg: YUventa, 1997. 287 s. (In Russian).

Hajdegger M. Bytie i vremya [Being and time]. Har'kov: Folio, 2003. 503 s. (In Russian).

Hajdegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya [Time and Being. Articles and speeches]. M.: Respublika, 1993. 447 s. (In Russian).

Shchedrovitskiy G.P. Ontologiya i ontologicheskaya rabota [Ontology and ontological work] 1997. URL: http://docplayer.ru/44316021-Shchedrovitskiy-g-p-ontologiya-i-ontologicheskaya-rabota.html#show_full_text (retrieval date: February 02. 2017).

EHjnshtejn A. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 4 [Coll. Works: in 4 vol. Vol. 4]. M.: Nauka, 1967. 599 s. (In Russian).

УДК 81'27, 81'42 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-53-62

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКТУАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ В НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЯХ

Жиганова Анна Владимировна

доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации

Нижегородского государственного лингвистического университета

им. Н.А. Добролюбова

ул. Минина 31а, Нижний Новгород, 603155

ann-zhil@yandex.ru

Согласно современным социолингвистическим исследованиям, язык представляет собой набор ресурсов, сознательный выбор которых служит для выражения социального значения, в том числе трансляции ценностных установок и предпочтений. На современном этапе новостной дискурс является одной из самых динамичных дискурсивных практик, отражающих особенности использования языка как средства идеологического воздействия. Цель исследования состоит в выявлении специфики языковой репрезентации актуальных событий на примере англоязычных новостных сообщений, освещающих взаимоотношения России и США. Методологическую основу работы составило положение о дискурсе как форме социального действия, а также представление о языке как средстве конструирования социального мира. Проведенный анализ, опирающийся на методы лингвистической интерпретации, демонстрирует изменение формально-содержательной структуры информационных сообщений. Предположительная модальность, отсутствие уточняющих средств, обилие общих фраз являются отличительными чертами современных «новостных историй». Интенциональная специфика новостных сообщений проявляется в особенностях их синтаксического, морфологического и стилистического оформления, которые позволяют выделять или, наоборот, затенять определенную информацию. В частности, средства эксплицитной и имплицитной оценки, использование страдательного залога, различных типов вводно-модальных конструкций реализуют приемы эмоционализации сообщения, а также служат для построения убеждающего дискурса и транслируют идеологическую позицию автора.

Ключевые слова: социолингвистика, новостной дискурс, английский язык

Введение

Смена глобальной лингвистической парадигмы, отход от структурного изучения языка в пользу коммуникативно-прагматического подхода вызывает необходимость описания лингвистических явлений в функционально-ориентированном ключе, к которому относится концепция языка как набора ресурсов и практик [Blommaert 2007, 2010; Heller 2007; Pennycook 2007, 2010], а также понимание дискурса как формы социального действия [Fairclough 2006]. С этой позиции языковые явления рассматриваются не как отражение стандартных социолингвистических категорий, а как социально обусловленные ресурсы, которые используются и интерпретируются индивидами в определенном историческом и ситуативном контексте [Zotzmann & O'Regan 2016]. При этом язык является не только ретранслятором, но и субъектом про-

исходящих социокультурных трансформаций, поскольку социальная реальность создается при непосредственном участии языка [Silverstein 1979: 194].

Таким образом, меняется восприятие языка, он *рассматривается как грань социальной жизни, которая тесно связана с другими ее аспектами и является важной составляющей всех главных тем социального научного исследования* [Fairclough 2006]. Признается значительная роль языка в вопросах социального взаимодействия, а также организации и трансформации социальных явлений: «Язык позволяет увидеть лингвистическую реальность и сделать о ней обоснованные выводы» [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012: 30]. Соответственно, анализ социально обусловленного использования лингвистических ресурсов в коммуникативном действии позволяет получить представление о современной социолингвистической реальности [Androusoopoulos 2014: 6].

Перестроение социальной жизни во всех ее экономических, политических, культурных, технологических, экологических и индивидуальных измерениях сопровождается изменениями в практиках использования языка [Kumaravadivelu 2008: 32]. Происходит усиление и ускорение интенсивности влияния на язык социальных факторов [Кирилина 2013: 43]. Наблюдается перестроение информационного и коммуникативного пространства, к характеристикам которого можно отнести «увеличение плотности информационных потоков, возрастание их скорости, развитие конвергентных технологических форм» [Кузнецова 2010: 4].

В частности, данные изменения затрагивают новостной дискурс, занимающий особое место в информационном поле в силу своей высокой социальной значимости: «Обладая всеми признаками базового текста, новости фактически формируют содержание и структуру современного информационного пространства» [Добросклонская 2008: 5]. Новостные сообщения представляют собой репрезентацию мира в языке и отражают процессы лингвистических инноваций, где язык выступает не как нейтральный, а как в высшей степени активный формирующий механизм – своего рода конструирующий медиум [Fowler 1991]. При этом не только то, что изложено в сообщении, но и форма, и стиль преподнесения той или иной новости, то есть лингвистическая составляющая формулирования идей в прессе, становится ключевой и должна находиться в фокусе исследования.

Постановка проблемы

На современном этапе вопросы, связанные с лингвистической репрезентацией событий в новостях, ее риторической и манипулятивной составляющей, приобретают всё большую актуальность, в связи с широким использованием новостных сообщений в информационном противостоянии различных политических сил – как на международной арене, так и во внутривнутриполитическом пространстве США и других стран. В речевой обиход активно входят такие выражения, как “hoax news” (газетная утка), “alternative facts” (альтернативные факты), “false news” (фальшивые новости), “half truth” (полуправда), “partial truth” (частичная правда), “misinformation” (ложная информация) и другие. Знаменательно, что лексема “post-truth” (постправда), понимаемая как «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее важными при формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям», стала главным словом 2016 года, по версии составителей оксфордско-

го словаря.¹ Тенденция к превалированию чувственного, эмоционального компонента над фактологическим становится устойчивой характеристикой современных СМИ: «Система массовой коммуникации поставляет обществу мифологическую модель мира, выбирая приоритетами информационной политики не формы рационального дискурса, а культуру конкретно-чувственного восприятия» [Кузнецова 2006: 560]. Вместе с тем, в 2017 году выражение «ложные новости» (fake news) было признано главным словосочетанием, по мнению составителей словаря английского языка «Collins».² Отмечается, что частота использования этой фразы, которая понимается как ложная, сенсационная информация, распространяемая под видом новостей, возросла на 365 % по сравнению с 2016 годом. Также заимствование «фейк» считается одним из самых употребляемых слов 2017 года в русском языке.³ Кроме того, можно констатировать, что проблема качества новостных сообщений осложняется количественными показателями: непроверенные тексты воспроизводятся разными источниками и «значительная часть новостей посвящена самореференциальному освещению, в котором одни новостные медиа сообщают, как другие новостные медиа освещают политические события» [De Vreese 2005: 296].

Как справедливо замечает Данута Ри, за новостными сообщениями в медийном пространстве закрепился термин “news stories” (информационные сообщения, или новостные истории), что указывает на наличие элемента вымысла в их изложении и не является типичным для других типов дискурсивных практик, выполняющих информативную функцию. Так, например, не принято использовать слово «истории» применительно к лекциям или текстам из учебников (lecture stories, textbook stories). Слово «история», хотя и может в определенной степени относиться к изложению фактических событий, всё же содержит импликацию интерпретации, обработки информации и конструирования нарратива [Reah 1998: 5-8].

Безусловно, среди событий, регулярно освещаемых прессой в текущий период, находятся вопросы межнационального взаимодействия, в частности, чрезвычайно активно обсуждаются российско-американские отношения, которые на данный момент переживают стадию спада. На этом фоне отчетливо проступают антироссийские настроения американских медиа, их гипертрофированный интерес к ряду вопросов, например, к так называемой «российской киберугрозе». В этой связи представляется перспективным обращение к изучению особенностей использования языковых средств в новостных сообщениях печатных англоязычных СМИ, посвященных данной теме.

Отличительным свойством печатных средств массовой коммуникации является то, что основное воздействие на читателя достигается через текст и зрительные образы, поскольку информация транслируется по визуальному каналу, и «[я]зык, таким образом, является основной семиотической системой кодирования сообщения» [Лалетина 2007: 19-20]. Соответственно, данный тип дискурса отличается продуманностью, тщательным отбором языковых единиц, ориентацией на определенную целевую аудиторию. В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть, какие средства лингвистической репрезентации используются для описания актуальных политических новостей и какова специфика подачи информации о событиях, носящих не фактологический, а вероятностный характер.

¹ <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>

² <https://www.collinsdictionary.com/woty>

³ <https://godliterary.ru/events/renovaciya-bitkoin-i-khayp>

Материал и методы

Материалом исследования послужили текстовые фрагменты, отобранные методом сплошной выборки из новостных сообщений следующих современных англоязычных периодических изданий, относящихся к 2017 году (с количеством номеров, данных в скобках): *Foreign Affairs* (7), *Mother Jones* (2), *The Economist* (7), *The New York Times* (6), *The New Yorker* (17). Данные газеты и журналы представляют собой значимые англоязычные издания с большим тиражом. Они содержат различные типы статей (информационную аналитику, комментарий, очерк), адресованы широкой аудитории и имеют глобальную ориентацию. Издания публикуются с разной периодичностью: ежедневно (*The New York Times*), еженедельно (*The Economist*, *The New Yorker*) и раз в два месяца (*Foreign Affairs*, *Mother Jones*). В анализируемых статьях события рассматриваются с разных точек зрения: с позиции международных отношений и внешней политики, экономики, а также в междисциплинарном ключе.

В работе над материалом применялись методы функционального, стилистического и дискурсивного анализа.

Методологическую и теоретическую основу исследования составила концепция языка и дискурса как формы социальной практики, а также положение о роли языка как средства конструирования социальной реальности (Н. Фейрклаф).

Результаты исследования

Анализ эмпирической базы выявил ряд особенностей лингвистического оформления новостных сообщений на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Так, прежде всего, следует отметить обилие негативно окрашенных единиц, противопоставляющих государства друг другу, которые подчеркивают глубокие различия между ними и оценивают российско-американские отношения как «нарушенные»:

*Relations between the United States and Russia are **broken**, and each side has a vastly **different** assessment of what went wrong (FA March-April: 12).*

*The **differences** between the United States and Russia **run deep**, and they are not amenable to easy solutions (FA March-April: 12).*

*For nearly two decades US-Russian relations have ranged between **strained** and **mis-erable**. [T]he general picture is **grim** (NY March 6: 44).*

*The **level of tension** has alarmed experienced hands on both sides (NY March 6: 4).*

Обилие лексики, относящейся к военной тематике (*enemy*, *war*, *confrontation*), усиливает ощущение противоборства между странами, достигшего стадии глубокого конфликта:

*Trump remained on the side of the **enemy** (MJ July-August: 5).*

*The D.N.C. hacks, many analysts believe, were just a skirmish in a larger **war** against Western institutions and alliances (NY March 6: 43).*

*This **confrontation** may lack the geopolitical and ideological scope of the past, but it still carries a high risk of **actual conflict** (FA March-April: 25).*

Словосочетание «российская угроза» весьма частотно и приобретает характер устойчивого: *“the **Russian threat(s)**” (FA September-October: 18, 112), “**Russian cyber threat**” (NY March 6: 51).*

Рост напряжения в двусторонних отношениях также передается посредством сравнения современной политической ситуации со временами холодной войны, что достигается за счёт включения терминов, относящихся к советскому периоду, в том

числе русизмов, как то: “*classic espionage*”, “*countless other techniques honed during the Cold War*”, “*Cold War 2.0*”, “*active measures*” – “*aktivniye meropriyatiya*”, “*dezinformatsiya*” (NY March 6: 42); “*to spread disinformation that could harm the US*” (NY March 6: 40); “*the second Cold War*” (NY March 6: 44); “*authoritarian conception*” (NY March 6: 46); “*resurgent authoritarianism in Russia*” (FA January-February: 9); “*a Cold War-style competition*” (NY March 6: 50); “*Cold War-style subversion*” (FA March-April: 14); [i]n recent years, Russia and the West have been heading toward something that looks a lot like a *second Cold War* (FA March-April: 25).

В сообщениях об отношениях между действующими президентами США и России, их контакты оцениваются как нежелательные и противозаконные. Активно обсуждается тема тайного сговора президента Дональда Трампа с Россией. Идея наличия связи действующего президента США с Россией реализуется, в частности, с помощью приема словосложения, представленного через дефисное написание соответствующих имен собственных: *the Trump-Russia controversy*, *the Trump-Russia scandal*, *the Trump-Russia imbroglio*, *Trump-Russia links*, *the Trump-Russia story*, *the Trump-Russia question*, *the Trump-Russia investigation*, *the Trump-Russia allegations* (MJ July-August 19, 19, 27, 60, 2, 23, 23-24, 24).

Акроним и интернет-сленгизм “*BFFS 4EV*” (best friends forever – лучшие друзья навсегда), а также смешение “*bromance*” (brother + romance – крепкая мужская дружба) коннотируют ироническую оценку тесного сотрудничества двух лидеров:

“*BFFS 4EV? As US-Russia relations frayed during the Obama era, Donald Trump publicly pursued a bromance with Vladimir Putin. Some of the ups and downs of Trump’s attempts to praise, woo, and play it cool with his would-be “new best friend”* (MJ July-August: 19).

Помимо эксплицитно выраженной оценки, заложенной в семантике лексических единиц, в новостных сообщениях широко практикуются различные способы импликаций. Так, например, использование кириллицы в написании названия журнала “*The Нью-Йоркер*” от 6 марта 2017 года подталкивает читателя к мысли о влиянии России на внутривнутриполитическую ситуацию в США.

Примечательна форма новостных сообщений о так называемом сговоре (collusion) Д. Трампа с Россией, когда тезис о тайном взаимодействии президентов подается как факт, не получающий при этом доказательного подкрепления. В сообщениях используются условные конструкции, наречия, сослагательное наклонение, сочетания с модальным значением вероятности, которые описывают предположения, а не факты. Таким образом, отличительной чертой современного новостного дискурса становится трансляция новостных сообщений с предположительной модальностью:

The path from Trump to Putin, if one exists, might be found in one of his foreign real-estate deals (NY August 21: 28).

THE TRUMP-RUSSIA SCANDAL is the subject of multiple investigations that may or may not unearth new revelations, but this much is already certain: Donald Trump is guilty (MJ July-August: 17).

Russians somehow hacked voting machines (which are not connected to the internet) or altered vote counts (NYT April 27: 59).

Explicit collusion may yet be proved by the fbi investigation overseen by special counsel Robert Mueller or by other ongoing probes. But even if it is not, a harsh verdict can be pronounced (MJ July-August: 18).

Важную роль в процессах смыслопорождения играют заголовки, с которыми пресса обращается к читательской аудитории. Вопросно-ответный формат заголовка подталкивает читателя к определенному восприятию содержания текста, стимулирует рефлексию и задает нужный вектор оценки:

*The Russian connection. **Collusion? Maybe** (MJ July-August: 17).*

***Active enablers? Definitely** (MJ July-August: 17).*

Немаловажен и пропозициональный характер высказываний: *What lay behind the Russian interference in the 2016 election – and what lies ahead?* (NY March 6: 42). В основе данного предложения лежит пропозиция о том, что вмешательство в выборы имело место в действительности.

Особого внимания заслуживает рассмотрение функциональных мотиваций страдательного залога, который оказывается весьма востребованной грамматической категорией для описания событий без уточняющих данных. В то время как активный залог призван сфокусировать внимание на деятеле, подразумевая четкую сферу ответственности, пассивный залог, напротив, позволяет оставить ответственность неуточнённой, при этом деятель может быть нематериальным, понятным из контекста или неизвестным. Например, в нижеследующем фрагменте вина за дискредитацию Хилари Клинтон возлагается на Россию без уточнения конкретных лиц и деятелей:

*While officials in the Obama Administration struggled with how to respond to the cyberattacks, it began to dawn on them that a torrent of “fake news” reports about Hillary Clinton **was being generated** in Russia and through social media—a phenomenon that was potentially far more damaging* (NY March 6: 52).

Функцию убеждения, воздействия на сознание реципиента выполняют слова и словосочетания, обозначающие анонимного деятеля – специалиста и / или эксперта, выражающего авторитетное мнение:

***All told**, Trump provided cover for a foreign government’s attempt to undermine American democracy* (MJ July-August: 18).

*By midsummer, **numerous cyber experts** had bolstered the conclusion that Russia was behind the hacks* (MJ July-August: 18).

***Private experts and US intelligence** had already determined that Russia had pulled off this caper* (MJ July-August: 18).

***Internet researchers and political operatives believe** that a substantial number of these bots were aligned with **individuals and organizations** supported, and sometimes funded, by the Kremlin* (NY March 6: 52).

***For many national security officials**, the e-mail hacks were part of a larger, and deeply troubling, picture* (FA March 6: 44).

*Trump-branded buildings in Toronto and the SoHo neighborhood of Manhattan were developed in association with **people who have connections to the Kremlin*** (NY August 21: 20).

Подобный способ представления событий маркирует анонимность деятелей, что позволяет уйти от обвинений во лжи, хотя и переводит сообщение в плоскость недосказанности.

Выводы

Таким образом, выбор языковых средств репрезентации актуальных событий в новостных сообщениях тесно связан с широким социокультурным контекстом, и языковые ресурсы несут идеологическую нагрузку, являясь средством конструирования социальной реальности.

На современном этапе становится возможным развитие новостей как «формы знания самого по себе, не зависящего от других дискурсов, для утверждений о мире» [Matheson 2000: 558]. При этом журналисты зачастую преподносят не факты, а мнения [Dentith 2017], о чем свидетельствует лингвистическое наполнение новостных информационных сообщений, которые характеризуются изменением содержательной структуры в сторону снижения их фактологичности.

Изобилие сообщений с предположительной модальностью для выражения желательности, вероятности или уверенности в достоверности того или иного события представляет собой пример стратегического использования языка. Функциональная мотивация выбора значимых лингвистических ресурсов на лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях задает вектор интерпретации событий для читательской аудитории.

Анализ языковых средств, используемых для описания российско-американских отношений, выявил наличие эксплицитных и имплицитных средств оценки текущей ситуации, маркирующих политическое противостояние. Использование негативно-оценочных прилагательных, лексических единиц, выражающих номинацию конфликта, а также обилие имплицированных пропозиций и пресуппозиций, страдательного залога, вводно-модальных конструкций реализует приемы эмоционализации сообщения и служит для построения убеждающего дискурса и выражения субъективной оценки автора.

Литература

- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
- Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. М., 2012. № 1 (15). С. 18-37.
- Кирилина А.В.* Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. М., 2013, № 1 (18). С. 36-45.
- Кузнецова Е.И.* Медиальность и медиакультура как факторы динамики социальной среды: автореф. дисс. ... док. философ. наук. Нижний Новгород, 2010. 55 с.
- Кузнецова Е.И.* Миф как социокультурный феномен в системе массовой коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1. С. 554-560.
- Лалетина А.О.* Языковое конструирование гендера в журналах об образе жизни (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 185 с.
- Androutsopoulos, J.* (ed.) (2014). *Mediatization and Sociolinguistic Change*. Berlin, Boston: de Gruyter. 557 p.
- Blommaert, J.* (2007). *Sociolinguistics and Discourse Analysis: Orders of Indexicality and Polycentricity*. *Journal of Multicultural Discourses*, Vol. 2, No. 2, 115-130.
- Blommaert, J.* (2010). *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press: NY. 230 p.
- Dentith, M R. X.* (2017). *The Problem of Fake News*. *Public Reason*, 8 (1-2), 65-79.
- De Vreese, C.* (2005). *The Spiral of Cynicism Reconsidered*. *European Journal of Communication*, Vol (20) 3, 283-301.

Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization*. London and New York: Routledge. 186 p.

Fowler R. (1991). *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London: Routledge. 254 p.

Heller, M. (Ed.) (2007). *Bilingualism: A Social Approach*. London: Palgrave MacMillan. 384 p.

Kumaravadivelu, B. (2008). *Cultural Globalization and Language Education*. Yale University Press. 272 p.

Matheson, D. (2000). The Birth of News Discourse: Changes in News Language in British Newspapers, 1880–1930. *Media, Culture and Society*, 22 (5), 557-573.

Pennycook, A.D. (2010). *English and Globalization // The Routledge Companion to English Language Studies*, Routledge, London & New York, 113-121.

Pennycook, A.D. (2007). *Global Englishes and Transcultural Flows*. Routledge, London & New York. 189 p.

Reah, D. (1998). *The Language of Newspapers*. Routledge. 126 p.

Silverstein, M. (1979). *Language Structure and Linguistic Ideology / M. Silverstein*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 193-247.

Zotzmann, K. and O'Regan, J. (2016). *Critical Discourse Analysis and Identity*. The Routledge Handbook of Language and Identity. Routledge, 113-127.

ON LINGUISTIC REPRESENTATION OF CONTEMPORARY EVENTS IN THE NEWS

Anna V. Zhiganova

Associate Professor

Department of English Language and Professional Communication

Nizhny Novgorod State Linguistics University

31a Minina street, Nizhny Novgorod, 603155

ann-zhil@yandex.ru

According to recent sociolinguistic research, language represents a set of resources, the intentional choice of which serves as a way of expressing social meaning and transmitting attitudes, values, and bias. News discourse today is one of the most dynamic discursive practices that reflect the peculiarities of language as a means of ideological influence. The current study is aimed at identifying the specific features of language use adopted for representation of contemporary events in the English language newspaper and magazine news reports covering the US – Russia relations. The study is based on the understanding of discourse as a form of social action and the approach to language as a means of the social construction of reality. The linguistic analysis based on the methods of linguistic interpretation demonstrates the change of the formal content structure of informational reports. Hypothetical modality, lack of clarifying devices and abundance of unspecified phrases are characteristic features of modern “news stories”. The intentional structure of news reports manifests itself in the choice of syntactic, morphological and stylistic features which can either highlight specific

information or make it obscure. The use of explicit and implicit attitudes, the passive voice and various modal constructions helps send an emotional message, create persuasive discourse and express the ideological stance of the author.

Keywords: sociolinguistics, news discourse, the English language

References

- Dobrosklonskaya T.G.* Medialingvistika: sistemny podhod k izucheniyu yazyka SMI: Sovremennaja angliyskaya mediarech' [Media linguistics: a systematic approach to the study of media language: Modern English media speech]. M.: Flinta: Nauka, 2008. 263 s. (In Russian)
- Kirilina A.V., Gricenko E.S., Laletina A.O.* Globalizaciya v aspekte lingvistiki [Linguistic aspects of globalization] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2012, № 1 (15). s. 18-37. (In Russian)
- Kirilina A.V.* Lingvofilosovskaya refleksiya v epohu globalizacii [The linguophilosophical reflexion in the age of globalization] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2013, № 1 (18). S. 36-45. (In Russian)
- Kuznecova E.I.* Medial'nost' i mediakul'tura kak faktory dinamiki social'noj sredy: [Mediality and media culture as factors of social environment dynamics]: avtoref. diss. ... dok. filosof. nauk. Nizhnij Novgorod, 2010. 55 s. (In Russian)
- Kuznecova E.I.* Mif kak sociokul'turny fenomen v sisteme massovoj kommunikacii [The myth as a sociocultural phenomenon in the system of mass communication] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences]. 2006, № 1. S. 554-560. (In Russian)
- Laletina A.O.* Jazykovoe konstruirovaniye gendera v zhurnalakh ob obraze zhizni (na materiale angliyskogo yazyka) [Linguistic construction of gender in magazine discourse (on the material of the English language)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2007. 185 s. (In Russian).
- Androustopoulos, J.* (ed.) (2014). Mediatization and Sociolinguistic Change. Berlin, Boston: de Gruyter. 557 p.
- Blommaert, J.* (2007). Sociolinguistics and Discourse Analysis: Orders of Indexicality and Polycentricity. Journal of Multicultural Discourses, Vol. 2, No. 2, 115-130.
- Blommaert, J.* (2010). The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press: NY. 230 p.
- Dentith, M R. X.* (2017). The Problem of Fake News. Public Reason, 8 (1-2), 65-79.
- De Vreese, C.* (2005). The Spiral of Cynicism Reconsidered. European Journal of Communication, Vol (20) 3, 283-301.
- Fairclough, N.* (2006). Language and Globalization. London and New York: Routledge. 186 p.
- Fowler R.* (1991). Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge. 254 p.
- Heller, M.* (Ed.) (2007). Bilingualism: A Social Approach. London: Palgrave MacMillan. 384 p.
- Kumaravadivelu, B.* (2008). Cultural Globalization and Language Education. Yale University Press. 272 p.

Matheson, D. (2000). The Birth of News Discourse: Changes in News Language in British Newspapers, 1880–1930. *Media, Culture and Society*, 22 (5), 557-573.

Pennycook, A.D. (2010). English and Globalization // *The Routledge Companion to English Language Studies*, Routledge, London & New York, 113-121.

Pennycook, A.D. (2007). *Global Englishes and Transcultural Flows*. Routledge, London & New York. 189 p.

Reah, D. (1998). *The Language of Newspapers*. Routledge. 126 p.

Silverstein, M. (1979). Language Structure and Linguistic Ideology / M. Silverstein. Chicago: Chicago Linguistic Society, 193-247.

Zotmann, K., O'Regan, J. (2016). Critical Discourse Analysis and Identity. *The Routledge Handbook of Language and Identity*. Routledge, 113-127.

УДК 81.23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-63-81

**СМЕШАННЫЕ ЭМОЦИИ:
К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
И МЕТЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ**

Ионова Светлана Валентиновна

профессор кафедры общего и русского языкознания
Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6
sionova@mail.ru

Штеба Алексей Андреевич

доцент кафедры романской филологии
Волгоградского государственного
социально-педагогического университета
Россия, 400066, Волгоград, пр. Ленина, 27
alexchteba@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению смешанных эмоций как особого типа эмоциональных явлений, получающих категоризацию в языке и развивающих представления о традиционных объектах лингвистики эмоций. Данный объект рассматривается в контексте достижений психологической теории эмоций и эмотиологии как области лингвистики. Поднимаются вопросы вербализации смешанных эмоций, рассматриваются существующие терминологические обозначения, используемые в лингвистике для описания сложных эмоциональных объектов. Соотносятся два типа явлений, получающих лингвистическое описание: комплексный эмоциональный объект и комплекс эмоциональных объектов. Выделяются лингвистические признаки, на основе которых возможно выявление многообразных вариантов реализации смешанных эмоций.

Ключевые слова: эмоция, комплексная эмоция, смешанная эмоция, способы вербализации эмоций, неопределенная эмоция

Введение

За полувекую историю своего существования и развития лингвистика эмоций как область исследований, возникшая на пересечении психологии эмоций и языкознания [Dirven 1997; Goleman 1997; Jing-Schmidt 2007; McGlone, Wessberg, Olausson 2014], превратилась в хорошо структурированную и доказательную область научных знаний [Шаховский 2008]. Уже в 80-е гг. XX в. в ней проведена детализированная лингвистическая категоризация эмоций, предложен метаязык для описания новой области языкознания, выделены типы эмоциональной лексики и способы ее репрезентации [Шаховский 1987; Ионова 2003; Калимуллина 2006; Штеба 2014], обоснован предмет исследования лингвистики эмоций как междисциплинарной области знания. В 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. учеными предпринято описание коммуникативной природы эмоций, зависимости форм их выражения от дискурсивных условий; дедуктивно и экспериментально доказан статус эмоций как части когнитивной сферы человека, изучены динамические отношения между когнитивными и эмоциональными процессами

в его речевой деятельности, эмоционального аспекта языковой картины мира человека [Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю. 1993; Вежбицкая 1999; Шаховский 2008; Bamberg 1997; Drescher 1997; Goleman 1997; Ortony, Clore, Collins 1988; Wierzbicka 1992, 1999 и др.].

Современное состояние этой области знания демонстрирует переход лингвистики эмоций в сферу социальных практик, востребованных жизнью (см., например: Консорциум Всемирной паутины (W3C) принял первый стандарт описания человеческих эмоций в Интернете; Международное сообщество по эмоциональному интеллекту (ISEIP) поставил задачу превращения «работающего эмоционального интеллекта» в бизнесе и образовании; разработка инновационного проекта говорящего робота в бета-версии поискового приложения «Яндекс» стимулировала создание лингвистической технологии распознавания и воспроизведения естественных эмоций; эффективно ведется разработка Русского эмоционального корпуса [Котов 2009 и др.] и др.). Формальное и содержательное усложнение объекта исследований ставит вопрос о необходимости расширения и уточнения подхода к языковой категоризации эмоций, изучению сложных, комплексных, динамических явлений, исчислению вариативных возможностей их вербализации с учетом многообразия интенций коммуникантов, их эмоциональных реакций, функций высказываний, корпуса паттернов эмоционального коммуникативного поведения [Карловская 2009; Коробкина 2009; Котов 2009; Шаховский 2016; Штеба 2014; Jing-Schmidt; McGlone, Wessberg, Olausson 2014 и др.].

К числу таких задач относится изучение смешанных эмоций, особенностей их лингвистической репрезентации и разработки метаязыка их описания.

Смешанные эмоции как объект научного исследования

Несмотря на то, что смешанные эмоции в обыденном сознании воспринимаются как производные от простых, базовых эмоций и как область отклонения от нормы, онтологически именно смешанные эмоциональные явления составляют основу психической реальности человека [Вилюнас 1977; Вундт 1984; Рубинштейн 1998]. В качестве объекта познавательного отношения и отражения в сознании и речи эмоции обладают такими качествами, которые отличают их от денотатов материальной природы: динамический характер (изменчивость, быстротечность, континуальность, возможность порождать и обуславливать друг друга); недоступность прямому наблюдению (см. обозначения «сфера внутренних ощущений», «предметы невидимого мира»); кластерность (реализация в виде пука переживаний с доминантой и комплексом затухающих и возникающих эмоций) [Ильин 2006; Рубинштейн 1998; Dirven 1997 и др.]:

И тут, среди обычных физиологических ощущений, я поймала чувство, как ловят за хвост ускользающую полевку на осенней даче (Кетро М. Записки у плеча).

К облигаторным свойствам эмоций относят также их «универсальность, пластичность, суммацию и упрочение, пристрастность, удержание в памяти, динамичность, заразительность, адаптивность, перенос на другие объекты, доминантность, иррадиацию, амбивалентность, переключаемость» [Вилюнас 1976; Зинченко 2010; Ильин 2006].

Именно динамические характеристики эмоциональной сферы человека всегда являлись предметом внимания писателей [Варзаева 2013; Жданова 2016] и их художественного описания. Художественное воплощение «диалектики души» как приема изображения эмоционального мира человека в литературе отражает объективные свойства процесса протекания эмоций и их развития:

Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других... как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует, изменяясь по всей цепи воспоминаний... (Чернышевский В.Г. Современник, 1856, № 12).

Традиции художественной вербализации эмоций, демонстрирующей все более сложные и неоднозначные состояния, проявляются как тенденция в современной литературе:

Чистую, беспримесную эмоцию последний раз видели в романе Тургенева. Ныне – сплошные оттенки и полутона. Смутные ощущения стали нормой, двойственные чувства – единственно возможными (Мишин М. Смешанные чувства).

Языковая переработка частного эмоционального опыта человека в эмотивное содержание типичных, обобщенных эмоциональных ситуаций определяет эмотивный аспект языка, который фиксирует в картине мира социально и культурно «закрепленное представление о презируемом, порицаемом, уничижаемом, уважаемом» [Телия 1991: 60]. В лингвистике выделены особые виды концептов (эмоциональные концепты), ядром которых являются базовые эмоции (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, Д. Эйтчисон). В исследовательских целях бесконечное множество эмоциональных ситуаций принято сокращать до их «управляемого» числа, выделять типы, группы, семейства, кластеры эмоций тесно связанных, родственных эмоций, учитывать вызывающие эмоции условия [Ортони, Клоур, Коллинз 1995: 331].

Базовые эмоции (количество которых в разных концепциях обычно варьируется от пяти до десяти) задают своеобразные оценочные рамки бесконечных сочетаемостей, порождающих как уже названные эмоциональные переживания, так и те, для которых специальные номинации еще не были выработаны, но которые не походят на известные, упорядоченные и категоризованные элементы аффективной жизни человека. К.Е. Изард предложил выделять в составе базовых эмоций их модальные варианты [Изард 2000: 288, 289]. Однако семантическое пространство языка не покрывает полностью отражаемый мир эмоций, и его эмотивный потенциал исчерпывается, как только объектом вербализации выступают явления, отражающие естественную психодейтельность человека во всей ее сложности, гибкости и разнообразии оттенков. Ученые всегда отдавали себе отчет в принципиальной аппроксиматичности вербальной объективации сферы эмоций: «Чувства наши сложны и неповторимы, а следовательно, передать их другим доподлинно – невозможно» [Балли 2003: 103], именно поэтому в область их категоризации включается не только *номинативный* (лексика эмоций разных частей речи) способ, но и *экспрессивный* (междометия, местоименные слова, эмоциональная лексика, интонационные средства и др.), *дескриптивный* (симптоматические и поведенческие конструкции, выразительно-изобразительные средства) [Шаховский 1987]:

С тех пор господин К. словно лишился души. Он сразу весь отяжелел, будто самые клетки его организма оказались вдруг уплотнены и смяты (Славникова О. Басилевс);

Фу ты, как сердце стучит... Он в темноте нащупал кнопку и позвонил. Затем вынул трубку из зубов и стал ждать, чувствуя, как мучительная улыбка разрывает ему рот (Набоков В. Звонок);

Накануне отъезда Форемана играли, как всегда по вечерам, в карты на веранде;

вдруг Ольга Алексеевна почувствовала невозможное сжатие в горле, – ей удалось все же улыбнуться и без особого сгеха уйти (Набоков В. Красавица).

В качестве косвенных способов отражения эмоций ученые предлагают рассматривать многообразные лингвистические способы апелляции к известной ситуации, в которой возникает эмоциональное явление, или сравнение этого эмоционального явления с похожим на него другим явлением, знакомым адресату [Апресян, Апресян 1993: 27].

Признание смешанной области переживаний в качестве естественного и распространённого явления эмоциональной жизни человека определил необходимость выявления прямой корреляции между смешанными эмоциональными ощущениями как объектом вербализации и использованием смешанных способов их передачи. Так, при моделировании в языке эмоциональных концептов, прототипических ситуаций, сценариев эмоций [Апресян 1995, Вежбицкая 1997, Эйтчисон 1995; Dirven 1997] учитываются первопричина эмоции, ее непосредственная причина, собственно эмоция, обусловленное эмоцией действие, внешнее проявление эмоций [Апресян 1995: 368-369]. В коммуникации приемами вербализации сложных эмоциональных явлений выступают комплексы номинативно-дескриптивного, номинативно-экспрессивного, дескриптивно-экспрессивного, номинативно-дескриптивно-экспрессивного способов вербализации эмоций и приема «номинативной подсказки» [Жданова 2016]: *«Хотя бы» – ибо я имею право желать, чтобы ты замерла от ужаса, поняв содеянное (Набоков В. Адмиралтейская игла). Голос его словно ослепил меня, в глазах запестрело, голова закружилась; я вспомнил счастье, глупое, безмерное, невозвратное счастье... (Набоков В. Нежить).* Указанные способы вербализации призваны повысить точность передачи сложных эмоциональных переживаний, зафиксировать их динамику. Однако при этом перед исследователем встает новая задача – определить, является ли выделяемая эмоция действительно самостоятельным видом переживания или же это обозначение одной и той же эмоции, выраженной разными средствами; что в данном случае характеризуется сложностью: эмоциональное явление, ставшее объектом рассмотрения, или усложненное, комплексное словесное воспроизведение внутренних ощущений.

Смешанные эмоции в ряду сложных эмоциональных явлений

По причине отсутствия четкой методологической базы описания и невыработанного метаязыка, а также в связи с многоплановостью и чрезвычайным многообразием смешанные эмоциональные явления в лингвистике не получили до сих пор достаточной определенности в содержательном и терминологическом планах и слабо дифференцируются от иных сложных психических явлений. Само понятие сложности также требует комментария.

Наиболее общее представление о сложности в науке связывается с принципом рациональности и понимается как воплощение сложного содержания в простой форме. В диалектике сложных систем это качество объектов понимается как некая интегральная характеристика целой системы, подсистемы которой взаимообусловлены, связаны, образуют общую композицию [Диалектика 1988: 33; Щирова 2011]. Синтез информации как способ ее переработки связан с усложнением содержания единиц, увеличением информации в единицу времени или на единицу объема. Рациональные подходы к пониманию сложных объектов как формальному соединению их простых форм, а их смешения как деструкции первоначальной формы и содержания, однако, не позволяет достоверно описать свойства эмоциональных явлений, поскольку в этой сфере

сложные объекты рассматриваются в качестве естественного состояния человеческой психики [Зинченко 2010].

В наивном представлении усложнение как действие по значению глагола «усложнить» понимается более широко и включает объективные и субъективные характеристики этого процесса: 1) сделать более сложным по строению, форме, характеру составляющих частей; 2) сделать более трудным, требующим больших усилий для осуществления, исполнения, понимания и т.п.; 3) сделать более напряженным, затруднительным [СРЯ 1999: 519]. В речевой практике понимание сложных объектов, создаваемых из числа базовых, простых, нередко сопровождается их субъективной интерпретацией как явлений непонятных, усложненных и недостаточно определенных, обфускационных (от англ. *obfuscate* – делать неочевидным, запутанным, сбивать с толку), «запутывающих» содержание [Дьякова 2016].

Существующие в психологии многочисленные типологии эмоций, как правило, направлены на дифференциацию эмоциональных явлений, построенных по различным рекуррентным основаниям: а) по валентности эмоций или их оценочному знаку выделяют положительные, отрицательные и амбивалентные эмоции; б) по степени осознанности, длительности и интенсивности выделяют: эмоции, чувства, страсти, аффекты; в) по типу эмоций – их различные модальные варианты; г) по принципу первичности – базисные и производные эмоции и т.д. Сегодня лингвистическая и психологическая теории эмоций подошли к осмыслению их интегрированных типов и свойств, востребованных при проведении моделирования естественных эмоциональных процессов. Рассмотрим некоторые понятия, которые используются в лингвистике для их описания.

Производность. Под производными эмоциями вслед за А. Плутчиком в науке понимаются своеобразные эмоциональные формулы (*гордость* состоит из *гнева* и *радости*; *любопытство* из *удивления* и *принятия*; *скромность* из *страха* и *принятия*; *ненависть* из *гнева* и *удивления*; *вина* из *страха* и *радости* или *удовольствия*; *сентиментальность* из *принятия* и *горя*) [Plutchik 2001]. К производным эмоциям относят сложные социальные эмоции (*симпатию*, *чувство вины*, *гордость*, *зависть*, *восхищение* и *негодование*). Деривативные возможности языка эмоций позволяют обозначать эмоциональные переживания и такие состояния, для которых еще не выработано специальных номинаций, но которые существенно отличаются от известных, упорядоченных и категоризованных элементов аффективной жизни человека.

Контаминация понимается как одновременное взаимодействие двух и более эмотивов (в том числе эмотивных ситуаций) с разными оценочными знаками, совмещение значений низкой, нормативной и высокой степени интенсивности той или иной эмоции [Калимуллина 2006: 18]. Такое взаимодействие может сопровождаться сменой одного типа ситуации другой, включением частного переживания в общую эмотивную ситуацию общения. При этом эмотивная контаминация является средством экономии усилий, когда происходит наложение эмоционально-смысловых пластов в семантике одного слова, функционирующего в определенном контексте [Яковлева 2017: 108-109].

Диффузность есть процесс вытеснения и/или замещения в семантике одного слова присущих ему семантических признаков. В отличие от контаминации диффузность предполагает возможность большого числа эмотивов называть диады и триады эмоциональных явлений [Калимуллина 2006: 25]. Считается, что положительные эмоции более диффузны, чем отрицательные, что обуславливает их единообразный,

менее конкретный и отчетливый характер экспликации [Шаховский 1987]. В психологии процессы диффузии рассматриваются как наличие противоречий в развитии индивидуальных, социальных особенностей личности [Ortony, Clore, Collins 1988; Plutchik 2001]. Но, как правило, диффузия предполагает объединение нескольких элементов (социальных или личностных черт, смысловых и эмоциональных компонентов), схожих по семантике, прагматике и оценке.

Синкретизм в качестве терминологического обозначения активно используется в различных областях знания и основан на наличии имманентной многозначности символа, под которой понимается смысловая перспектива, цепочка значений, предполагающая невозможность постижения главного смысла [Шелестюк 1998: 57; Жданова 2016]. К этой идее близка идея внутренне структурированной комплексности, целостности, совокупности: в современном французском языке имеется композит *haimer*, образованный путем сложения невидоизмененной основы глагола любить (*aimer*) и начального непроизносимого звука *h*, который является первой буквой слова *hair* (*ненавидеть*). Новые когнитивные понятия, которые образуются из объединения двух, трех и более элементов, приводят к созданию качественно нового восприятия – нового когнитивного целого [Konurbaev 2017: 387], основанного на единстве глубоко скрытых закономерностей объектов и их сочетаний. Формально выраженное соединение нескольких элементов эмоционального мира, как правило, имеет свои особенности и средства экспликации, которые также часто основаны на привлечении синкретичных способов выражения эмоционального содержания.

Интегративность рассматривается как процесс создания производных эмоций на основе расщепления базисных эмоций и их комбинации. Результатом эмоциональной интеграции становится объединение разнооценочных (в том числе, амбивалентных) эмоций [Карловская 2009]. В отличие от онтогенетического единства синкретичных явлений интеграция эмоций соединяет изначально разрозненные объекты благодаря функциям лимбической системы коры головного мозга, в которой происходят процессы объединения воспринимаемой информации и формирование сложных моно- и полиоценочных эмоциональных переживаний (см. роль круга Пейпеца, по которому проходит нервное возбуждение при протекании эмоций [Голланд URL 2019]).

Стяжение как разновидность интеграции используется в лингвистике при акцентировании внимания на свойствах семантического уплотнения, свёртывания, сжатия. Общим компонентом значения этих понятий является ‘объединение’, ‘слияние’. В применении к эмоциональным объектам этот вид интеграции рассматривается в работе Ю.Н. Маринина, в которой на примере анализа речеконтекста поздравления продемонстрировано, что план эмоционального содержания текста можно выразить путем его стяжения благодаря использованию более компрессированного плана выражения – этикетной формулы и ее прототипического содержания, свернутого до уровня элементарного символического выражения [Маринин 2010]. Примером стяжения как сложного эмоционального явления, представленного в виде коммуникативной единицы в системно организованной последовательности интерактивных проявлений, может служить эмотивный дискурс малых форм (междометных и других свернутых эмоциональных реакций) [Носкова 2006: 5].

В лингвистике существуют иные терминопонятия, которые используются учеными для характеристики сложных семантических отношений, свойственных описываемым эмоциональным явлениям, и которые основываются на учете таких свойств эмоций, как их оценочное содержание и модальность.

Энантисемиа характеризует сложные эмоциональные объекты с амбивалентной семантикой. Эмотивная энантисемиа возникает как семантический синкретизм единиц с противоположно заряженной оценочной семантикой. В диссертационном исследовании И.В. Борисовой показано, что микрополя *Liebe* и *Hass* имеют зону пересечения в немецком языке, что приводит к созданию и языковой кодификации contaminated поля *Hassliebe*, образует оксюморон *Leidenschaft* (*страсть*) [Борисова 2003]. Образование энантисемичных эмоциональных явлений стимулируется коммуникативной практикой, где постоянно вырабатываются новые обозначения сложных состояний (*приятная ревность, агрессивная нежность, радость со слезами на глазах*), образуются слова-композиции для их однословного обозначения (*злобро*).

Комплементарность в широком смысле слова рассматривается как реакция саморазвивающейся системы на неравновесное состояние. В применении к сфере эмоций это явление выражается в действии принципа Поллианны, согласно которому негативность в языке приводится в равновесие тенденцией к более частотному употреблению слов с положительной оценкой [Jing-Schmidt 2007]. Комплементарность применительно к понятию эмотивности предполагает суммативность эмоционально-смыслового содержания, поскольку в отличие от симметричных эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций комплементарный эмотив-стимул вызывает не аналогичную, а производную эмотив-реакцию, относящуюся к той же предметной области (ср.: комплементарные прагматические клише *извинение* и *принятие извинения*, выражение *благодарности* и минимизация повода [Ратмайр 1997: 18; Dirven 1997]).

Можно констатировать, что смешанные эмоции в своей основе комплементарны, если под данным термином понимать «взаимодополняемость (взаимное соответствие) взаимодействующих объектов, приводящая к образованию вторичных связей между ними» [БЭС 1986: 215]. Как нами было показано ранее, лексические средства выражения сложных эмоций, основанных на принципе комплементарности, образуют сочиненные члены, которые располагаются контактно и не разделяются другими словами. Однако в естественных языках сочинительная связь приобретает факультативные смыслы: не просто объединение двух элементов, но еще и последовательность, противительность, указание на то, что вторая часть выступает следствием первой [Санников 2008: 45-46]. В связи с этим комплементарные отношения отождествляются с другими видами сложных образований (производностью, интегративностью, контаминацией).

Полифоничность как образное выражение идеи многоголосия используется в науке для обозначения широкого спектра самостоятельных, но взаимосвязанных явлений, проявляющихся одновременно. В применении к эмоциональному содержанию данное обозначение чаще всего относят к сфере модальности эмотивных единиц и их использования в речи. Модальность – «качественная характеристика эмоций, которая рассматривается как составное единство, определяющееся соотношением трех его компонентов: удовольствия – неудовольствия, возбуждения – успокоения, напряжения – разрешения» [Вундт 1984: 49-50]. Известно, что большая часть эмоциональных переживаний функционально не является автономной, а существует в потоке других переживаний, во взаимодействии с ними. Таким образом, внутри групп базисных эмоций и между элементами этих групп возникают модальные комплексы психических переживаний, которые определяют новое качество сложного эмоционального явления. При этом типичные социальные комплексы эмоционального поведения, основанные на привычном соотношении категориальных эмоциональных ситуаций и реакций на

них (*горе – сочувствие, расставание – грусть, встреча – радость* и др.) в реальном пространстве эмоций включает личностные, нетипичные или амбивалентные проявления, усложняющие эмоциональные состояния:

«Каково, умер; а я вот нет», – подумал или почувствовал каждый. Близкие же знакомые, так называемые друзья Ивана Ильича, при этом подумали невольно и о том, что теперь им надобно исполнить очень скучные обязанности приличия и поехать на панихиду и к вдове с визитом соболезнования (Толстой Л. Смерть Ивана Ильича).

Как показывает беглый анализ понятий, используемых для характеристики сложных эмоциональных объектов, толкование их содержания не лишено противоречивости, в ряде случаев они указывают на аналогичные явления, используются для номинации объектов, близких по своим качествам и природе. В то же время эти обозначения явственно представляют два различающихся типа явлений: комплексы эмоциональных состояний и комплексные эмоциональные состояния.

Типы эмоциональных явлений

Комплексы эмоциональных состояний – наиболее распространенный тип описываемых сложных эмоциональных объектов. Они основаны на структурном наполнении и расширении сценария эмоционального состояния. Например:

Все читали на моём лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромн – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен (М. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени).

Составляющие комплекса эмоций характеризуются разнообразными отношениями: одновременностью и синхронностью переживания или последовательностью, поступательностью, непосредственностью протекания или отсроченностью во времени. Такие объекты вербализуются путем «нанизывания» информации о новых эмоциональных объектах, развертывания высказываний на основе сочинительной связи и примыкания, оформления их в виде «независимых эмотивных реплик» [Штеба 2017]. В качестве обозначения этого вида эмоциональных объектов предлагается использовать определение «составной» – имеющий усложненный состав. Исчисление, анализ и упорядочение эмоциональных элементов внутри комплексов является средством упрощения сложной организации материала и облегчения интерпретации описываемого эмоционального содержания.

Комплексные эмоциональные состояния – тип сложных эмоциональных состояний как результат их слияния и сверхсуммативности, в результате которых образуется качественно новый объект, не сводимый к эмоциональным свойствам соединяемых элементов. Новый эмоциональный объект предстает в виде «сложного эмотивного концепта» [Филимонова, 2007], синтезированной формы, объединяющей однородные или разнородные эмоциональные компоненты, образованные в результате действия механизма концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner: 308]. Данный тип эмоциональных явлений с очевидностью предполагает противопоставленность комплексности чему-то разрозненному, неполному, неоднородному, одностороннему, простому [Михайлова, Михайлов 2014].

Разделение и анализ компонентов эмоционального комплекса ведет к разрушению эмоциональной семантики исследуемой единицы, в то время как синкретизм содержания при суммативности формы эмоциональных составляющих комплексных

объектов создает достоверное и полное представление о характере описываемой эмоции: *Степан, бледнея, рвал с груди пиявок, давил их ногою. Последнюю раздавил, застегнул воротник рубахи и, словно испугавшись чего-то, снова расстегнул... Белые губы не находили покоя: подрагивая, расползались в нелепую улыбку, ежились, собираясь в синеватый комок... Томилину казалось, что Степан жует что-то твердое, неподатливое на зубы. Постепенно к лицу вернулась краска, прихваченные изнутри зубами, окаменели в недвижности губы. Степан снял фуражку, рукавом размазал по белому чехлу пятно колесной мази, сказал звонко: – Спасибо за вести. – Хотел предупредить... Ты извиняй... Так, мол, и так дома... (Шолохов М.А. Тихий Дон).*

Описание эмоционального состояния героя в приведенном фрагменте не лишено динамики (*беспокойство, испуг, ужас, неопределенность, решимость, эмоциональное сдерживание, показное спокойствие, ирония*), реализуется целым комплексом вербальных средств (*описанием невербального поведения, симптоматики, мимики, введения образа, косвенного речевого акта*). Но при этом оно должно восприниматься как целостность – сложное эмоциональное переживание, образуемое смешением эмоций разного качества.

Именно комплексные эмоциональные объекты, по нашему мнению, являются представителями группы так называемых смешанных эмоций в строгом смысле слова, что не противоречит, однако, наличию внутри этого вида сложных эмоциональных явлений разновидностей, выделяемых по разным основаниям.

Лингвистическая категоризация смешанных эмоций

Принципы категоризации сложных эмоциональных явлений требуют дополнительных знаний об их свойствах и способах их вербализации. Так, традиционный прием номинации эмоциональных переживаний при исследовании смешанных эмоций может принимать функции дескрипции, а исчисление семантических признаков эмоций в данном случае может быть невозможным [Штеба 2014; Жданова 2016]:

Со смешанным чувством иронии и любопытства мы согласились на предложение Бобби поехать из Аризоны в Нью-Йорк на машине (М. Канингем. Дом на краю света).

Сейчас я испытываю калейдоскоп эмоций. Боль и ярость, грусть и сожаление смешались и накрыли меня. И в этот момент я ощутил надежду (Дж. Эшер. 13 причин почему).

Полная мешанина в голове. Мои мозги перемешали большой ложкой. Или маленькой. ...В грудь влетела шаровая молния и все там пережгла (Токарева В. Звезда в тумане).

Значимым для понимания природы смешанных эмоций является то, что зона пересечения двух номинаций эмоционального мира становится возможной, благодаря наличию в семантике обоих слов ингерентных сем ‘эмоция’ и ‘оценка’, в результате образуется сверхсуммативное целое, которое больше суммы его частей.

Для словесного обозначения эмоциональных объектов, полученных в результате смешения эмоциональных состояний, ученые предлагают использование таких понятий, как эмоциональный композит: *love-hate, pain-pleasure, grief-joy* [Филимонова 2007]; эмоциональный бленд [Коробкина 2009: 57], креатема [Шаховский 2016]. Поскольку смешанные эмоции в своей основе комплементарны, совмещение разрозненных образов исходных понятий идет по пути согласования («примирения») их семантики в целях получения однородного целого. Этот механизм основан на элиминации

имплицитных связей и отношений между понятиями, заполнению смыслового «расстояния» между смешиваемыми в едином ментальном пространстве фрагментами [Коробкина 2009: 57].

Данная особенность характерна в том числе для таких случаев, когда в состав смешанной эмоции входят амбивалентные по семантике эмотивные элементы, в результате чего адресату становятся вполне доступны восприятие и понимание таких состояний, как *светлая печаль, приятная грусть, радость-печаль, любовь-ненависть*, оценок эмоционально значимых ситуаций: *жизнеспособный возраст, победа-поражение*, терминологических обозначений сложных психологических состояний: *дисфория, катарсис, протрация* и др.

Для обоснования достоверности / недостоверности подобного тезиса, имеющего новизну по отношению исследованию простых эмоций, нами был организован и проведен онлайн-опрос пользователей социальной сети Интернет (более 300 анкет) с включением вопроса о том, каково, по мнению русскоязычных респондентов, обобщенное эмоциональное содержание такого состояния, которое испытывают люди перед прыжком с высоты (у французом для его обозначения есть выражение «L'AppelduVide» (*зов бездны*), у англичан – «Highplacephenomenon» (*феномен высокого места*), в русском языке общепринятое обозначение для данной ситуации отсутствует.

В результате обработки экспериментального материала было установлено, что эмоциональное наполнение этого состояния в анкетах было представлено достаточно ограниченным набором лексем, который почти полностью повторяется в 72 % анкет: *волнение, напряжение, страх, сомнение, радость, восторг*. Помимо них в ряде анкет воспроизводились лексемы *отчаяние, любопытство*. По мнению большинства респондентов, описать указанное состояние одним словом не представляется возможным, в то время как попытки его вербального обозначения иным способом породили оценочные выражения (*гордость за себя; покорить или покориться*), а также образы (*на крыльях свободы / удачи / судьбы / смерти; вырастут крылья*). В анкетах респондентов видно, что участники опроса практически безошибочно воспроизвели семантические свойства смешанной эмоции (см. используемые ими слова: *одновременно, вместе, неразрывно, смесь*) и подтвердили вывод о том, что для речевой практики является естественным построение эмоциональных комплексов с включением неоднородных и семантически противоречивых единиц, отражающих амбивалентные эмоции.

В то же время было выявлено, что при конкретизации и детализации описываемого эмоционального состояния семантический контур эмоционального объекта нередко размывается, происходит генерализация семантики описываемой единицы, ее частичный (замена наименований конкретных эмоций именами базовых эмоций: *волнение, подавленность, грустно*) или полный (использование гиперонимов: *чувство, чувствовать, ощущать*) переход в разряд общего значения:

*Я попросил его сказать мне, которая щека у меня левая, ибо я до того был **подавлен** его речью (Горький М. Как меня отбрили);*

*Все действительно думали, что Пухов корявый человек и вареную колбасу на гробе резал. Так оно и было, но Пухов делал это все не из похабства, а от голода. Зато потом **чувствительность** начала мучить его... (Платонов А. Сокровенный человек).*

Подобные способы вербализации смешанных явлений отражают тенденцию к обобщению эмоционального содержания изображаемого объекта при его синтезе и повышают степень его семантической неопределенности [Ионова 2010, 2014, Дьякова 2016].

Другой разновидностью воспроизведения смешанной эмоции можно считать многообразные поливалентные варианты ее семантики, представленные в том числе в расширенном списке признаков обобщенного явления. Подобные многокомпонентные эмоциональные комплексы чаще всего основываются на использовании эмоциональных явлений различной модальности, но могут быть представленными разными формами выражения однотипной информации:

*Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойно,
Рабское, хамское... все кругом (Гиппиус З.).*

Характеристики, приводимые автором для выражения субъективного отношения к окружающей действительности, при всей их конкретности, полимодальности, способности построить обобщенный эмоциональный образ, предоставляют небольшой диапазон семантических признаков, который имеет предельно обобщенное значение – ‘все вокруг крайне негативное’.

Смешение эмоций может осуществляться также на внутригрупповом уровне представления эмоций, т.е. в составе группы одной базовой эмоции путем изменения модальности выражаемых эмоциональных элементов или степени интенсивности выражаемого эмоционального признака:

Я хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, я не виноват, что хочу этого, что для одного этого я живу. Я никогда никому не скажу этого, но боже мой! Что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую (Толстой Л. Война и мир);

Лужин сказал: «Ого!» – и заерзал в кресле. Потом он бегал по кабинету, потирая руки. Щелкал зубами, бормотал: «Чудовищная удача!» – и опять бегал по кабинету, испытывая удивление, радость, восторг, т.е. чувства, которые мог бы испытать рыбак, закинувший удочку на пескаря, а поймавший щуку (Войнович В. Жизнь и необычайные приключения...).

Многообразие вариантов репрезентации смешанных эмоциональных явлений в речи и тексте основывается на взаимопересечении всех основных свойств эмоций: знака оценки; модальности конкретных эмоций; групп базовых эмоций; степени интенсивности проявления признаков; степени генерализации признаков.

Таблица № 1.

Смешанные эмоциональные явления: взаимопересечение признаков

Элемент 1	Оценочная семантика	Варианты модальности	Варианты группы базовых эмоций	Интенсивность	Гипероним
Элемент n					
Оценочная семантика	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-
Варианты модальности	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-
Варианты группы базовых эмоций	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-

Интенсивность	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-
Гипероним	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-	+ /-

Знак +/- в таблице означает наличие или отсутствие указанных признаков для каждого из элементов смешанного эмоционального явления. Как нами отмечалось ранее [Штеба 2014; Ионова, Шаховский 2012], в смешанных эмоциональных комплексах могут соединяться в единое целое однооценочные или разнооценочные понятия, контрарные (*любовь и ненависть, радость и печаль* и под.) или не контрарные (*любовь и грусть*) по отношению друг к другу. Это может быть объединение эмоциональных объектов, отличающихся степенью интенсивности, семантической активностью / пассивностью эмоций (*горе – ярость; радость – восторг*) и т.д. Указанные в таблице признаки в их бесконечных сочетаниях и взаимовлиянии способны образовывать уникальные эмоциональные комплексы смешанных эмоций.

Выводы

В эпоху цифровых технологий изучение сложных и комплексных явлений сферы эмоций, составляющих ядро все усложняющегося сознания личности, призвано способствовать познанию когнитивного и коммуникативного потенциала мультитудума как нового типа личности, которому свойственно многоголосие внутреннего мира [Эпштейн 2015].

Безусловно, вопрос о смешанных эмоциях не может считаться логически полным без обращения к сфере эмоциональной коммуникации и речевого поведения человека. Данные аспекты рассматриваемой проблемы неизбежно актуализируют не затронутые в данной статье вопросы, являющиеся, тем не менее, гносеологически важными: о соотношении смешанных эмоциональных комплексов и рациональных элементов коммуникации, стимулов и реакций разных типов [Ионова, Шаховский 2012], которые можно рассматривать в составе комплексов смешанных эмоций; о разграничении смешанных эмоций и поливалентной эмотивной тональности коммуникативной ситуации.

Необходимо найти соотношение между синкретизмом содержания эмоциональных комплексов и формой их репрезентации; установить инвентарь устойчивых языковых и речевых форм для их обозначения в разных областях знания.

Не менее важным является изучение комплекса коммуникативных функций смешанных эмоций, особенностей их использования в различных тактиках речи для достижения явных и скрытых, единичных и множественных целей. Актуальным является изучение специфики семантически определенных и неопределенных эмоциональных комплексов и их роли в коммуникативных ситуациях разных типов, в том числе связанных с манипуляцией сознанием адресатов, сокрытием и преобразованием эмоциональной доминанты передаваемой информации.

Уровень разработок в лингвистике эмоций и смежных областях знания сегодня позволяет ставить и решать указанные задачи.

Литература

- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания, 1993. № 3. С. 27-35.
- Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды. Том II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767с.
- Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. литер, 1961. 394 с.
- Борисова И.В.* Семантика эгоцентрических категорий: *liebe, hass* и их актуализация в немецком языковом сознании. Автореф. ... канд. филол. н., Абакан, 2003. 24 с. (БЭС) Биологический энциклопедический словарь / М.С. Гиляров. 2-е изд., испр. М.: Сов. энциклопедия, 1986.
- Варзаева М.А.* Способы образования «смешанных эмоций» в элегиях В.А. Жуковского, объединенных мотивами разочарования и мимолетности юности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (19). С. 39-42.
- Вежибицкая А.* Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 112-132.
- Виллюнас В.К.* Психология эмоциональных состояний. М.: Изд-во МГУ, 1976. 142 с.
- Вундт В.* Психология душевных волнений // Психология эмоций: Тексты. М., 1984. С. 49-50.
- Голланд Э.* Расщепление, интеграция и амбивалентность. [Электронный ресурс] URL: <https://psychologytoday.ru/public/rasshcheplenie-integratsiya-i-ambivalentnost> (дата обращения: 18.03.2019).
- Диалектика познания сложных систем / Под ред. В.С. Тюхтина.* М.: Мысль, 1988. 316 с.
- Дьякова А.А.* Объективная и субъективная сложность документных текстов // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание, 2016, № 1 (30). С. 62-69.
- Жданова Ю.П.* Язык Владимира Набокова в эмоциональном аспекте // Материалы Научной сессии. Ч.3. Филология и журналистика. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. С. 13-16.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Издательство «Питер», 1999. 464 с.
- Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2006. 528 с.
- Ионова С.В.* Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград: ЦРП «Центр», 2003. С. 6-19.
- Ионова С.В.* Эмоции в новой коммуникативной реальности // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии и тактики: коллективная монография. Волгоград: Перемена, 2010. С. 7-2.
- Ионова С.В.* Усложненные образы мира в языке современной русской литературы // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы II Международной научно-практической конференции. Уфа: Изд-во Башкирского государственного университета, 2014. С. 44-53.
- Ионова С.В., Шаховский В.И.* Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект / С.В. Ионова, В.И. Шаховский // Антропология языка. Вып. 2. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 137-149.

Калимуллина (Киселева) Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков). Автореф. ... докт. филол. н., Уфа, 2006. 43 с.

Карловская В.Н. Репрезентация полярных эмоций в художественном тексте (на материале современной англоязычной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 21 с.

Коробкина Н.И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 226 с.

Котов А.А. Паттерны эмоциональных коммуникативных реакций: проблемы создания корпуса и перенос на компьютерных агентов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 211-218.

Маринин Ю.Н. Эмотивность как признак речекомплекса «поздравление» // Грани познания. 2010. №1(6). [Электронный ресурс] URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/144_st.pdf (дата обращения: 14.02.2019).

Михайлова О.А. Словарь синонимов. Словарь антонимов. Алабугина Ю.В. Толковый словарь. Этимологический словарь / О.А. Михайлова, Ю.В. Алабугина. М.: АСТ, 2014. 512 с.

Носкова С.Э. Эмоциональный дискурс малых форм: семантический и прагматический аспекты: Дисс. докт. филол. наук, 10.02.19. Тверь, 2006. 326 с.

Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. 1997, № 1. С. 15-22.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Изд-во МГУ, 1998. 582 с.

(СРЯ) Словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Том IV. М.: Русский язык, 1999. 800 с.

Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 3-67.

Филлимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики, 2016, № 2 (28). С. 324-333.

Шелестюк Е.В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века). Дис. ... канд. филол. н., Москва, 1998. 207 с.

Штеба А.А. Лингвоэкологический абсолют смешанных эмоций // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. Вып. № 2. С. 172-178.

Штеба А.А. Смешанные эмоции как нечеткое множество // Языковое бытие человека и этноса. Материалы XIII Березинских чтений / Под редакцией В.А. Пищальной. М., 2017. С. 65-68.

Щирова И.А. О сложности мира, текста и познания: методологический аспект. М.: Стиль, 2011. С. 91-104.

Эйтчисон Дж. Лингвистическое отражение любви, гнева, и страха: цепи, сети или контейнеры? // Язык и эмоции / Дж. Эйтчисон. Волгоград, 1995. С. 76-89.

Эшштейн М.Н. Сверхпоэзия и сверхчеловек // Знамя. 2015. № 1. С. 16-24.

Яковлева Е.В. Функциональная специфика междометий и релятивных конструкций как элементов эмотивного смысла в текстах психологической прозы. Дисс. ... канд. филол. н. Ставрополь, 2017. 203 с.

Bamberg, M. (1997). Emotional talk(s): the role of perspective in the construction of emotions. *The Language of Emotions*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing House P. 209-226.

Fauconnier, G., Turner M. (2006). Mental spaces: conceptual integration networks. *Cognitive linguistics: basic readings*. Ed. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. P. 303-371.

Dirven, R. (1997). Emotions as cause and the cause of emotions. *The Language of Emotions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 55-86.

Drescher, M. (1997). French interjections and their use in discourse // *The Language of Emotions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 233-246.

Goleman, D. (1997). *Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ*. N.Y.; London: Bantam Books.

Jing-Schmidt, Zh. (2007). Negativity bias in language: A cognitive-affective model of emotive intensifiers. *Cognitive Linguistics*, Volume 18, Issue 3, P. 417-443.

Konurbaev, M.E. (2017). Redefining Neutrality in Language and Speech. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 2. С. 379-389.

McGlone, F., Wessberg, J., Olausson, H. (2014). Discriminative and Affective Touch: Sensing and Feeling. *Neuron*. 82(4). P.737-755.

Ortony, A., Clore, G., Collins, A. (1988). *The Cognitive Structure of Emotions*, Cambridge.

Plutchik, R. (2001). The Nature of Emotions. *American Scientist*, Vol. 89. P. 344-350.

Wierzbicka, A. (1992). Defining Emotion Concepts. *Cognitive Science*, 16 (4). P. 539-581.

Wierzbicka, A. (2008). A conceptual basis for research into emotions and bilingualism. *Bilingualism. A conceptual basis for research into emotions and bilingualism*, *Bilingualism: Language and Cognition*, vol.11, no. 2, pp. 193-195.

**CONTRADICTORY EMOTIONS:
THE QUESTION OF THE LINGUISTIC REPRESENTATION
AND THE METALANGUAGE DESCRIPTION**

Svetlana V. Ionova

professor of the Department of General and Russian linguistics
Pushkin State Russian Language Institute
6, Akademika Volgina str., Moscow, 117485, Russia
sionova@mail.ru

Alexey A. Shteba

associate Professor of the Department of Roman philology
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenina prospect, Volgograd 400066 Russia
alexchteba@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of contradictory emotions as a special type of emotional phenomena that receive categorization in language and develop ideas about traditional objects of emotion linguistics. This object is considered in the context of the achievements of emotiology, developed by the scientific school of V. I. Shakhovskiy. The questions of verbalization of mixed emotions are raised, the existing terminological designations used in linguistics to describe complex emotional phenomena are considered. There are two types of complex emotional phenomena that receive a linguistic description: a complex emotional object and a complex of emotional objects. Linguistic features are distinguished, on the basis of which it is possible to identify various options for the implementation of mixed emotions.

Keywords: emotion, complex emotion, contradictory emotions, mixed emotion, ways of verbalization of emotions, uncertain emotion

References

Apresyan V.YU., Apresyan YU.D. Metafora v semanticheskom predstavlenii emocij [Metaphor in the semantic representation of emotions]. *Voprosy yazykoznanija*, 1993. № 3. S. 27-35. (In Russian).

Apresyan YU.D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [The integrated description of language and systemic lexicography]. *Izbr.trudy. Tom II. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury»*, 1995. 767 s. (In Russian).

Balli SH. Francuzskaya stilistika [French style]. M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1961. 394 s. (In Russian).

Borisova I.V. Semantika egocentricheskikh kategorij: liebe, hass i ih aktualizatsiya v nemetckom yazykovom soznanii [Semantics of egocentric categories: liebe, hass and their actualization in the German language consciousness]. *Avtoref. ... kand. filol. n., Abakan*, 2003. 24 s. (In Russian).

(BES) *Biologicheskij enciklopedicheskij slovar'* [Biological encyclopedic dictionary]. Ed. M.S. Gilyarov. 2-e izd., ispr. M.: Sov. Enciklopediya, 1986. (In Russian).

Varzaeva M.A. Sposoby obrazovaniya «smeshannyh emocij» v elegiyah V.A. Zhukovskogo, ob»edinennyh motivami razocharovaniya i mimoletnosti yunosti [Methods of formation of «mixed emotions» in elegies V.A. Zhukovskiy, United by the motives of

disappointment and fleeting youth]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2013. № 1 (19). S. 39-42. (In Russian).

Vezhbickaya A. Kul'turno-obuslovlennyye scenariy: novyy podhod k izucheniyu mezhkul'turnoj kommunikacii [Cultural-conditioned scenarios: a new approach to the study of intercultural communication]. *Zhanry rechi*. Vyp. 2. Saratov, 1999. S. 112-132. (In Russian).

Vilyunas V.K. Psihologiya emocional'nyh sostoyanij [Psychology of emotional States]. M.: Izd-vo MGU, 1976. 142 s. (In Russian).

Vundt V. Psihologiya dushevnyh volnenij [Psychology of emotional unrest]. *Psihologiya emocij: Teksty*. M., 1984, S. 49-50. (In Russian).

Golland E. Rasshcheplenie, integratsiya i ambivalentnost' [Splitting, integration and ambivalence]. [Electronic resource]. URL: <https://psychologytoday.ru/public/rasshcheplenie-integratsiya-i-ambivalentnost>. (retrieval date 18.03.2019). (In Russian).

Dialektika poznaniya slozhnyh system [Dialectics of knowledge of complex systems]. Red. V.S. Tyuhtina. M.: Mysl', 1988. 316 s. (In Russian).

D'yakova A.A. Ob»ektivnaya i sub»ektivnaya slozhnost' dokumentnyh tekstov [Objective and subjective complexity of document texts]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2016, № 1 (30). S. 62-69. (In Russian).

Zhdanova YU.P. Yazyk Vladimira Nabokova v emocional'nom aspekte [The language of Vladimir Nabokov to the emotional aspect of]. *Materialy Nauchnoj sessii, Filologiya i zhurnalistika. Lingvistika i mezhkul'turnaya komunikatsiya*. Volgograd :VolGU, 2016. S. 13-16. (In Russian).

Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness and the creative act]. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2010. 592 s. (In Russian).

Izard K.E. Psihologiya emocij [Psychology of emotions]. SPb.: Izdatel'stvo «Piter», 1999. 464 s. (In Russian).

Il'in E.P. Emocii i chuvstva [Emotions and feelings]. SPb.:Piter, 2006. 528 s. (In Russian).

Ionova S.V. Emocii v novej kommunikativnoj real'nosti [Emotions in a new communicative reality]. *Chelovek v kommunikacii: motivy, strategii i taktiki: kollektivnaya monografiya*. Volgograd: Peremena, 2010. S.7-20. (In Russian).

Ionova S.V. Lingvistika emocij: osnovnye problemy, rezul'taty i perspektivy [Linguistics of emotions: main problems, results and prospects]. *Yazyk i emocii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoj deyatel'nosti*. Volgograd: CRP «Centr», 2003. S. 6-19. (In Russian).

Ionova S.V. Uslozhnennyye obrazy mira v yazyke sovremennoj russkoj literatury [Complicated images of the world in the language of modern Russian literature]. *Slavyanskie etnosy, yazyki i kul'tury v sovremennom mire: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ufa: Izd-vo Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. S. 44-53. (In Russian).

Ionova S.V., Shahovskij V.I. Chelovek i ego yazykovaya sreda: ekolingvisticheskij aspekt [Man and his language environment: ecolinguistic aspect]. *Antropologiya yazyka: sb. statej*. Vyp. 2. M.: Flinta: Nauka, 2012. S. 137-149. (In Russian).

Kalimullina (Kiseleva) L.A. Semanticheskoe pole emotivnosti v russkom yazyke: sinhronnyj i diahronicheskij aspekty (s privlecheniem materiala slavyanskih yazykov) [The semantic field of emotive in the Russian language: a synchronic and diachronic aspects]. *Avtoref. ... dokt. filol. n.*, Ufa, 2006. 43 s. (In Russian).

Karlovskaya V.N. Reprezentatsiya polyarnyh emocij v hudozhestvennom tekste (na materiale sovremennoj angloyazychnoj prozy) [Representation of polar emotions in a literary text (by the material of modern English prose)]: avtoref. dis. ... kand.filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2009. 21 s. (In Russian).

Korobkina N.I. Konceptual'naya integratsiya kak sposob yazykovoj ekonomii [Conceptual integration as a way of language economy]. Diss...kand.filol. nauk. Volgograd, 2009. 226 s. (In Russian).

Kotov A.A. Patterny emocional'nyh kommunikativnyh reakcij: problem sozdaniya korpusa i perenos na komp'yuternyh agentov [Communicative patterns of emotional reactions: problems of creation of the housing and rolls on the computer agents]. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Vyp.8 (15). M.: RGGU, 2009. S. 211-218. (In Russian).

Marinin YU.N. Emotivnost' kak priznak rechekompleksa «pozdravlenie» [Emotively as an indication of reconnect“congratulations”]. Granipoznaniya. №1(6). 2010 [Elektronnyj resurs] URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/144_st.pdf (retrieval date 14.02.2019). (In Russian).

Mihajlova O.A. Slovar' sinonimov. Slovar' antonimov [Dictionary of synonyms. Dictionary of antonyms.]. Alabugina YU. V. Tolkovyj slovar'. Etimologicheskij slovar' [Explanatory dictionary]. Red. O.A. Mihajlova, YU.V. Alabugina. M.: AST, 2014. 512 s. (In Russian). retrieval

Noskova S.E. Emocional'nyj diskurs malyh form: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty [Emotional discourse of small forms: semantic and pragmatic aspects]. Diss... dokt. filol. nauk. Tver', 2006. 326 s. (In Russian).

Ratmajr R. Funkcional'nye i kul'turno-sopostavitel'nye aspekty pragmaticheskikh klishe [Functional, cultural and comparative aspects of pragmatic clichés]. Voprosy yazykoznaniya. № 1. 1997. S.15-22. (In Russian).

Sannikov V.Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve [Russian syntax in semantic and pragmatic space]. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. 624 s. (In Russian).

Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii [Fundamentals of General psychology]. M.: Izd-vo MGU, 1998. 582 s. (In Russian).

(SRYA) Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Pod red. A.P. Evgen'evoj. Tom IV. M. : Russkij yazyk, 1999. 800 s. (In Russian).

Teliya V.N. Mekhanizmy ekspressivnoj okraski yazykovyh edinic [Mechanisms of expressive coloring of language units]. Chelovecheskij faktor v yazyke: yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti. M.: Nauka, 1991. S. 36-67. (In Russian).

Filimonova O.E. Emociologiya teksta. Analiz reprezentatsii emocij v anglijskom tekste [Emiology text. Analysis of the representation of emotions in the English text] SPb.: OOO «Knizhnyj Dom», 2007. 448 s. (In Russian).

Shahovskij V.I. Kategorizatsiya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Voronezh: Izd-voVoronezhskogo un-ta, 1987. 190 s. (In Russian).

Shahovskij V.I. Lingvisticheskaya teoriya emocij: Monografiya [Linguistic theory of emotions]. M.: Gnozis, 2008. 416 s. (In Russian).

Shahovskij V.I. Kreatemy v modeli yazykovogo soznaniya russkih [Createmy in a model of language consciousness of Russian]. Voprosy psiholingvistiki, 2016, № 2 (28). S. 324-333. (In Russian).

Shelestyuk E.V. Semantika hudozhestvennogo obraza i simvola (na material angloyazychnoj poezii XX veka) [Semantics of artistic image and symbol (by the material of English poetry of the XX century)]. Diss. ... kand. filol. n., M., 1998. 207 s. (In Russian).

Shteba A.A. Lingvoekologicheskij absolyut smeshannyh emocij [Linguoecology absolute mixed emotions]. *Ekologiyay azyka i kommunikativnaya praktika.* № 2. 2014. S. 172-178. (In Russian).

Shteba A.A. Smeshannye emocii kak nechetkoje mnozhestvo [Mixed emotions as a fuzzy set]. *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa. Materialy XIII Berezinskih chtenij.* Red. V.A. Pishchal'nikovoj. M., 2017. S. 65-68. (In Russian).

Shchirova I.A. O slozhnosti mira, teksta i poznaniya: metodologicheskij aspect [On the complexity of the world, text and knowledge: methodological aspect]. M.: Stil', 2011, s. 91-104. (In Russian).

Ejtchison Dzh. Lingvisticheskoe otrazhenie lyubvi, gneva i straha: cepi, seti ili kontejnery? [A linguistic reflection of love, anger, and fear: chains, nets or containers?]. *Yazyk i emotcii / Dzh. Ejtchison.* Volgograd, 1995. S. 76-89. (In Russian).

Epshtejn M.N. Sverhpoeziya i sverhchelovek [Corpoate and Superman]. *Znamya.* 2015. № 1. S. 16-24. (In Russian).

Yakovleva E.V. Funkcional'naya spetsifika mezhdometij i relyativnyh konstrukcij kak elementov emotivnogo smysla v tekstah psihologicheskoy prozy [Functional specificity of interjections and relational constructions as elements of emotional meaning in texts of psychological prose]. Dis. ... kand. filol. n., Stavropol', 2017. 203 s. (In Russian).

Bamberg, M. (1997) Emotional talk(s): the role of perspective in the construction of emotions. *The Language of Emotions.* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing House P. 209-226.

Fauconnier, G., Turner, M. (2006) Mental spaces: conceptual integration networks. *Cognitive linguistics: basic readings.* Ed. by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. P. 303-371.

Dirven, R. (1997) Emotions as cause and the cause of emotions. *The Language of Emotions.* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 55-86.

Drescher, M. (1997) French interjections and their use in discourse // *The Language of Emotions.* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 233-246.

Goleman, D. (1997) *Emotional Intelligence. Why it can matter more than IQ.* N.Y.; London: Bantam Books.

Jing-Schmidt, Zh. (2007) Negativity bias in language: A cognitive-affective model of emotive intensifiers. *Cognitive Linguistics, Volume 18, Issue 3, Pages, 417-443.*

Konurbaev, M.E. (2017). Redefining Neutrality in Language and Speech. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika.* T. 21. № 2. P. 379-389.

McGlone, F., Wessberg, J., Olausson, H. (2014) Discriminative and Affective Touch: Sensing and Feeling. *Neuron.* 82 (4). P.737-755.

Ortony, A., Clore, G., Collins, A. (1988) *The Cognitive Structure of Emotions,* Cambridge.

Plutchik, R. (2001) The Nature of Emotions. *American Scientist,* Vol. 89. P. 344-350.

Wierzbicka, A. (1992) Defining Emotion Concepts. *Cognitive Science,* 16 (4). P. 539-581.

Wierzbicka, A. (2008) A conceptual basis for research into emotions and bilingualism. *Bilingualism. A conceptual basis for research into emotions and bilingualism, Bilingualism: Language and Cognition,* vol.11, no. 2, pp. 193-195.

УДК 811-159.9 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-82-91

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СЛОВА В НОРМЕ И УСПЕШНОСТЬ ЕГО ПРОДУЦИРОВАНИЯ В РЕЧИ ПАЦИЕНТОВ-АФАТИКОВ

Колмогорова Анастасия Владимировна

Завкафедрой романских языков и прикладной лингвистики,
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, пр. Свободный 82а
nastiakol@mail.ru

Статья посвящена исследованию зависимости между объективными (длина слова в фонемах, в слогах, частотность) и субъективными (возраст усвоения, представимость) параметрами слова и успешностью его продуцирования в устной речи пациентов-афатиков во время реабилитационных занятий с логопедом. Исследовательский корпус составили, с одной стороны, скрипты 14 часов видео- и аудиозаписей, фиксирующих речь 13 пациентов-афатиков во время восстановительных занятий, а с другой – данные об объективных и субъективных параметрах слов, глаголов и существительных, из русскоязычной библиотек и нормированных стимулов «Глагол и действие» и «Существительное и объект». В результате классификации лексических единиц, встречающихся в речевой продукции афатиков, из числа тех, чьи параметры описаны в библиотеках стимулов, их количественного подсчета и статистической обработки данных сделаны наблюдения о том, что: 1) параметры глаголов и существительных в группах форм-парафазий, персевераций, форм с фонетическими или грамматическими ошибками, а также группах верно произнесенных форм обнаруживают существенные и регулярные отличия, наиболее заметные на уровне морфологической структуры слова; 2) длина слова не является определяющим фактором для его успешного продуцирования в речи; 3) объектом парафазии становятся как правило достаточно поздно усвоенные длинные слова; 4) наиболее успешно продуцируются в речи лексемы, усвоенные в возрасте 1,6-1,7 года с достаточно низким показателем представимости (1, 1-1,3), длиной 5,37-5,5 фонем.

Ключевые слова: объективные и субъективные параметры слова, афазия, речевая продукция, библиотеки стимулов, речевая реабилитация

Введение

Данная публикация посвящена проблеме изучения возможных корреляций между объективными и субъективными (психолингвистическими) параметрами слова по данным анкетирования здоровых носителей языка и успешностью его воспроизведения пациентами-афатиками. Иными словами, основной исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом: есть ли основания полагать, что группы слов, имеющих некоторые объективные параметры (частотность, длина в слогах и фонемах) или субъективные параметры по результатам психолингвистического нормирования, проведенного на материале анкетирования неврологически здоровых носителей языка (представимость, возраст усвоения), будут успешнее продуцироваться в речи пациентов-афатиков? Можно ли спрогнозировать вид трудностей, которые возникнут у пациентов в зависимости от характера указанных параметров слова?

Аналогичный вопрос, но применительно к процессу называния объектов, изображенных на картинках, уже ставился: какие параметры влияют на называние объектов и действий на русском языке в норме и у пациентов с афазией [Солоухина, Щеголева и др. 2016]? Для этого в группе нормы и в группе патологии предъявлялись одни и те же визуальные стимулы, отобранные из библиотек вербальных и визуальных стимулов «Существительное и объект» – «Глагол и действие». Стимулы были запрограммированы в среде E-Prime. Испытуемому на компьютере предъявлялся черно-белый рисунок и обозначалось задание: посмотрите и скажите, что изображено на рисунке. Ответы испытуемого записывались программой в аудиофайлы и затем размечались: выявлялись правильные ответы, вербальные и фонологические парафазии.

В нашем исследовании мы поставили несколько иную цель – посмотреть, какие параметры, не связанные с предъявлением рисунка, согласно библиотекам визуально-вербальных стимулов «Существительное и объект» – «Глагол и действие», имеют слова, которые пациенты-афатики верно / неверно продуцируют в ходе восстановительных занятий. Сформулированная таким образом цель имеет практическую ориентацию, поскольку выявленные тенденции будут использованы для отбора стимульного вербального материала для мотивирования монологической и диалогической речи пациентов, проходящих реабилитацию в Отделении восстановления высших психических функций ФСНКЦ ФМБА России в г. Красноярске.

Таким образом, в качестве основы для исследования используются два вида данных: 1) это данные об объективных и субъективных (психолингвистических) параметрах русских слов (последние получены по результатам работы с неврологически здоровыми носителями языка) из библиотек стимулов «Существительное и объект» – «Глагол и действие»; 2) а также списки глаголов и существительных, зафиксированных в монологической и диалогической речи пациентов-афатиков, проходящих восстановительное обучение в клинических условиях.

Понятие психолингвистического параметра слова

«Психолингвистический параметр слова» (psycholinguistic property of word) – понятие, которое стало обсуждаться в отечественных нейролингвистических исследованиях относительно недавно.

Под психолингвистическим параметром слова понимают его характеристики, которые устанавливаются путем измерений, проводимых в ходе когнитивных экспериментов (субъективных рейтингов, экспериментальных заданий) с носителями языка, которым слово предъявляется в устной или письменной форме (Coltheart 1981; Paetzold, Spacia 2016). Это такие, например, его характеристики, как возраст усвоения, знакомство с концептом, представимость, конкретность.

Однако установлено, что на лексическую обработку слова влияют и различные объективные характеристики вербальных и визуальных стимулов – характеристики, которые могут быть измерены без участия информантов [Ehara 2017]: частотность, слова, его длина в слогах и фонемах.

Подобные объективно измеряемые и субъективно устанавливаемые параметры влияют на успешность называния объектов/действий как у здоровых людей, так и у пациентов с афазией [Акинина, Драгой 2013: 88], поэтому создаются библиотеки вербальных стимулов (и их визуальных коррелятов), охарактеризованных по определенным параметрам. Так, например, в русскоязычных библиотеках стимулов «Глагол и действие» и «Существительное и объект» [Akininaandall 2015; Акининаидр. 2014], доступной онлайн, представлено 11 основных параметров

а) лексических единиц:

- частотность слова;
- представимость – оценить, насколько легко/ сложно можно представить себе то, что называется данным словом;
- возраст усвоения слова;
- длина слова в слогах;
- длина слова в фонемах;

и б) иллюстрирующих их рисунков:

- устойчивость номинации (% NA) – % доминантной номинации в задании «назвать, что изображено на рисунке»;
- знакомство с концептом – оценить, насколько хорошо информант знаком с объектом/ действием, изображенным на рисунке;
- сходство образа с рисунком – насколько рисунок отражает то, что представил себе информант, увидев слово;
- объективная сложность – размер файла с рисунком;
- устойчивость номинации (Н) – мера разнообразия номинаций объекта / действия, изображенного на рисунке;
- субъективная сложность рисунка.

Подчеркнем, что обсуждаемая библиотека стимулов была создана путем анкетирования здоровых носителей русского языка, следовательно, представленные в ней субъективные параметры – это характеристики слова, валидные для психолингвистической нормы.

Дизайн исследовательской работы

Исследовательская работа включала в себя несколько этапов.

Сначала были просмотрены и прослушаны 14 часов видео- и аудиозаписей (предоставленные Федеральным Сибирским научно-клиническим центром ФМБА России), фиксирующих занятия 13 пациентов-афатиков с логопедом. Все записи были зашифрованы. Материал располагает следующими разновидностями речи: монолог, диалог, пересказ.

Затем из транскриптов были сформированы две большие группы данных: верно воспроизведенные с точки зрения формы лексические единицы (далее – ЛЕ) (глаголы и существительные в объеме 132 и 206 ед. соответственно), а также неверно произнесенные (глаголы – 120 ед.; существительные – 129 ед.). Правильные формы были разделены на следующие подгруппы: ЛЕ, произнесенные правильно с первого раза; ЛЕ, произнесенные правильно со второй попытки; ЛЕ, произнесенные правильно, но навязчиво повторяемые (персеверации) и не связанные с контекстом; ЛЕ, правильно артикулированные вслед за логопедом после существенных затруднений. Неправильные формы были разделены на следующие группы: неверная грамматическая форма (у глаголов – род, число, лицо; у существительных – род, число, падеж), неверная фонетическая форма, в которой отсутствует значимый элемент; формы, ставшие объектом парафазий (вербальных и литеральных).

На третьем этапе ЛЕ из каждой подгруппы были соотнесены с такими параметрами в библиотеках стимулов «Глагол и действие» и «Существительное и объект», как 1) возраст усвоения (AoA), 2) представимость (Imag), 3) частотность (LogFreq), 4) длина в фонемах (Length фонемы); 5) длина в слогах (Length слоги) (для глагола – в инфинитиве, для существительного – в им. падеже, ед. числе).

Диаграмма 1.

Значения 4-х параметров у различных групп глагольных форм

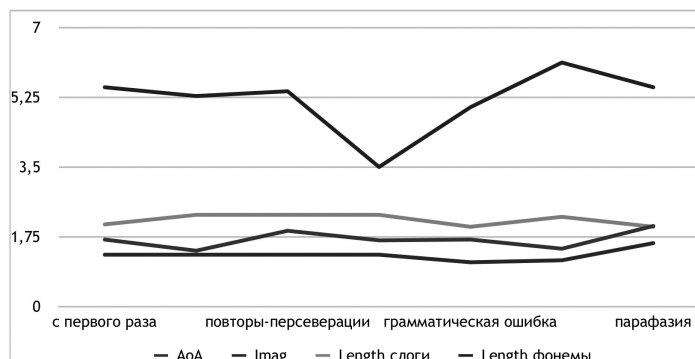

Диаграмма 2.

Значения 4 параметров у различных групп субстантивных форм

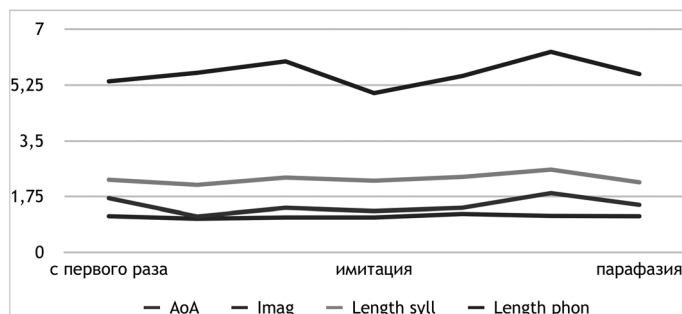
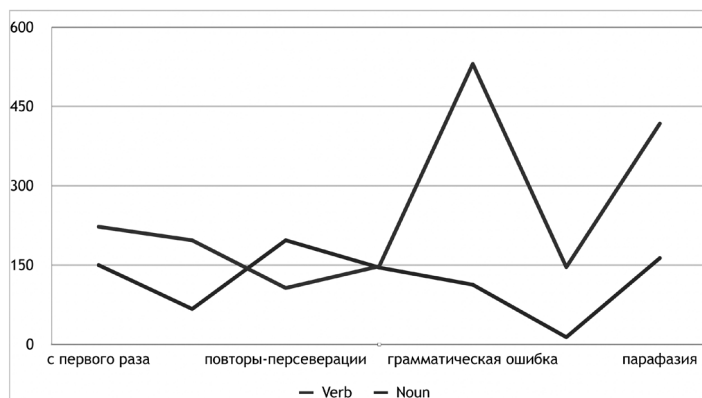

Диаграмма 3.

Динамика параметра частотности у глаголов и существительных различных групп

Подчеркнем, что часть форм, зафиксированных в речевом материале, полученном во время наблюдения за пациентами, не была учтена в силу того, что данные слова отсутствуют в указанных библиотеках стимулов, соответственно, у нас не было данных об их субъективных параметрах. Корпус использованных нами для анализа групп существительных и глаголов включает в себя только единицы, для которых в библиотеках стимулов имелись описания.

Наконец, во всех выделенных подгруппах, а также в целом в классах «верно» и «неверно» для каждой части речи были подсчитаны средние значения для каждого из 5 параметров, а также стандартное отклонение.

Результаты и обсуждение

При сравнении средних значений пяти показателей в группе вербальных форм, произнесенных верно, и в группе вербальных форм, произнесенных с грамматическими, фонетическими ошибками или ставшими предметом парафазии, обнаружилось, что статистически значимых отличий по средним значениям параметров нет (см. Табл. №1).

Таблица № 1

Средние значения 5 параметров для верных и неверных форм существительных и глаголов

Группы	AoA	Imag	LogFreq	Length в фонемах	Length в слогах
<i>Глаголы</i>					
<i>Верные формы</i>	1,65	1,3	168,46	5,3	2,19
<i>Неверные формы</i>	1,71	1,28	364,79	5,54	2,08
<i>Существительные</i>					
<i>Верные формы</i>	1,5	1,13	145,9	5,42	2,29
<i>Неверные формы</i>	1,51	1,17	129,15	5,8	2,33

Однако некоторые количественные отличия следует отметить: так, например, у глаголов в группе неверных форм несколько выше средняя частотность, а у существительных наоборот – частотность выше у верных форм; общей для глаголов и для существительных является тенденция к увеличению числа фонем в неверных формах слов.

Более же интересным оказалось сопоставление параметров вербальных форм по подгруппам: 1) произнесенные правильно и легко с первого раза; 2) со второй попытки; 3) асемантические, но фонетически верные формы, ставшие объектом персеверации (навязчивого повторения); 4) формы, произнесенные вслед за логопедом после серьезных затруднений, а также 5) грамматически ошибочные; 6) фонетически неполные ((до)стал) или 7) формы, претерпевшие парафазиию – т. е. замену одного слова другим, близким по смыслу (например, *хлеб–булка, ложка–вилка* и др.) (вербальные парафазии), или замену одного звука в слове при его произнесении другим – по фонематической близости или близким по месту и способу происхождения звука (например, *пылинка–былинка, класс–глаз* и т. д.) (литеральные парафазии).

Так, например, (см. Диагр. 1-2) обращает на себя внимание увеличение значения параметра «Возраст усвоения» (AoA) до 1,9 года у глаголов в группе повторов-персевераций, а у существительных – в группе слов с не полностью артикулированной формой («фонетическая ошибка»).

Кроме того, и у глаголов, и у существительных в группе форм, произнесенных вслед за логопедом после серьезных речевых трудностей, достаточно резко снижается число фонем в слове (параметр Lengthфонемы), а вот в группе форм с неполной фонетической формой, где пациенты не могут полностью артикулировать слово, число фонем, наоборот, возрастает до 6-7.

У глаголов слова-парафазии имеют более поздний возраст усвоения (2,02 года) и более высокую представимость (1,59), чем слова из группы «произнесенные с первой попытки», а у существительных-парафазий практически никаких количественно значимых отличий не обнаружено.

Рассмотрим еще один показатель – это частотность глаголов и существительных разных групп (Диаграмма 3): грамматические ошибки допускаются в высокочастотных (ср. LogFreq530,5) глаголах, но в среднечастотных (ср. LogFreq112,9) существительных. Данное отличие показало себя как статистически значимое при использовании двухвыборочного t-критерия Стьюдента: $p=0,04$ при критическом значении $p = 0,05$.

Кроме того, повторы-персеверации у существительных имеют более высокую частотность, чем легко воспроизведенные с первого раза формы, а повторы-персеверации у глаголов – более низкую; существительные, произносимые в неполной фонетической форме (с опущениями начальных или финальных элементов) имеют низкую (ср. 13,6) частотность, а глаголы – среднюю (ср. 146,3), но ниже, чем у форм, воспроизведенных с первого раза.

Таким образом, если мы предпримем попытку охарактеризовать вербальные формы из разных групп, то получим следующие описания:

1) глаголы-персеверации оказываются словами с поздним возрастом усвоения (1,9 года) и достаточно высоким средним показателем длины в фонемах (5,4) и, кроме того, они имеют самую низкую среди проанализированных глагольных форм частотность (106,62): *подъезжает, помогаю, ударит*;

2) существительные-персеверации – это слова с относительно ранним возрастом усвоения (1,4 года), более высокой, чем у глаголов частотностью (196,5), но высоким средним показателем длины в фонемах – 6: *полдень, веревку, дуракам*;

3) формы, вызвавшие серьезные трудности, для преодоления которых потребовалась помощь логопеда – это короткие слова, усвоенные достаточно рано (1,3 года) и содержащие 3-4 фонемы (*пил, суп, мужа, мыло*), средней частотности (145,35);

4) с другой стороны, слишком длинные формы со средней и низкой частотностью (*директором; (ра)здеться; (по)моцник*) вызывают затруднения в моторной реализации (этот же факт отмечается в [Акинина2016: 557], что приводит к артикуляции неполной формы;

5) формы, в которых допускаются грамматические ошибки, – это высокочастотные глаголы и среднечастотные существительные: *он плакала (она плакала), живет улицы (живу на улице)*;

6) слова-парафазии (литеральные) у глаголов – это поздно усвоенные (2,02), хорошо представимые (1,59), высокочастотные (417,75), как правило, двусложные слова, включающие в среднем 5, 5 фонем: *кля-нуй-л (глянул), межжит (лежит)*;

---

¹ В качестве примера персеверации, тесно связанной с профессиональным опытом, логопеды приводят случай, когда пациентка, проработавшая всю жизнь хирургом, повторяла длинную глагольную форму ампутировать!

7) слова-парафазии (преимущественно вербальные) у существительных – это достаточно рано усвоенные (1,49 года), среднечастотные слова (163,4) длиной в 2, 2 слога и 5-6 фонем с низким значением представимости (1,14): *ельника (ивняка), мороз (матрос)*;

8) слова, произнесенные правильно, но со второй попытки, – это глаголы, усвоенные в среднем в 1,4 года, достаточно слабо представимые (1,3), средней частотности (196), длиной 2,3 слога и 5,28 фонем; существительные, усвоенные рано (1,1 года), слабо представимые (1,06), низкочастотные (67), длиной 2, 1 слога и 5,64 фонем;

9) слова же, вызывающие наименьшие трудности и произнесенные с первой попытки, – это лексемы, усвоенные в возрасте 1,6-1,7 года, с показателем представимости 1,1 (у существительных) и 1,3 (у глаголов), имеющие в среднем 5,37-5,5 фонем, различной частотности (хотя среднее значение достаточно высокое 222,57 – для глаголов и 150,4 – для существительных, но стандартное отклонение также значимое, что свидетельствует о большом разбросе значений). Иначе говоря, это не слишком короткие, неярко представимые и усвоенные не слишком рано слова различной частотности: читать, знал, уехал, мама, внучка и т. д.

Заключение

Проведенное пилотное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, заметна разница в значимости параметров у глаголов и существительных из каждой группы, и это наблюдение согласуется с выводами Е.С. Кубряковой, которая, ссылаясь на работы афазиологов [Кубрякова 2004:278], отмечает, что различия в обработке и распознавании существительных и глаголов можно объяснить как тем, что они являются вербальными фиксациями разных познавательных актов (глаголы связаны с моторными отделами мозга, а существительные – с отделами, фиксирующими сенсорный опыт), так и тем, что извлечение их из памяти отличается разной степенью сложности.

Особенно статистическая значимость подобных отличий заметна на примере частотности в категории слов, произнесенных с грамматическими ошибками: у глаголов это высокочастотные ЛЕ, у существительных – низкочастотные. Однако этот факт может быть объяснен также и тем, что высокочастотные глаголы чаще всего – нерегулярные (см. о различиях в обработке регулярных и нерегулярных форм [Черниговская и др. 2009]).

Как показывают наблюдения, длина слова в слогах или фонемах сама по себе не обнаруживает статистической значимости для успешности речевой продукции: очень короткие слова произносятся чаще всего только с помощью логопеда, но также фонетические ошибки и неполное артикулирование характерны для длинных слов в 6-7 фонем. Однако, если в последнем случае налицо сбой моторной артикуляции, то в первом – сложности более комплексного и глубокого характера.

Заслуживающим упоминания является, на наш взгляд, наблюдение о том, что объектом персеверации становятся достаточно поздно усвоенные и длинные слова¹, преимущественно глаголы, связанные, видимо, или с профессиональной деятельностью или с близостью к моменту травмы (как указывает, например [Критчли 1974]).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что для составления восстановительных упражнений более продуктивным будет использование ЛЕ, принадлежащих, с точки зрения рассмотренных параметров, к «золотой середине» – это слова длиной не более 5 фонем с достаточно низкой представимостью, усвоенные в возрасте 1,6-1,7 года.

Литература

Акинина Ю.С., Драгой О.В. Оценка эффективности терапии называния при афазии как контролируемый лингвистический эксперимент // Вестник МГУ, Сер. 9, Филология. 2013. № 3. С. 86-100.

Акинина Ю.С., Искра Е.В., Иванова М.В., Грабовская М.В., Исаев Ю.Д., Коркина И.Д., Малютина С.А., Сергеева Н.Ю. Библиотека стимулов «Существительное и объект»: нормирование психолингвистических параметров // Тезисы докладов Шестой международной конференции по когнитивной науке. Калининград, 2014. С. 112-114.

Критчли М. Афазиялогия. М.: Медицина, 1974. 232 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Солоухина О.А., Щеголева С.И., Искра Е.В., Акинина Ю.С., Ахутина Т.В., Иванова М.В. Психолингвистические параметры, влияющие на называние объектов и действий // Тезисы докладов Седьмой международной конференции по когнитивной науке. Калининград, 2016. С. 557-559.

Черниговская Т.В., Гор К., Свистунова Т.И., Петрова Т.Е., Храковская М.Г. Ментальный лексикон при распаде языковой системы у больных с афазией: экспериментальное исследование глагольной морфологии // Вопросы языкознания. М., 2009. № 5. С.3-17.

Akinina Y., Malyutina S., Ivanova M., Iskra E., Mannova E., Dragoy O. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs. Behavior Research Methods, 47 (3), P. 691-707.

Ehara Y. (2017) Language-Independent Prediction of Psycholinguistic Properties of Words. Proceedings of the The 8th International Joint Conference on Natural Language Processing, Taipei, Taiwan, P. 330-336.

Paetzold G., Specia L. (2016) Inferring Psycholinguistic Properties of Words. Proceedings of NAACL-HLT 2016, San Diego, California. P. 435-440.

**NORMATIVE OBJECTIVE AND SUBJECTIVE PROPERTIES OF THE WORD
AND THE SUCCESSFULNESS OF ITS PRODUCTION BY PATIENTS
WITH APHASIA**

Anastassia V. Kolmogorova

Head of the Chair of Romance Languages and Applied Linguistics
Siberian Federal University
Svobodny st. 82, Krasnoyarsk, Russia 660041
nastiakol@mail.ru

The article explores the correlations between the objective (word length in phonemes, in syllables, and word frequency) and the subjective (age of acquisition, imagery) properties of the word and its faculty to articulation in oral speech of patients with aphasia during their speech therapy course. The data corpus is built on the basis of, firstly, scripts of 14 video and audio recordings of 13 Russian patients with aphasia collected during their speech therapy course, and, secondly, the information about properties of Russian verbs and nouns from the library of verbal and visual stimuli «Verb and action» and «Noun and object». The classification of the words from the corpus and their statistic processing has shown that: 1) verbs' and nouns' properties manifest considerable and regular differences, on the level of morphology especially; 2) word length doesn't seem a crucial factor that determines its easy production by patients with aphasia; 3) the paraphasia affects longue words with late age of acquisition; 4) the words that are easily produced in aphasic speech were acquired in the age of 1,6–1,7 year, they have a low level of imagery (1,1–1,3) and the length of 5,37–5,5 phonemes.

Keywords: objective and subjective word properties, aphasia, speech production, stimulus library, speech therapy

References

Akinina Yu. S., Dragoj O.V. Ocenka effektivnosti terapii nazyvaniya pri afazii kak kontroliruemyj lingvisticheskiy eksperiment [Evaluation of naming therapy of patients with aphasia effectiveness as a controlled linguistic experiment]. Vestnik MGU [MSU Bulletin], Ser. 9: Philology, 2013, no. 3, S. 86-100. (In Russian).

Akinina Yu. S., Iskra E.V., Ivanova M.V., Grabovskaya M.V., Isaev Yu. D., Korkina I. D., Malyutina S. A., Sergeeva N. Yu. Biblioteka stimulov «Sushchestvitel'noe I ob'ekt»: normirovanie psiholingvisticheskikh parametrov [Stimuli library "Noun and Object": psycholinguistic word properties rating]. Tezisy dokladov Shestoj mezhdunarodnoj konferencii po kognitivnoj nauke [Proceedings of VIth International Conference on Cognitive Science]. Kaliningrad, 2014, s. 112-114. (In Russian).

Kritchli M. Afaziologiya [Aphasiology]. M.: Medicina, 1974. 232 p. (In Russian).

Kubryakova E.S. Yazyk I znanie [Language and knowledge]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 560 p. (In Russian).

Solouhina O.A., Shchegoleva S.I., Iskra E.V., Akinina Yu.S., Ahutina T.V., Ivanova M.V. Psiholingvisticheskie parametry, vliyayushchie na nazyvanie ob'ektov i dejstvij [Psycholinguistic word properties that influence object and action nomination]. Tezisy dokladov Sed'moj mezhdunarodnoj konferencii po kognitivnoj nauke [Proceedings of VIIth International Conference on Cognitive Science]. Kaliningrad, 2016, s. 557-559. (In Russian).

Chernigovskaya T.V., Gor K., Svistunova T.I., Petrova T.E., Khrakovskaya M.G. Mental'nyj leksikon pri respade yazykovej sistemy u bol'nyh s afaziej: eksperimental'noe issledovanie glagol'noj morfologii [Mental lexicon in the context of language system dissolution in case of aphasia: experimental study of verbal morphology]. *Voprosy yazykoznanija* [Issues of general linguistics], 2009, no. 5. S. 3-17. (In Russian).

Akinina Y., Malyutina S., Ivanova M., Iskra E., Mannova E., Dragoy O. (2015) Russian normative data for 375 action pictures and verbs. *Behavior Research Methods*, 47 (3), P. 691-707.

Ehara Y. (2017) Language-Independent Prediction of Psycholinguistic Properties of Words. *Proceedings of the The 8th International Joint Conference on Natural Language Processing*, Taipei, Taiwan, P. 330-336.

Paetzold G., Specia L. (2016) Inferring Psycholinguistic Properties of Words. *Proceedings of NAACL-HLT 2016*, San Diego, California, P. 435-440.

УДК 811.111'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-92-107

ПРОЕКЦИЯ ТЕКСТА КАК ГЕНДЕРНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Масленникова Евгения Михайловна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры английского языка

Тверской государственной университет

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33

e-maslennikova@inbox.ru; evegeniyam@mail.ru

Интерпретационный диапазон текста допускает языковую вариативность в трактовке параметров Мира текста, в том числе связанных с гендером действующих персонажей и с гендерно обусловленными особенностями объектов, предметов, событий. Перевод как письменно зафиксированная личностная (читательская) проекция текста позволяет фиксировать кросс-культурную асимметричность гендерной категоризации, обусловленную позиционированием переводчика как первичного читателя по отношению к событиям и явлениям из Мира текста. Сложившиеся в принимающей текст культуре представления о гендерных стереотипах влияют на переводческую концептуализацию мужественности и женственности как культурных категорий, когда переводчики пытаются «выровнять» кажущийся им межкультурный гендерный дисбаланс, переконструируя всю конситуацию. Перевод как личностная текстовая проекция оригинала часто становится вербальной манифестацией гендера переводчика, который, в свою очередь, присваивает себе «голос автора» (термин М. Бахтина), находясь при этом под влиянием сложившихся коммуникативно-гендерных стереотипов. Гендер переводчика и его гендерный психотип играют важную роль при художественном переводе. Цель статьи – показать особенности гендерной стереотипизации и влияние переводческих маскулинных / феминных образных механизмов мышления на языковое (пере)конструирование Мира текста в целом и гендера персонажей в частности.

Ключевые слова: текст, понимание, перевод, интерпретация, гендер, стереотипизация, категоризация

Введение

Гендер как особый социальный и социолингвистический феномен рассматривается во многих работах, где исследуется роль гендерного фактора в обществе, культуре и языке. Обзор литературы по истории гендерных исследований и их основных направлений представлен в [Гриценко 2005; Кирилина 1999; Мурашова, Правикова 2016; Томская, Маслова 2005 и др.].

Во второй половине XX в. начало формироваться гендерно-ориентированное направление в теории перевода, получившее четко выраженное феминистское начало. Л. Чемберлен [Chamberlain 1992] указывает на исторически сложившийся мужской шовинистический подход к переводу, когда сформировались его гендерные метафорические описания. Отношение к переводным текстам как к «красивым неверным» (*les belles infidèles*) указывало на то, что тексты, как и женщины, могут быть верными, но при этом некрасивыми, и, наоборот, красивыми, но несхожими с оригиналом. Из-за

принадлежности слова *traduction* ‘перевод’ во французском языке к женскому роду метафорические описания перевода получают сексистский подтекст, когда переводу (как и лицу женского пола) предъявляют обвинения в неверности. Л. Чемберлен подчеркивает, что в отдельные исторические периоды переводами занимались преимущественно женщины, так как этот вид деятельности (с точки зрения мужчин-авторов) считался вторичным и производным. Действительно, общество часто одобряло переводческую деятельность как вид заработка, подходящий для приличной дамы или молодой девушки. Например, З.Н. Журавская (1867–1937) была вынуждена зарабатывать переводами после развода с мужем. Н.А. Жаринцева (1870–?), жена генерал-майора Д.Ф. Жаринцева, способствовала своими переводами огромной популярности творчества Джерома К. Джерома в России, о чем он сам пишет в автобиографии «*My Life and Times*» (1926). Поэтесса и писательница Б. Толемаш / Hon. Beatrix Lucia Catherine Egerton Tollemache (1840–1926), чья родословная восходит к Вильгельму Завоевателю и королю Генриху VII, выучила русский язык в зрелом возрасте и опубликовала сборник своих переводов «*Russian sketches, chiefly of peasant life*» (1913).

Феминистская политика в области теории и практики перевода

В целом, феминистская теория перевода касается трех основных проблем: 1) «видимость» переводчика (*visibility of translation*), 2) передача женщинами-переводчицами сексистских взглядов авторов-мужчин (*womanhandling misogany* – буквально: ‘женское женоненавистничество’) и 3) гендерно-обусловленные используемые стратегии перевода.

Западные исследователи призывают переводчиц описывать свои взгляды на исходный текст и переводческие стратегии (*feminist practice and strategies*), выбранные ими с целью ниспровергнуть оригинал (*subvert the original*), с которым они не согласны [Arrojo 1994].

«Видимость» переводчика и гендерный (психо)тип личности

Положение о «видимости» переводчика развивается в работах Л. Вентути [Venuti 1995 и др.]. Часто «видимость» переводчика связывают с его креативностью, объясняя это тем, что перевод признается формой активного чтения, из-за чего переводческая деятельность, оказывающаяся под влиянием социокультурных, идеологических и этических факторов, не может быть сведена к простой передаче значений [Varney 2008].

Материалом для настоящей статьи послужили переводы произведений русской и англоязычной литературы на английский и русский языки, выполненные в XIX–XXI веках. Сложность сбора материала для анализа гендерной стереотипизации и влияние переводческих маскулинных / феминных образных механизмов мышления на языковое (пере)конструирование Мира текста в целом и гендера персонажей в частности заключается в том, что даже в условиях сосуществования нескольких переводов одного и того же текста процентное соотношение его «мужских» и «женских» переводов достаточно неравномерное, не говоря уже о количестве анонимных переводов, публикуемых в традиционном печатном виде или в Интернете. Так, из 17 переводов романа «*A Study in Scarlet*» (1887) А. Конан Дойля (1859–1930) на русский язык авторство трех дореволюционных переводов не указано (1904; 1904; 1908) и только четыре перевода выполнены переводчицами (М.П. Волошинова, 1901; Н. Войтинская, 1946; Н. Тренева, 1968 и др.; И. Доронина, 2005). Кроме этого, некоторые переводчики образуют «смешанные» творческие пары (А. Глебовская, С. Степанов, 2005). Первой переводчицей романа стала вдова статского советника М.П. Волошинова: ее общественный статус

заставляет предположить наличие каких-либо личных обстоятельств, подтолкнувших женщину к литературным заработкам. Что касается самого переводимого на русский язык английского автора – В. Шекспира (1564–1616), то, если не учитывает анонимов или переводчиков, спрятавшихся за гендерно-неопределенными псевдонимами типа Assonnetor, Loveless или Дельта, оказывается, что из 166 человек, создавших 2420 поэтических переводов, только 27 являются переводчицами, чьи 275 переводов составляют только 11% от общего количества текстов.

Трансформация образов сознания в процессе перевода, выбор соответствующих стратегий для решения вербальных задач, в том числе по имплицированию и разрешению неоднозначности, зависят от особенностей личности переводчика, которая становится одним из текстоформирующих факторов, влияя на профилирование концептуальных признаков. Когда после аварии актеру из романа Дж. Чейза (1906–1985) «You're Dead Without Money» (1972) ампутировали ступню, глава киностудии разрывает контракт с искалеченным плейбоем, снимающимся в жанре экшн в амплуа неотразимого романтического героя, по причине нерентабельности коммерческих проектов с его участием. Авторское сравнение калеки с евнухом (*as saleable as a contraceptive to a eunuch* 'подходит для продажи как противозачаточное средство для евнуха') расшифровывается с опорой на внешний и внутренний виды контекста: в «женском» переводе этими средствами названы *таблетки* (М. Савелова, 1993), а в «мужском» переводе – *презервативы* (А. Санин, О. Трауберг, 1992).

Споры о влиянии гендерной принадлежности переводчика на результат его профессиональной деятельности также касаются так называемого «идеального перевода»: «идеальным можно было бы считать перевод, в котором нет никаких признаков, указывающих на то, кто является его автором – мужчина или женщина, т.е. гендерно нейтральный перевод» [Трепышко, Чугунова 2015: 364]. Оптимальным решением проблемы проявления акцентуализации мужского / женского начала называется совпадение гендерных характеристик автора текста и его переводчика [Мамаев 2016]. Однако Ю.А. Сорокин указывал на несовместимость автора и переводчика «в психотипическом отношении <...> с различной фокусировкой сознания и чувств» [Сорокин 2001: 12], которая может стать препятствием для профессиональной деятельности, когда *Я*-переводчик способен изменить исходный авторский Мир текста. Впервые русскоязычный читатель познакомился с героями романа А. Кристи «Ten Little Niggers» (1939) благодаря совместному «мужскому» переводу Н. Уманца и С. Никоненко, чьи «Десять негрят» (1987) вышли со значительными сокращениями. Одним из пропущенных эпизодов оказался внутренний монолог бывшей гувернантки, вспоминающей об обстоятельствах, подтолкнувших ее пойти на преступление, когда она позволила далеко заплывать в море и утонуть своему подопечному, который стоял у любимого ею мужчины на пути к получению наследства.

Гендерные параметры оригинала как критерий эквивалентности

Одним из параметров эквивалентности оригинала и перевода предлагается считать степень сохранения коэффициента маскулинности исходного текста [Мамаев 2015]: математико-статистический анализ трех переводов романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (М. Абкина, 1960; В. Чухно, 1999; А. Грызунова и М. Немцов, 2010) и трех переводов романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (Натан Хаскелл Доул, 1887; Констанс Гарнетт, 1901; Р. Пивер и Л. Волохонская, 2000) показал, что самый высокий коэффициент маскулинности сохраняют переводы, выполненные совместно мужчиной и женщиной.

А.Г. Фомин [2004], выделяя три гендерных типа личности (маскулинный, феминный, андрогенный) и называя маскулинность, феминность и андрогинность социокультурными понятиями, предлагает говорить о лингвогендерном уровне языковой личности, чье речевое ситуативное поведение зависит не только от принадлежности к биологическому полу, но и к гендерному типу, а гендерные стереотипы, в свою очередь, предопределяют специфику и особенности вербальной и невербальной деятельности индивида. Согласно данным психологического тестирования по вопроснику «The Bem Sex Role Inventory» (BSRI) большинство опрошенных обучающихся по профилю «Перевод и переводоведение» студентов-старшекурсников (70,58%) относится к андрогинному гендерному психотипу, причем переводы, выполненные испытуемыми именно этого гендерного психотипа, были признаны более профессиональными [Трепышко, Чугунова 2016]. При этом указывается, что андрогины женского пола успешнее справились с поставленной задачей по переводу отрывков из художественных произведений англоязычных (британских и американских) авторов на русский язык. Андрогины мужского пола предпочли пропускать сложные для перевода места. Как оказалось, испытуемые феминного гендерного типа реже использовали лексические и другие виды трансформаций, а чаще прибегали к буквальному переводу, старались передать образность и по возможности избегать стилистически сниженной лексики и грубых выражений.

Гендерное Я–переводчика может оказаться неустойчивым. Так, в случае автоперевода маскулинность / феминность получаемого вторичного текста часто отличается от исходных параметров оригинала. В случае с В.В. Набоковым расчет показателей маскулинности для автоперевода «Лолита» (1967) романа «Lolita» (1955) и автоперевода «Speak, Memoir» (1966) автобиографии «Другие берега» (1954) показал проявление маскулинного гендера в оригинале и явные фемининные черты автоперевода [Мамаев 2016].

Вопрос о возможности создания гендерно-нейтрального перевода, когда переводчик переходит на метагендерный уровень («общечеловеческий» уровень в понимании А.В. Кириллиной), остается открытым, так как проводимые экспериментальные исследования не позволяют четко разграничить и подробно описать признаки речевого поведения, обусловленные биологическим полом, и признаки речевого поведения, обусловленные гендерной принадлежностью индивида [Вязигина 2012].

Как подчеркивает А.В. Кирилина, гендер «акцентирует социально-культурную, а не природную доминанту пола» [Кирилина 1999: 27], поэтому гендерная социальная роль переводчика с учетом норм и правил принимающего вторичный текст социума влияет на перевод как вторичную читательскую проекцию. Например, герой рассказа А. Кристи «The Coming of Mr Quin» (1924) пожилой холостяк-сноб мистер Саттерсвейт получает удовольствие от светских сплетен и наблюдений за окружающими. Подобную черту характера своего героя, подмечающего ускользающие от внимания других людей малозаметные детали, писательница называет женской стороной его натуры (*the feminine side; had a large share of femininity*), что в принципе подтверждает выводы исследователей о типично женском типе коммуникации [Шаров 2012 и др.]. Оказавшись в гостях, он задумался о причинах, заставивших блондинку перекраситься в брюнетку (*Why did Mrs. Portal dye her hair?*): о важности этого обстоятельства для разгадки тайны свидетельствует выделение в оригинале целого предложения курсивом. По вполне понятным причинам переводчики-мужчины предпочли сократить часть рассказа о

женском начале в характере джентльмена. В переводе А.И. Ганько (2002), о личности которого сообщается (<https://fantlab.ru/translator2332>), что это редакционный псевдоним, используемый издательством «Центрполиграф», от всего эпизода осталось только одно предложение (*Странно, почему она красит волосы?*).

Препятствием к переводу текстов, где затрагиваются какие-либо гендерные аспекты или, шире, вопросы по гендерной проблематике, становятся культурные и языковые контексты (cultural and / or language contexts), коннотации и культурные значения (cultural meanings), культурные фреймы (cultural frameworks), принятые в обществе социокультурные индикаторы [Guizzo, Alldred, Foradada-Villar 2018]. Например, в сказке «The Star-Child» (1891) О. Уайльд создает поэтическое описание зимнего леса с замерзшим горным потоком (*the Mountain-Torrent*), который, а в оригинале он относится к женскому роду (*she was hanging motionless in air*), поцеловал *Ледяной Король* (*the Ice-King*). Дореволюционные переводчики сказки не испытывали каких-либо сложностей с решением проблемы, кто и какого пола кого поцеловал: *Ледяной Царь* поцеловал Горный поток своим поцелуем (С. Займовский, 1906), *Ледяной Царь* поцеловал его (Перевод Т. и С. Бертенсон, 1909; М. Ликиардопуло, 1911). В переводе-пересказе Ел. Буланиной (1908) введена привычная реалья, не меняющая при этом отношений персонажей: *под холодными поцелуями дедушки-Мороза*. И.П. Сахаров (1908) задал другое действие: *Ледяной Царь приказал Горному Потоку остановиться*. Современные переводчики изменили гендерную принадлежность: *Королева Льда поцеловала Горный Водопад* (Т. Озерская, 1960), *Ледяной Король* заморозил поцелуем горную Реку (А. Грызунова, 2010), *дыхание Ледяного Князя коснулось речки* (П.В. Сергеев и Г. Нурджин, 1998).

Гендер, сексизм и идеологическая «чистка» текста

Феминистская политика в области переводов «мужских» текстов касается случаев, когда переводчицы испытывают проблемы с передачей сексистских взглядов (womanhandling misogyny) авторов-мужчин. Обсуждается право на нейтрализацию авторской шовинистической позиции и на переконструирование Мира текста, приспособив его к женскому коммуникативному стилю. Например, в романе И. Флеминга «Thunderball» (1961) Джеймс Бонд, мучаясь похмельем, сравнивает улыбку дамы из карточной колоды с улыбкой Моны Лизы, назвав ее глупой (*that stupid Mona Lisa smile*). Образ изображенной на портрете работы Леонардо да Винчи дамы входит в группу универсально-прецедентных феноменов. Т. Тульчинская (1990) снимает все негативные эпитеты: из *глупой* (*stupid*) улыбка стала *непроницаемой*, а дама с *толстым* лицом (*fat face*) оказалась *круглолицей*. Переводческий тандем (Ю. Никитина и В. Исхаков, 1991) сохраняет взгляд героя на предмет (*идиотская улыбка Моны Лизы на жирном лице*).

Также прослеживается обратная тенденция. В случае «мужского» перевода «женского» текста часто реализуется стратегия «manhandling» по причине идеологической чистки в виде фильтрации, модификации, элиминирования гендерно маркированных смыслов, часть из которых изначально не может быть распределена по причине гендера переводчиком и наличия гендерно обусловленных ценностей, стереотипов и идеологии в целом, что приводит к изменению авторской концепции [Леонтьева 2012]. Гендерная переориентация оригинала представляет собой социокультурную адаптацию, когда проявляется социально-гендерная идентификация как часть Я-концепции, что имело место в «мужском» и «женском» переводах романа А. Кристи «Sparkling

Cyanide» (1944) на русский язык. В оригинале жена графа довольна и успешным в глазах света браком одной из своих дочерей (*the parti of the season*), в отношении которого она использует французское слово *parti* 'выгодная партия в браке'. На выбор Э. Островским (1990) просторечного глагола *окрутить* 'заставить жениться' (*умная девочка, окрутила юного герцога Харвига*) оказали, возможно, влияние ставшие традиционными субъективные ассоциации, связанные с ситуацией брака и женитьбы: в русском языке глаголы *жениться* и *окрутить* используются по отношению к мужчинам, которым отводится пассивная роль в выборе жены и последующего заключения брака. О подобном отношении к браку свидетельствуют примеры из русской классической и современной литературы: ... *выкрасть меня <...>, а потом окрутить с этим бревном, паскудной Парашкой!* (П.И. Мельников-Печерский, 1875-1881), *Меня хотят окрутить во что бы то ни стало* (А.П. Чехов, 1885-1886), ... *окрутить его будет несложно* (А. Маринина, 1995); *И этого человека решила окрутить Настя Кусакина* (Д. Донцова, 2004). В «женском» переводе А. Ставской (1991) героиня просто *выходит замуж*.

На перевод влияют сложившиеся в обществе гендерные стереотипы о нормах мужского и женского поведения в определенных ситуациях общения, а также выбор соответствующих стратегий действия. События из романа «Trusted Like the Fox» (1948) Дж.Х. Чейза относятся к послевоенной эпохе, когда женская мода предписывала пудрить лицо и наносить яркую губную помаду. В одном из эпизодов героиня пытается добавить себе привлекательности с помощью косметики. В оригинале она держит в руках *пуховку* (*the huge puff*), традиционно изготавливаемую из лебяжьего пуха (*the yellow ball of swan's*), но в «женском» переводе Р. Мирсалиевой (1993) *пуховка* превращается в *желтое полотенце*, а героиня начинает гордиться *красивым телом*. В «мужском» переводе В. Брюггена (1995) героиня, очутившись в незнакомой комнате, решила *продегустировать по запаху* увиденные на туалетном столике *дорогие духи*. Возможно, в данном случае проявились представления о гендерных схемах поведения, частью которых является стереотип о женском любопытстве.

Столкновение в тексте Мирова автора и читателя через получаемые его текстовые проекции предполагает актуализацию отдельных параметров их личностей, что также предопределяет выбор стратегий ассоциирования, которые, в свою очередь, при переводе зависят от культурной составляющей двуязычной текстовой коммуникации. Пытаясь ухаживать за девушкой, герой детского стиха «Curly locks» из «Nursery Rhymes» обещает возлюбленной зажиточную жизнь, когда ей не придется мыть тарелки (*wash dishes*) и кормить свиней (*feed the swine*), а досуг она посвятит изысканным вышивкам (*sew a file seam*) и лакомствам (*strawberries* 'клубника', *sugar* 'сахар', *cream* 'сливки'), которые были недоступными для бедных слоев населения. О настойчивом желании говорящего убедить в серьезности своих намерений свидетельствует употребление модального глагола *shall* в комбинации со вторым лицом (*Thou shalt not wash dishes*). «Мужской» перевод Г. Варденги отличается прямотой (*Хочешь быть моей?*), а О. Седакова обыгрывает ласковое обращение (*голубка моя*) и условное наклонение (*была бы ты моей; не мыла бы, сидела бы; ела бы*), для нее указателями будущей обеспеченной жизни становятся дорогие материалы для вышивки (*шелком вышивала*).

В русском языке существуют лексические пары с выраженным гендерным делением согласно категории рода (типа *учитель – учительница, певец – певица, заяц – зайчиха* и т.д.). В английском языке для применения формальных грамматических призна-

ков рода внутри подобных пар имеются ограничения. В современных контекстах крайне редко встречаются слова типа *authoress* ‘писательница’, *clerkess* ‘женщина-клерк’, *doctress* ‘женщина-врач; жена врача; дочь врача’, *huntress* ‘женщина-охотница’, *priestess* ‘жрица’. Перевод детского стихотворения «Mary had a little lamb» отражает сложившиеся в принимающем социуме стереотипы относительно гендерной принадлежности школьных учителей (*the teacher did reply*). То, что у С.Я. Маршака занятия в *первом классе* ведет именно *учительница* (*вошла учительница в класс*), объясняется существующей моделью гендерного статуса, так как в большинстве случаев в начальной школе обычно преподают женщины. Ю. Сабанцев не уточняет возраст школьников, поэтому в его переводе *учитель объяснил*. Кстати, согласно «Национальному корпусу русского языка» (ruscorpora.ru) рост частотности для *учительницы* начинается постепенно с 1860-х годов, когда, как описал ситуацию Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1865–1877), в домашние учительницы были вынуждены пойти *бедные дворянки* (*А дальше – челядь разная: / Учительницы, бедные / Дворянки*).

Гендер, доместикация и форенизация

Модель доместикации [Venuti 1995 и др.] соотносится с положениями пост-колониального подхода к переводу, когда переводчик, играющий роль мужа или хозяина, «приручает» текст для вторичного читателя из принимающей культуры. Форенизация предполагает сохранение иноязычной и инокультурной «инаковости» оригинала в соответствии с требованием не допустить того, чтобы переведенный текст позволил читателю из принимающей культуры забыть, что это именно перевод, а не текст, написанный на его родном языке. В отношении передачи гендерной спецификации текста при переводе с позиции доместикации и форенизации можно говорить 1) о влиянии сложившейся в принимающей культуре литературной традиции и 2) о влиянии гендерных стереотипов и стандартизированных представлений о моделях поведения, в том числе с учетом культурной специфики сфер оригинала и перевода.

Переводы басни И.А. Крылова «Осел и Соловей» (1811), где герои *Осел*, его *дружнице* и *мастерице* *нет Соловей* и *нетух* представлены существами мужского рода, оказались под влиянием поэтики английской литературы и ее кодов. Дж. Бауринг / J. Bowring (1821) изменяет гендерную принадлежность *любимца* и *певца Авроры* – *Соловья* в соответствии с английской поэтической традицией, где разграничиваются формально идентичные существительные *Philomel(a)* ‘Филомела, соловей’ и *nightingale* ‘соловей’, противопоставляемыми друг другу как «поэтизм «нейтральное слово». Образ *Philomel(a)* восходит к мифу о Филомеле и Прокне, поэтому в английской литературе, особенно в поэзии, по умолчанию часто подразумевается, что соловьиная песня печальная, как, например, у В. Шекспира в сонете 102 (*As Philomel in summer's front doth sing, <...> when her mournful hymns did hush the night*). Для *Nightingale* обычно действует тот же мифопоэтический код с указанием на гендер через местоимение женского рода *she* ‘она’. Отметим схожую тенденцию восприятия образа *Филомелы-соловья* в русской поэзии, например, у Н.М. Карамзина в стихотворении «К прекрасной» (1791), *где песни поет Филомела, / Кроткая ночи певица, / Сидя на миртовой ветви*. Выбранная Дж. Баурингом гендерная принадлежность для *nightingale* (*The nightingale began her heavenly lays*) как *she* ‘она’ заставляет переориентировать весь текст на иной поэтический код с его мифопоэтическими символами: исчезло упоминание о *Соловье* как о *любимце* и *певце* богини *Авроры* и звучит меланхоличная и нежная (*melancholy, soft*) песня. Традиции представления соловья как *she* ‘она’ следует и анонимный переводчик (1842), у

которого соловей – это *she (through her cadences she ran)*. И. Харрисон / I.H. Harrison (1883) также сохраняет скрытые интретекстовые отсылки к литературной традиции (*говорит ему – to her he spoke; являть свое искусство – began her wondrous skill to show; вспорхнул и полетел – takes her flight far*). У. Ральстон / William Shedden-Ralston (1869) «пугается» с родом *соловья*, относя его по правилам английской грамматики сначала к среднему роду (*говорит ему – said to it; являть свое искусство – manifest its art*), потом к женскому роду (*her voice die away*) и опять к среднему (*вспорхнул и полетел – took to its wings and flew*). Примечательно, что позднее профессор Нью-Йоркского университета Ф. Купер / Frederic Taber Cooper переработал перевод У. Ральстона для своей книги «An argosy of fables» (1921), заменив везде род соловья на женский (*говорит ему – said to her; являть свое искусство – display her art; her voice die away; she poured forth a shower of tiny notes*). В переводах XX в. *соловей* представлен как *he* ‘он’, например у Ч. Коквелла / C. Fillingham Coxwell (1920), что, вероятно, свидетельствует об утрате связей образа *соловья* с классическим мифом для массового читателя.

Важную роль при (ре)конструкции гендера в переводе играют экстралингвистические факторы. Например, традиционно садовниками в английских поместьях всегда работали только мужчины, поэтому мальчик-подмастерье высмеивал хозяина перед садовниками, но, поскольку в английском языке отсутствуют окончания, позволяющие отнести предмет к грамматическому роду (типа парных *садовник – садовница*, где признак гендерности мотивирован соответствующим существительным мужского рода), то в переводе он развлекал *садовниц* (Л. Кунельский и Н. Кунельская, 1990). В этом случае, возможно, переводчики руководствовались какими-то собственными представлениями обо всей ситуации или же отталкивались от сложившегося пасторального образа прекрасной *садовницы*.

Переконструирование гендера идет в соответствии со стереотипами и конвенциональными представлениями о ситуативной (не)уместности поведения в соответствующей ситуации.

Со времен В. Шекспира существовала традиция торговать сладостями, апельсинами и напитками в зрительном зале: фаворитка Карла II актриса Нелл Гвин / Nell Gwyn (1650–1687) начинала свою карьеру продавщицей апельсинов. По мнению М. Абкиной (1960) в романе «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда разносили товар не женщины (*Women went about with oranges and ginger-beer*), а мужчины (*ходили продавцы имбирного пива и апельсинов*). Переводческий тандем (А. Грызунова и М. Немцов, 2010) считает, что зрители пришли со своей едой (*Женщины возились со своими апельсинами и имбирным пивом*).

Актуализированная гендерная идентичность и литературный стиль. Гендер и стратегии перевода

Установлено, что в русском языке отсутствуют сильные границы между мужской и женской речью, но отличительными чертами мужской речи являются терминологичность, точность номинаций, использование сниженной и бранной лексики, а для женской речи характерны гиперболизированная экспрессивность, интенсификация положительной оценки [Земская и др. 1993]. В действительности гендерлекты не всегда четко проявляются, что делает возможной имитацию «мужского» и «женского» стиля [Ощепкова 2003]. Считается, что женский литературный стиль подразумевает репрезентацию интуитивной рациональности и проявление твердого рассудка и морали, сочетание опыта и интуитивного знания [Шаров 2014]. Англоязычные женщины-авторы

чаще прибегают к различным лексическим выразительным средствам, а мужчины-авторы – к синтаксической экспрессивности через синтаксические повторы, парцелляты и умолчание, неполные предложения и эллипсис [Серова 2003]. При этом современные тексты, чьими авторами являются женщины, отличаются не только образностью, наличием большого числа эпитетов, метафор, сравнений, междометий, диминутивов, прилагательных в превосходной степени, вопросительных и восклицательных предложений и превосходят «мужские» тексты по количеству бранной лексики [Куликова 2011].

В «женских» переводах женских романов присутствует более высокая частотность прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами и используется экспрессивная лексика для создания дополнительной экспрессивности и эмоциональности, а переводчики-мужчины избегают междометий и прилагательных в превосходной степени, предпочитая не передавать бранную лексику, которую вкладывают в речь персонажей писательницы для выражения отношения к предметам и явлениям [Куликова 2011 и др.]. Ю.С. Куликова делает вывод, что «мужские» переводы женских романов отличаются краткостью и деловитостью изложения, а в «женских» переводах исходные женские образы оказались малопривлекательными. Вероятно, подобная тенденция характерна и для других типов художественных текстов: уличная женщина из романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891) *шамкает беззубым ртом* (Д. Целовальникова, 2018), тогда как в оригинале у нее хриплый голос (*hoarse echo from her flat mouth*).

Отличительными чертами «женских» переводов признаются лингвокреативность [Еремина 2014], добавление информации [Дробышева 2008] и украшение текста путем ввода усилительных прилагательных и гипербол [Трепышко, Чугунова 2015]. Современные переводчицы сказок О. Уайльда дописывают эпизоды за автора: в «Счастливом принце» ангел *заглянул в магазин ювелира* и собирается подарить принцу и ласточке *мешок рубинов, два мешка сапфиров и три мешка золота* (Л.С. Шутько, 2010), а в «Преданном друге» вдруг рассказывается о бедном детстве главных героев (В. Гетцель, 2010). Роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» в переводе Д. Целовальниковой (2018) получил большое число диминутивов и прилагательных в превосходной степени типа *spectacles* ‘очки’ – *очочки*, *hands* ‘руки’ – *ручки*, *dreadful houses* ‘ужасные дома’ (вариант интерпретации из-за другого значения у *houses* – ‘ужасные пивные’) – *низкопробнейшие публичные дома*, *hideous* ‘ужасный, страшный’ – *богомерзкий*. При этом переводчица с легкостью заполняет все непонятые «темные» места оригинала, получая, например, из двух фарфоровых блюд (*two globe-shaped china dishes*) *фарфоровую сахарницу и молочник*. На русском языке исторический роман В. Скотта «Айвенго» (1819) обычно переиздается в переводе Е.Г. Бекетовой (1882), которая постоянно путается при описании рыцарского вооружения, называя, например, *short battle-axe* ‘боевой топор’ для ближнего боя *бердышом*, т.е. длиннодревковым оружием, а *two-handed sword* ‘двуручный меч’ – обоюдоострым мечом.

«Мужские» переводы отличаются определенным огрублением стиля. В рассказе А. Кристи «The Neman Lion» из сборника «The labours of Hercules» (1947) племянница сообщает, что компаньонка ее тети переживала из-за смерти комнатной собачки, полученной в наследство. В. Томилов (1989) сделал из пекинеса *болонку* и выбирал глаголы с иными стилевыми регистрами (*she was quite heart-broken* – *помешалась*, *it died* – *сдохла*).

Выбор языковых средств переводчиками зависит от их оценки представленной исходной ситуации. В рассказе А. Кристи «The Tragedy at Marsdon Manor» (1924) жена убила мужа, но чтобы в глазах окружающих соответствовать образу безутешной вдовы, она использует для имитации заплаканных глаз румяна (*heavily-rouged eyelids*), чем выдает себя наблюдательному Пуаро. В «мужском» переводе дама изображает *синяки под глазами* (П. Рубцов, 2000). Для переводчиков-мужчин трудность представляют контексты, где речь идет, например, о нарядах. Представители высшего и среднего класса обычно следовали традиции переодеваться к обеду и для приема гостей, поэтому *afternoon frocks* (буквально ‘одежда для второй половины дня’) из романа А. Кристи «The Sittaford Mystery» (1931) трудно представить в виде *повседневных платьев* (А.И. Ганько, 2002). В «женском» переводе женщины *нарядно одетые* (Л.А. Девель, 1986).

Переводческая креативность. Рассматривая перевод как реконструкцию оригинала, исследователи [Varney 2008 и др.] полагают, что необходимо говорить об автономности переводчика (*translator autonomy*), креативной ответственности (*creative responsibility*), за текст, возлагаемой на него автором, издателями и вторичными читателями, а также о власти текста (*textual authority*) и этических ограничениях, касающихся изложенной этической позиции (*ethical positioning*). К сожалению, границы креативности часто оказываются очень неопределенными как для «мужских», так и для «женских» переводов. В сказке О. Уайльда «Счастливый принц» (1888) на балкон дворца вышли девушка и ее возлюбленный (*lover*), который оказывается *блестящим морским офицером* (С.А. Гордиенко, 2013), а в другом «женском» переводе эта же пара превращается в двух женщин со *злыми и равнодушными лицами* (Л.С. Шутько, 2010).

Проблема гендера в отечественном переводоведении

Работы российских ученых, посвященные проблемам передачи и / или сохранения гендера при переводе, обычно носят сравнительно-сопоставительный характер и строятся на материале какого-либо одного текста или нескольких текстов одного жанра и перевода (переводов). Часто выбираются английские авторские литературные сказки, начиная от Л. Кэрролла, Р. Киплинга и О. Уайльда до Дж. Роулинг [Вдовина, Фомин 2015; Денисова 2011; Еремина 2014; Загирева 2017; Карпухина 2012; Мостепанов 2011; Чернышева 2013]. В большинстве случаев рассматривается проявление межъязыкового гендерного конфликта, вызванного расхождениями биологического рода и грамматической категории рода в языке. К сожалению, небольшой объем анализируемого материала часто не позволяет принять выводы исследователей или согласиться с ними. Например, сравнение только двух переводов сказки О. Уайльда «The Remarkable Rocket» (1888) на русский язык [Денисова 2013] показал, что на синтаксическом уровне гендерная принадлежность переводчика проявилась в передаче вопросительного номинативного эллиптического предложения (*BAD Rocket?*): повтор З.Н. Журавской восклицательного эллиптического предложения (*Скверная!*) подтверждает (по мнению автора) повышенную эмоциональность женщин с их любовью к восклицательным и вопросительным предложениям, тогда как П.В. Сергеев и Г. Нуждин (1998) дополнительно прибегли к использованию заглавных букв. Однако проведенное нами сравнение остальных переводов этой сказки не позволяет признать столь категорично влияние гендерного фактора. Аналогичное решение с параграфемным шрифтовым выделением (*ПАРШИВЫЙ ФЕЙЕРВЕРК?*) принимает А. Грызунова (2010). М.Ф. Ликиардопуло (1911), выполнивший ряд авторизированных переводов произведений О.

Уайльда благодаря своим литературным связям в кругу друзей писателя, усиливает эмоциональность отношения к ситуации, сочетая вопросительный знак и восклицательный знак (*Скверная ракета?!).* Возникает вопрос: к какому гендерному типу можно отнести М.Ф. Ликиардопуло как переводчика?

Автор другого исследования [Мойсова 2009], проведенного на материале повести Р. Баха «Jonathan Livingston Seagull» (1970) и ее переводов на русский язык (А. Сидерский, 1994; М.П. Шишкин, 1989 – интернет-перевод; Елена Горобец – интернет-перевод) и на немецкий язык (Jeanne Ebner, 1970), полагает, что женщина-переводчик менее уверена в себе, а увеличенное количество местоимений и частиц свидетельствует о ее попытке бессознательно самоутвердиться в переводе. На основании только одного перевода О.Б. Мойсова делает вывод о доминировании мужского начала в подсознании Дж. Эбнер. На наш взгляд, в подобных случаях объективную оценку различий между «мужскими» и «женскими» переводами может обеспечить только сравнение всех переводов одного и того же текста: по каким-то причинам, не анализировались переводы Ю. Родмана (1989) и совместный перевод И. Ильина и А. Кальниченко (2004).

Выводы

Для подтверждения или опровержения каких-либо положений относительно гендерно обусловленных причин изменения авторских образов при переводе требуется большой объем корпуса примеров. Перспективным будет изучение случаев реконструирования социально-гендерных ролей, предписанных автором своим героям, под влиянием принимающей культуры, имеющихся гендерных стереотипах и конвенциональных представлений о (не) уместности поведения в соответствующей ситуации, так как это позволит сравнить существующие системы ценностных лингвокультурных доминант. Для теории и практики перевода как двуязычной межкультурной текстовой коммуникации особый интерес представляют асимметричные отношения в гендерной категоризации, скрытые (в соответствии с внеязыковой реальностью) и открытые языковые манифестации гендера в тексте.

Литература

Вдовина А.С., Фомин А.Г. Особенности реализации гендерного компонента в художественном переводе (на материале переводов сказок О. Уайльда) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 2-3. С. 145-148.

Вязигина Н.В. Гендерный фактор восприятия и создания письменного текста (экспериментальное психолингвистическое исследование) // Вестник Ишимского гос. пед. ин-та им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (1). С. 91-102.

Гриценко Е.С. Гендер и стиль: концептуализация особенностей речевого поведения // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 216-224.

Денисова И.В. Влияние гендерного фактора на перевод имён художественных персонажей // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 10. С. 42-47.

Денисова И.В. Отражение гендерной принадлежности переводчика при переводе художественного произведения // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 29 (320). С. 48-50.

Дробышева Т.В. Художественный текст в гендерном аспекте // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 34-37.

Ерёмина А.А. Гендерные особенности перевода романа Джоан Роулинг «Harry Potter and the Philosopher's stone» на русский язык // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 4-2. С. 161-166.

Загриева О.Е. Проблема изменения гендера персонажей при переводе художественных произведений // *Advanced Science*. 2017. № 3. С. 480-489.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // *Русский язык в его функционировании*. М.: Наука, 1993. С. 90-136.

Карпухина В.Н. Изменения персональных характеристик текстов художественной литературы в процессе межкультурной коммуникации: когнитивно-аксиологический аспект // *Вестник Томского государственного педагогического ун-та*. 2012. № 10 (125). С. 132-135.

Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. 189 с.

Куликова Ю.С. Гендерная специфика переводов (на материале женских романов) // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 2011. № 8. С. 84-87.

Леонтьева К.И. Художественный перевод и гендер: адаптация в формате «woman-handling» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2012. № 7-1 (18). С. 133-135.

Мамаев М.М. Выявление гендерных особенностей при самопереводе // *Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых учёных*. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 13-17.

Мамаев М.М. Гендерная атрибуция переводных текстов как специфический случай исследований языкового сознания автора // *Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. Лингвистика*. 2015. № 2. С. 25-31.

Мойсова О.Б. Гендерные особенности интерпретации художественного текста в сравнительно-сопоставительном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 20 с.

Мостепанов А.А. Значимость гендерной идентификации персонажей в сказке Р.Киплинга «Кот, который гулял сам по себе» // *Вестник Челябинского гос. ун-та*. 2011. № 25. С. 108-111.

Мурашова Л.П., Правикова Л.В. Критический анализ гендерных исследований в зарубежной лингвистике // *Язык и культура*. 2016. № 1 (33). С. 33-42.

Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 154 с.

Серова И.Г. Гендер как источник языкового варьирования // *Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки*. 2003. № 1 (29). С. 92-103.

Сорокин Ю.А. Зачем существуют переводы и переводчики: размышления для себя // *Эйдетика перевода*. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 11-14.

Томская М.В., Маслова Л.Н. Гендерные исследования в отечественной лингвистике // *Русский язык в современном обществе (функциональные и статусные характеристики)*. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005. С. 102-130.

Трепышко Д.В., Чугунова С.А. К вопросу о гендерной принадлежности переводчика // *Перспективы науки*. Казань: ООО «Рокета Союз», 2015. Т. 2 (Социально-гуманитарные науки). С. 359-365.

Трепышко Д.В., Чугунова С.А. О возможном влиянии гендера на психотипическое сходство автора и переводчика // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Проблемы языкознания и педагогики*. 2016. № 2. С. 17-25.

Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2004. 45 с.

Чернышова Е.А. Гендерная категоризация объектов в английском языке: на материале английской авторской сказки: дисс... канд. филол. наук. Тамбов, 2013. 165 с.

Шаров К.С. Литературное творчество: существует ли женский стиль? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2014. № 5. С. 64-80.

Шаров К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 38-51.

Arrojo, R. (1994) Fidelity and The Gendered Translation, TTR: traduction, terminologie, redaction, Vol. 7, Numéro 2, P. 147-163.

Chamberlain, L. (1992) Gender Metaphorics in Translation, Rethinking translation: discourse, subjectivity, ideology. London; New York: Routledge, P. 57-74.

Guizzo, G., Alldred, P., Foradada-Villar, M. (2018) Lost in Translation? Comparative and International Work on Gender-Related Violence, The Routledge Handbook of Gender and Violence. London; New York: Routledge, P. 237-249.

Varney, J. (2008) Deconstruction and Translation: Positions, Pertinence and the Empowerment of the Translator, Journal of Language & Translation, no. 9-1, P. 113-131.

Venuti, L. (1995) The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; New York: Routledge. 353 p.

TEXT PROJECTION AS GENDER-CULTURAL INTERPRETATION

Evgeniya M. Maslennikova

Associate Professor

English Language Chair

Faculty of Foreign Languages and International Communication

Tver State University

33, Zhelyabova st., Tver, 170100, Russia

e-maslennikova@inbox.ru; evegeniyam@mail.ru

The text interpretational range allows to get a linguistically and extralinguistically influenced variation with a gender-related specification of characters, objects, and events. Translation as a reader's personal written projection of the text makes it possible to fix the cross-cultural asymmetry of the gender category, caused by the translator's positioning as a primary reader of the source text with reference to characters, objects, events and situations represented in the text. Gender stereotypes and cultural categories that have established in the host culture influence conceptualization of masculinity and femininity when translators try to level out the intercultural gender imbalance while reconstructing the whole contextual situation. Translation is seen as a personal textual projection of the source text. It often becomes a verbal manifestation of the translator's gender. Translators are used to assuming the "author's voice" (the term of M. Bakhtin), while being influenced by the prevailing communicative and gender stereotypes. Translators' gender and their gender psychotype turn out to be important, as they manifest themselves in the result of the professional activity, i.e. the target text. The article deals with gender stereotyping and the impact of muscular / feminine creative mechanisms on reconstruction of textual Worlds.

Keywords: text, understanding, translation, interpretation, gender, stereotyping, categorization

References

Vdovina A.S., Fomin A.G. Osobennosti realizatsii gendernogo komponenta v khudozhestvennom perevode (na materiale perevodov skazok O. Uayl'da) [Gender aspects in literary translation (as exemplified in O. Wilde's tales translation)]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Kemerovo state university], 2015, no. 2-3, s. 145-148. (In Russian).

Vyazigina N.V. Gendernyy faktor vospriyatiya i sozdaniya pis'mennogo teksta (eksperimental'noye psikholingvisticheskoye issledovaniye) [The gender factor in the perception and creation of a written text (experimental psycholinguistic study)]. Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P.Yershova [Bulletin of Ershov Ishim Teachers Training Institute], 2012, no. 1 (1), s. 91-102. (In Russian).

Gritsenko Ye.S. Gender i stil': kontseptualizatsiya osobennostey rechevogo povedeniya [Gender and Style: Conceptualization of the Specific Features of Speech Behavior], Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of the Language], 2016, no. 24, s. 216-224. (In Russian).

Denisova I.V. Vliyaniye gendernogo faktora na perevod imon khudozhestvennykh personazhey [Influence of the gender factor on the translation of the names of characters in fiction]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 10, s. 42-47. (In Russian).

Denisova I.V. Otrazheniye gendernoy prinadlezhnosti perevodchika pri perevode khudozhestvennogo proizvedeniya [Reflection of the translator's gender when translating fiction] [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 29 (320), s. 48-50. (In Russian).

Drobysheva T.V. Khudozhestvennyy tekst v gendernom aspekte [Verbal work of art: the gender perspective]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Voronezh State University]. Filologiya. Zhurnalistika [Philology. Journalism], 2008, no. 1. S. 34-37. (In Russian).

Yeromina A.A. Gendernyye osobennosti perevoda romana Dzhohan Rouling «Harry Potter and the Philosopher's stone» na russkiy yazyk [Gender perspective of the translations of Joan Rowling's novel "Harry Patter and the Philosopher's Stone"]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University], 2014, no. 4-2. S. 161-166. (In Russian).

Zagriyeva O.Ye. Problema izmeneniya gendera personazhey pri perevode khudozhestvennykh proizvedeniy [The problem of changing gender of characters when translating works of art]. Advanced Science, 2017, no. 3, s. 480-489. (In Russian).

Zemskaya Ye.A., Kitaygorodskaya M.A., Rozanova N.N. Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. Russkiy yazyk v yego funktsionirovani [Russian language in its functioning]. M.: Nauka, 1993. S. 90-136. (In Russian).

Karpukhina V.N. Izmeneniya personal'nykh kharakteristik tekstov khudozhestvennoy literatury v protsesse mezhkul'turnoy kommunikatsii: kognitivno-aksiologicheskii aspekt [The fiction texts personal characteristics in cross-cultural communication: the cognitive axiology aspect]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2012, no. 10 (125), s. 132-135. (In Russian).

Kirilina A.V. Gender: Lingvisticheskiye aspekty [Gender: Linguistic aspects]. M.: Publishing house "Institute of Sociology RAS", 1999. 189 s. (In Russian).

Kulikova Yu.S. Gendernaya spetsifika perevodov (na materiale zhenskikh romanov) [Gender specificity of translations (based on women's novels)]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2011, no. 8, s. 84-87. (In Russian).

Leont'yeva K.I. Khudozhestvennyy perevod i gender: adaptatsiya v формате «woman-manhandling» [Literary translation and gender: adaptation in format "woman-manhandling"]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2012, no. 7-1 (18), s. 133-35. (In Russian).

Mamayev M.M. Vyyavleniye gendernykh osobennostey pri samoperevode [Preservation of gender peculiarities in self-translation]. Aktual'nyye voprosy nauchnoy i nauchno-pedagogicheskoy deyatelnosti molodykh uchonykh [Topical issues of scientific and educational activities of young scientists], M.: Moscow State Region University, 2016, s. 13-17. (In Russian).

Mamayev M.M. Gendernaya atributsiya perevodnykh tekstov kak spetsificheskiy sluchay is-sledovaniy yazykovogo soznaniya avtora [Gender attribution of translated texts as a specific case of study of an author's linguistics consciousness]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Regional University], Series. Lingvistika [Series Linguistics], 2015, no. 2, s. 25-31. (In Russian).

Moysova O.B. Gendernyye osobennosti interpretatsii khudozhestvennogo teksta v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte [Gender features of the interpretation of fiction due to a comparative-comparative aspect: the author's abstract]: the author's abstract of the PhD thesis. Rostov-on-Don, 2009. 20 s. (In Russian).

Mostepanov A.A. Znachimost' gendernoy identifikatsii personazhey v skazke R. Kiplinga «Kot, kotoryy gulyal sam po sebe» [The Importance of Gender Identification of Characters in R. Kipling's Tale "The Cat That Walked by Himself"]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 25, s. 108-111. (In Russian).

Murashova L.P., Pravikova L.V. Kriticheskiy analiz gendernykh issledovaniy v zarubezhnoy lingvistike [Critical analysis of gender studies in foreign linguistics], Yazyk i kul'tura [Language and Culture], 2016, no. 1 (33), s. 33-42. (In Russian).

Oshchepkova Ye.S. Identifikatsiya pola avtora po pis'mennomu tekstu (leksiko-grammaticheskiy aspekt) [Identification of the author's gender according to the written text (lexico-grammatical aspect)]: the author's abstract of the PhD thesis. M., 2003. 154 s. (In Russian).

Serova I.G. Gender kak istochnik yazykovogo var'irovaniya [Gender as a source of language variation]. Vestnik Tambovskogo universiteta [Bulletin of Tambov University], Seriya Gumanitarnyye nauki [Series Humanities], 2003, no.1 (29), s. 92-103. (In Russian).

Sorokin Yu.A. Zachem sushchestvuyut perevody i perevodchiki: razmyshleniya dlya sebya [Why do translations and translators exist?]. Eydetika perevoda [Translation Eidetics], M.: MAKS Press, 2001, s. 11-14. (In Russian).

Tomskaya M.V., Maslova L.N. Gendernyye issledovaniya v otechestvennoy lingvistike [Gender Studies in Russian Linguistics]. Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve (funktsional'nyye i statusnyye kharakteristiki) [Russian Language in Modern Society (Functional and Status Characteristics)], M., Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), 2005, s. 102-130. (In Russian).

Trepysenko D.V., Chugunova S.A. K voprosu o gendernoy prinadlezhnosti perevodchika [On the issue of gender interpreter accessories]. *Perspektivy nauki – 2015* [Prospects of Science - 2015], Kazan: OOO “Roketa Soyuz”, 2015, vol. 2 (Socio-Humanities), s. 359-365. (In Russian).

Trepysenko D.V., Chugunova S.A. O vozmozhnom vliyaniya gendera na psikhotypicheskoye skhodstvo avtora i perevodchika [On possible influence of gender on psycho-typical likeness between author and translation]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University], *Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [Problems of linguistics and pedagogy], 2016, no. 2, s. 17-25. (In Russian).

Fomin A.G. *Psikholingvisticheskaya kontseptsiya gendernoy yazykovoy lichnosti* [Psycholinguistic concept of the gender language personality]: the author's dissertation of the doctor of philological sciences. Barnaul, 2004. 45 s. (In Russian).

Chernyshova Ye.A. *Gendernaya kategorizatsiya obyektov v angliyskom yazyke: na materiale angliyskoy avtorskoy skazki* [Gender categorization of objects in English: based on English authors' fairy tales]: the author's abstract of the PhD thesis. Tambov, 2013. 165 s. (In Russian).

Sharov K.S. *Literaturnoye tvorchestvo: sushchestvuyet li zhenskiy stil'?* [Literary creative work: is there a feminine style]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], *Seriya 7. Filosofiya* [Series 7. Philosophy], 2014, no. 5, s. 64-80. (In Russian).

Sharov K.S. *Muzhchiny i zhenshchiny v verbal'noy kommunikatsii: problema genderlekta* [Men and women in verbal communication: the gender switch problem]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2012, no. 7, s. 38-51. (In Russian).

Arrojo, R. (1994) *Fidelity and The Gendered Translation*, *TTR: traduction, terminologie, redaction*, Vol. 7, Numéro 2, p. 147-163.

Chamberlain, L. (1992) *Gender Metaphorics in Translation, Rethinking translation: discourse, subjectivity, ideology*. London; New York: Routledge, p.57-74.

Guizzo, G., Alldred, P., Foradada-Villar, M. (2018) *Lost in Translation? Comparative and International Work on Gender-Related Violence*, *The Routledge Handbook of Gender and Violence*. London; New York: Routledge, p.237-249.

Varney, J. (2008) *Deconstruction and Translation: Positions, Pertinence and the Empowerment of the Translator*, *Journal of Language & Translation*, no. 9-1, p.113-131.

Venuti, L. (1995) *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London; New York: Routledge. 353 p.

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-108-123

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ КАК ИНДИКАТОР ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Панькина Юлия Анатольевна

старший преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова
119234 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, стр. 51
juliana_100@mail.ru

Белянин Валерий Павлович

доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор,
York Region Psychological Services
7191 Yonge St., Торонто, Канада
psyling@gmail.com

Статья посвящена соотношению конвенционального и индивидуального в поэтическом переводе. Различия между переводом и оригиналом объясняются нами несопадением языков и культур, приёмами перевода, а также проявлением индивидуальных характеристик переводчика как личности. В статье предполагается, что проявления индивидуального стиля переводчика могут служить основанием для уточнения эмоционально-смысловой доминанты текста-оригинала, а также для выявления вторичной доминанты перевода, которая может несколько отличаться от доминанты оригинала. Цель работы заключается в обнаружении эмоционально-смысловой доминанты исходного текста и определении вектора смещения авторской доминанты в различных вариантах перевода. Вектор смещения доминанты, по нашему мнению, напрямую связан с особенностями личности переводчика. Сопоставительный психолингвистический анализ производится на материале двух русских переводов сонета 73 У. Шекспира, выполненных С.Я. Маршаком и Б.Л. Пастернаком. Проведённый анализ показал, что эмоционально-смысловые доминанты исходного сонета Шекспира в переводческой интерпретации меняют эмотивность относительно оригинала, например, в переводе Пастернака усиливается и начинает преобладать «тёмная» доминанта оригинала, а в перевод Маршака даже привнесены маркеры доминанты, отсутствующей в подлиннике, а именно, «весёлой» доминанты.

Ключевые слова: поэтический перевод, шекспировский сонет, картина мира, эмоционально-смысловая доминанта, акцентуация, «светлый» текст, «тёмный» текст, «печальный» текст, «весёлый» текст

Введение

Проблема соотношения конвенционального и индивидуального как в художественном тексте, так и в художественном переводе рассматривается многими исследователями как соположение традиционной условности и новаторской индивидуальности. Е. Эткинд, описывая творческое наследие У. Шекспира, пишет: «Лирическое творчество Шекспира принадлежит эпохе английского Возрождения, когда поэтическая традиция была могущественной, но эстетическую ценность уже приобретал человек, неповторимо-индивидуальные черты его эмоционального мира» [Эткинд 1968:

2]. Рассуждая об эволюции русской переводческой интерпретации Шекспира на примере сонетов, исследователь пишет: «История русских переводов шекспировских сонетов – это в то же время история их понимания. В определённые десятилетия XIX века поэты-переводчики читали сонеты как произведения, в которых преобладает или даже безраздельно господствует безлика традиция. ... однако, ... Маршак создавал на русском языке не вообще Шекспира, но своего (*sic!* – Ю.П., В.Б.) Шекспира ... Другой современный нам поэт идёт другими путями, ищет в шекспировском тексте иных совпадений со своим собственным (*sic!* – Ю.П., В.Б.) поэтическим миром. Может быть, самый убедительный в этом отношении пример – сонет 73-й, который известен нам в переводах и Маршака и Пастернака» [Эткинд 1968: 2-3].

Сонет как разновидность литературного жанра обладает жёсткой текстовой структурой. Кроме того, существуют достаточно определённые жёсткие конвенции художественного перевода. И всё же при этом переводчик как носитель собственного оречевлённого сознания [Тарасов 1992] воспринимает переводимое речевое произведение на базе своей картины мира, своего эмоционального отношения к окружающей действительности. Разумеется, это не может не отразиться в конечном продукте его когнитивно-коммуникативной деятельности по межъязыковой интерпретации текста. Перевод может приобрести несколько иной эмоциональный оттенок звучания по сравнению с подлинником. Ю.А. Сорокин пишет о роли переводящего субъекта: «Я полагаю, что знаки не переводят сами себя, а переводчик если и медиатор – то креативный, реконструирующий соответствующий контекст, который есть не что иное, как архитектурная соположенность и рядоположенность вербальных (и невербальных) цепочек в их формальном и содержательном отношении...» [Сорокин 2000: 108-109]. Развивая идеи А.Н. Леонтьева, Ю.А. Сорокин пишет о важности учёта психолингвистических параметров перевода: «... “заданная в оригинале программа” выявляется или парцеллярно, по мере движения переводчика от одного фрагмента/ смыслового узла к другому, или в ходе аналитической работы, предполагающей реконструкцию топологии авторского пути ... Но и в том, и в другом случае выявляется лишь *вариант программы оригинала/ идиовариант*, которому следует переводчик и который свидетельствует о мере его *психотипической сходности* с автором. Иными словами, ... в деятельностной переводческой парадигме основным понятием является понятие психотипического подобия» [Там же: 109]. Ю.А. Сорокин полагает вслед за Н.А. Рубакиным [Рубакин 1977], что «на основе имеющегося запаса энграмм (т.е. ... индивидуальной структуры мышления) читатель формирует свою проекцию книги» [Сорокин 1979: 249].

Обращаясь к переводам С.Я. Маршака, некоторые филологи указывают, что его переводы из Шекспира звучат «светлее», чем оригинал: «Только в 1960-е годы стали раздаваться суждения, что Маршак, гармонизируя и осветляя (*sic!* – Ю.П., В.Б.) великий оригинал, несколько его ослабляет, “лишая... известной темноты и загадочности” [Литературная газета 1971]» [Цит. по: Уильям Шекспир. Сонеты [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_sonnets28.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 08.05.2019)].

Что касается Пастернака, то о разных его переводах, наоборот, чаще отзываются как о чуть более «мрачных», чем оригинальные тексты. Пастернак как переводчик может прибегать к замене исходных образов на более «тёмные». В частности, в пародии на песню Офелии (коей является песня Мефистофеля в «Фаусте» И.В. Гёте) имеется

грустно-романтический образ «двери возлюбленного» (по-немецки “*Liebchens Tür*”), выполняющий функцию негативного символа перехода из одного состояния в другое. Пастернак же заменяет образ «двери» мрачным образом «ножа», символизирующим жертвоприношение и гибель, тем самым эксплицируя раньше времени циничный ключевой смысл песни, который, по замыслу автора оригинала, раскрывается только в финальных строках. Иначе говоря, Б.Л. Пастернак реализует несколько иную стратегию создания эмоционального настроения у читателя: в его переводе ситуация с самого начала приобретает гораздо более трагичный оттенок, чем в оригинале [Вишнякова, Панькина 2014].

Подобные выводы отечественных литературоведов и переводоведов, а также наши собственные лингвопереводческие наблюдения подвели нас к решению провести анализ переводов шекспировских произведений, выполненных Маршаком и Пастернаком, с позиции того, как меняется авторский смысл оригинала в переводе. Методологической базой для нашего анализа послужила теория эмоционально-смысловой доминанты [Белянин 2000].

Метод выявления эмоционально-смысловой доминанты

«Исследуя язык писателя или отдельного его произведения с целью выяснить ... характер его совпадений и несовпадений с общими нормами языкового вкуса, – пишет Г.О. Винокур, – мы тем самым вступаем уже на мост, ведущий от языка как чего-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего» [Винокур 1959: 236]. Мы полагаем, что писатель (а не автор) задаёт доминанту текста, вербализуя свою картину мира в тексте. Идеи о доминанте текста так или иначе были высказаны многими исследователями (Б. Христиансен, В.В. Виноградов, Р. Якобсон, Г.Г. Шпет, В. Соловьёв, Б. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Г.А. Гуковский, М.М. Бахтин, А.А. Потебня, Я. Мукаржовский, А. Белый, М. Риффатер).

Выделение доминанты текста обычно производится интуитивно — исследователь просто объективирует своё впечатление о тексте. Однако существует возможность формализации анализа текста. В частности, В.Я. Пропп разработал метод формального (названного им морфологическим) анализа волшебных сказок, где в качестве основы для понимания сюжетов фольклорных текстов взяты этнографические, то есть характерные для того или иного народа основания жизни [Пропп 1928]. В.Я. Пропп увидел в разных по содержанию волшебных сказках не столько разные сюжеты, сколько разные структурные типы. Все поступки действующих лиц он рассматривал как функции, которые имеют определённое значение для хода действия.

Мы полагаем, что основания мотивов (функций) персонажей художественных текстов могут быть разными – действительность, культура, эстетика. Несомненно, что когнитивные – как познавательные, так и ценностные структуры сознания, которые, в свою очередь, определяются картиной мира писателя как личности, также могут быть основаниями построения художественного текста. У Проппа основой сюжета являются мифологические события древней жизни.

Мы полагаем, что «во всех компонентах культуры существует и нечто общее, служащее основой общения представителей различных лингвокультурных общностей» [Марковина, Сорокин 2010: 10] и этим основанием является человеческая психика. Кроме того, анализ художественного текста с патографических позиций [Клинический ... 1929; Леонгард 1981] позволяет предположить, что в основе доминанты

художественного текста лежит вербализация картины мира личности акцентуированного типа. Не утверждая, что в основе любого художественного текста лежит патология (психопатия, акцентуация или даже крайние варианты нормы), мы считаем, что анализ эмотивности (термин Ю.А. Сорокина) художественного текста может быть более точным, если принимать во внимание когнитивные структуры акцентуированного сознания. Исходя из этого, стало возможным построить типологию художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте, которые опосредованно отражают ту или иную акцентуацию личности. Определим эмоционально-смысловую доминанту как систему эмотивных и когнитивных структур, присущих автору как личности, или даже как определённого типу личности [Белянин 1992]. Выявление эмоционально-смысловой доминанты текста предполагает принятие положения об опосредованной связи лирического персонажа, образа автора как текстовой категории и личности писателя как определённого психотипа [Белянин 2000]. Выделение эмоционально-смысловой доминанты основано на комплексном анализе (распознавании) авторского смысла с учётом как лингвистических, так и психологических особенностей текста.

Обнаружение доминанты происходит следующим образом. В тексте выделяются маркеры доминанты, которые представляют собой ключевые слова замысла текста, являясь предикатами к представленным в тексте объектам ментального и реального мира (по Проппу – функции). Например, мяч весёлый, мяч помчался, цыплята разбежались (С.Я. Маршак). Затем идёт поиск правил, согласно которым «живут» персонажи в вымышленном мире автора (тут колечко и нашлось – он же). Параллельно процессу выявления маркеров идёт реконструкция модели мира, которая послужила основой порождения текста и реализована в тексте на разных уровнях (пунктуация, синтаксис, структура текста).

«Везде – в фонетике, в морфологии, и лексике и семантике, даже в ритмике, метрике и музыке – за грамматическими и формальными категориями скрываются психологические» [Выготский 1956: 334].

Модель мира представляет собой глубинное убеждение (термин когнитивной терапии) писателя об объектах описания, о жизни, о людях и об их мотивах поведения. Теоретически моделей мира может быть много: жизнь – это борьба, жизнь – это страдание, жизнь несправедлива и так далее.

В реальности же, в художественной литературе преобладает ограниченное число моделей мира [Белянин 1992, 2000]. Перечислим их:

Таблица № 1

Модели мира и их корреляты

Модель мира	Условное название	Возможная акцентуация
«жизнь уникальна, жизнь – это борьба»	«светлые»	паранойяльная
«жизнь трудна, а ты в ней – маленький человек против большого и злого»	«тёмные»	эпилептоидная
«жизнь – это движение к смерти, а всё, что в ней – бессмысленно»	«печальные»	депрессивная
«жизнь – это приключение»	«весёлые»	маниакальная
«жизнь – это игра»	«красивые»	истероидная

Эти типы могут подразделяться на разновидности: например, среди «светлых» можно выделить «активные» и «энергичные» [Репина 2012: 72-75]; «тёмные» делятся на «собственно тёмные», «простые», «вязкие», «щемящие», «жестокие», «вычурные», «разорванные», а также «агрессивные» [Там же: 54-63]; среди «красивых», помимо «собственно красивых», встречаются «эпатажные» [Там же: 62-72] и так далее. И, конечно, данный список является открытым.

Не представляется возможным развести всю лексику по типам текстов. Одно и то же слово (словосочетание) может быть маркером разных доминант («одинаковые поступки могут иметь различное значение и наоборот» – [Пропп 1928: 19]). К примеру, ‘злость’ встречается и в «светлых» текстах, и в «весёлых», а ‘огонь’ встречается и в «красивых» текстах, и в «тёмных». Однако, не отдельные маркеры, а вся сюжетная линия и весь стиль текста указывают на ту или иную доминанту. Иными словами, более важен не отдельный языковой элемент, а его функция в тексте, в контексте доминанты.

Эмоционально-смысловую доминанту можно выявить не только в художественных текстах – она присутствует и в области публицистики, и в сфере искусствоведческих текстов [Белянин 2000], в научно-популярных текстах [Сорокин 1985], а также в политическом [Репина 2012] и религиозном дискурсах [Саракаева 2001].

Возможны случаи смешения доминант. Так, сочетаясь между собой, доминанты могут порождать новые типы текстов, например, «тёмно-печальный» или «весёло-печальный» [Белянин 1992, 2000]. В частности, многие тексты, признаваемые шедеврами мировой классики, часто содержат две и более доминанты (к примеру, произведения У. Шекспира) [Белянин 2000: 206-207].

Эмоционально-смысловая доминанта и перевод

Оправданным представляется использование метода эмоционально-смысловой доминанты для анализа *переводов* текстов. Это обусловлено тем, что переводчик – по идее – должен стремиться передать эмоциональность текста-оригинала [Алексеева 2006]. И, конечно, переводчик осуществляет языковые трансформации не только «по законам жанра», но и в соответствии со своими личностными особенностями, являясь не только языковой (термин Ю.Н. Караулова), но и психологической личностью.

В.Г. Красильникова провела анализ нескольких переводов и пересказа сказки Ф. Баума «Волшебник страны Оз» (А. Волков «Волшебник Изумрудного города») [Красильникова 1998]. Анализ показал, что эмоционально-смысловая доминанта подлинника в переводах может искажаться, что позволяет говорить о вторичной доминанте и о языковой личности переводчика с учётом личности переводчика как хоть и субъективного, но весьма значительного фактора переводческой деятельности.

Представленные выше рассуждения привели нас к анализу русских переводных текстов шекспировского сонета 73, выполненных С.Я. Маршаком и Б.Л. Пастернаком.

Сонет 73 У. Шекспира как объект перевода

Без предварительного филологического анализа подлинника адекватный, эквивалентный и, тем более, репрезентативный перевод невозможен. По данным известного шекспироведа А.А. Аникста, весь цикл сонетов У. Шекспира можно разделить на тематические группы, и 73 сонет входит в подгруппу «Растущее отчуждение и меланхолия» группы «Испытания дружбы» [Аникст 1960]. Названия группы и подгруппы, содержащие, помимо доминирующей эстетической, эмоциональную информацию, задающую определённый суггестивный тон, отражают прагматическую сверхзадачу сонета 73 – донести именно эти негативные состояния лирического героя до адресата.

Притом что возможны новые доминанты, при наличии готовой типологии текстов по эмоционально-смысловой доминанте [Белянин 1992, 2000, 2006] мы решили соотнести имеющиеся в тексте предикаты с маркерами описанных нами доминант. Вот как выглядит данный сонет, если в нём попытаться выявить маркеры эмоционально-смысловых доминант:

*That time of year thou mayst **in me behold**
Which yellow leaves, or **none**, or **few**, do hang
Upon those boughs which **shake against the cold**,
Bare ruin'd choirs, where **late** the sweet birds sang.
In me thou seest the twilight of such day
As **after sunset fadeth** in the west,
Which by and by **black night doth take away**,
Death's second self, that seals up all in rest.
In me thou see'st the glowing of such fire
That on **the ashes** of his youth doth lie,
As the death-bed whereon it must expire
Consumed with that which it was nourish'd by.
Thus thou **perceivest**, which makes thy love more strong,
To love that well which thou **must leave ere long**.*

Данный текст оказался «смешанным», поскольку он содержит три доминанты: «светлую», «тёмную» и «печальную», маркеры которых находятся в конкордансе (согласовании). Маркеры «светлой» доминанты в тексте подчёркнуты, маркеры «печального» текста подчёркнуты и выделены полужирным, маркеры «тёмного» текста просто выделены полужирным.

«Светлая» доминанта (её маркеры подчёркнуты) реализуется в сквозящей по тексту персонализации – 'me' – и в обилии лексики с общим семантическим компонентом 'nature'. «Светлая» доминанта также представлена в виде объективации в сильной позиции сонета концепта 'love' в философском ключе. Отметим, что в данной концепции философема часто является признаком «светлого» текста, за исключением тех случаев, когда она создана в рамках экзистенциальной философии, характеризующейся «тёмными» текстами [Белянин 2000]. Концепт 'love' во времена У. Шекспира отражал понятие дружбы, дружеской любви, и не совсем подходил для определения любви между мужчиной и женщиной [Аникст 1960]. То есть он больше служил для обозначения светлого, морально-нравственного чувства. Лишь со временем данный концепт оброс новыми смыслами, подпадающими скорее под «красивые» тексты. Тем самым, «светлая» доминанта служит скорее статическим фоном для динамического переднего плана, выраженного маркерами иных доминант. На переднем плане произведения, на «светлом» фоне, взаимодействуют «печальная» и «тёмная» доминанты. Под «передним планом» в терминах взаимодействия фразовой просодии и синтаксиса мы понимаем сквозящие по тексту интонационно сильные и стилистически выдвинутые [Арнольд 2002] позиции, где находятся слова-акцентоносители [Падучева 2012]. Все акцентоносители главного фразового ударения являются маркерами «печальной» и «тёмной» доминант; на маркеры «светлой» доминанты приходится второстепенное фразовое ударение.

«Печальная» доминанта представлена словоформами и словосочетаниями с такими общими семантическими компонентами, как 'смерть' (*Death's second self; As the death-bed whereon it must expire; which thou must leave ere long*), 'оскудевание' (*yellow leaves, or none, or few, do hang*) 'холод', 'дрожь' (*those boughs which shake against the cold*) и 'ушедшая молодость' (*on the ashes of his youth doth lie*). К маркерам «печального» текста мы также относим культурно-специфичный концепт 'разрушение' (*bare ruin'd choirs*), который «символизирует (напоминает) монастыри, разрушенные после того, как их упразднил Генрих VIII; здесь "choir" относится к месту, где пел хор, а не к самим хористам (названных тут *the birds*)» [Internet Shakespeare Editions 2017]. Что касается ритмической организации текста, сонет 73 написан рифмованным пятистопным ямбом, размером, как правило, передающим грусть и одиночество рефлексирующего лирического героя [Аникст 1960], что также говорит об уклоне в «печальный» текст.

«Тёмная» доминанта представлена лексикой с общими семами 'темнота' (*the twilight; after sunset fadeth; Which by and by black night doth take away*), 'идея отсутствия' (*yellow leaves, or none, or few, do hang*); 'огонь' (*such fire; on the ashes*), 'ощущения' (*the glowing; Consumed with that*) 'сжатие пространства' (*that seals up all in rest*), а также синонимическим рядом глаголов визуальной перцепции, в которых содержится сема 'зрительные ощущения' (*behold, see, perceive*).

Акцентная «тёмно-печальная» доминанта передаёт меланхоличность, нарастающую на «светлом» фоне бытийного. Отметим, что мы не согласны с высказыванием А.Н. Леонтьева, который вслед за Л.С. Выготским пишет: «...смысл и функция стихотворения о грусти вовсе не в том, чтобы передать нам грусть автора, заразить нас ею» [Леонтьев 1972: 219]. Скорее, наоборот, автор использует эстетическую форму для того, чтобы вызвать в нас состояние, которое он испытал сам. В данном случае, градационное соположение контрастных доминант (последовательный переход от «светлой» доминанты к «тёмно-печальной» в каждой строке сонета) и создаёт ту интуитивно осознаваемую читателем гармоничность, уравновешенность, о которой так часто пишут различные критики сонетного творчества Шекспира [Аникст 1960]. Конечно, «уравновешивающие» фигуры градации и контраста как стилистико-риторические приёмы можно обнаружить в сонете и без психолингвистического подхода и объяснить их эстетическими и коммуникативно-прагматическими целями создания сонета, однако используемый нами метод позволяет обнаружить то, что А.Н. Леонтьев называет ассоциативными реакциями, лежащими «за» ассоциативным рядом [Леонтьев 1983]. В этой связи ещё раз подчеркнём, что там, где лингвист видит языковую системность, психолог и психолингвист обнаруживает манифестацию личностных установок автора [Белянин 2006].

Таким образом, мы определяем сонет 73 У. Шекспира как смешанный по доминанте – «светло-тёмно-печальный».

Теперь перейдём к последовательному разбору двух русских переводов данного сонета У. Шекспира, выполненных С.Я. Маршаком и Б.Л. Пастернаком.

Сонет 73 в переводе С.Я. Маршака

С.Я. Маршак переводит сонет 73 следующим образом:

Таблица № 2

Сонет 73 У. Шекспира и перевод С.Я. Маршака

Сонет 73	Перевод С.Я. Маршака
<p><i>That time of year thou mayst in me behold Which <u>yellow leaves</u>, or none, or <u>few</u>, do hang Upon <u>those boughs</u> which shake against the cold. Bare ruin'd choirs, where <u>late</u> the sweet birds sang. In me thou seest the twilight of such day As after sunset fadeth in the west, Which by and by black night doth take away. Death's second self, that seals up all in rest. In me thou see'st the glowing of such fire That on the ashes of his <u>youth</u> doth lie, As the death-bed whereon it must expire Consumed with that which it was nourish'd by. Thus thou perceivest, which <u>makes thy love more strong</u>. <u>To love that well</u> which thou must leave ere long.</i></p>	<p><i>То время года видишь ты во мне, Когда <u>один-другой</u>* багряный лист От холода трепещет в вышине* — На хорах*, где <u>умолк весёлый свист</u>*. Во мне ты видишь тот вечерний час, Когда <u>поблэк на западе закат</u> И купол <u>неба</u>*, отнятый у нас. Подобьем смерти — сумраком объят. Во мне ты видишь блеск того огня, Который гаснет в пепле прошлых дней, И то, что <u>жизнью было</u> для меня, Становится могилою моей. Ты видишь всё. Но <u>близостью конца</u> <u>Теснее наши связаны сердца!</u></i></p>

Напомним, что маркеры «светлого» текста подчеркнуты, маркеры «печального» подчеркнуты и выделены полужирным, маркеры «тёмного» текста просто выделены полужирным.

Сопоставление перевода С.Я. Маршака с подлинником в аспекте выявления эмоционально-смысловых доминант показало следующее: семантический компонент «светлого» текста 'природа' усиливается относительно подлинника, поскольку основные его маркеры теперь находятся не только в позиции темы (фон), но и занимают просодически сильную позицию ремы (передний план). Однако «светлая» доминанта всё-таки идёт в параллели с «тёмно-печальной», поскольку это представлено в оригинале. В тексте перевода появляется абстрактность, выраженная концептом 'время', где маркерами «тёмно-печальной» доминанты будут конкретизаторы *вечерний час; прошлых дней*. «Светлая» абстрактность проявляется в актуализации концепта 'жизнь' (*И то, что жизнью было для меня*), который в подлиннике присутствует имплицитно. Частотность личных местоимений первого лица как маркер «светлого» текста сохраняется в переводе практически в равном составе. В сильной позиции текста сонета – в двух финальных строках – появляются и интонационно выдвигаются следующие маркеры «светлого» текста: 'близость'/'тесная связь' и 'сердце' (*Но близостью конца // Теснее наши связаны сердца!*). Сильный маркер «тёмного» текста в подлиннике – *the glowing of such fire* ('зрительные ощущения – свечение' + 'огонь') – ослабляется за счёт появления вариантного соответствия в виде семантического компонента «светлого» текста 'блеск', стоящего в реме относительно темы, где находится 'огонь' (*...ты видишь блеск того огня*).

Тем самым, маркеры «светлой» доминанты в переводе С.Я. Маршака иногда замещают маркеры «тёмной» и «печальной» доминант подлинника, и «светлая» доминанта в переводе С.Я. Маршака усиливается и даже местами начинает преобладать над «тёмной» и «печальной» доминантами путём ослабления и/или вытеснения их маркеров.

Другой особенностью перевода С.Я. Маршака является появление в первой половине сонета доминанты «весёлого» текста, отсутствующей в подлиннике (её маркеры, расположенные близко друг к другу, подчеркнуты и отмечены звёздочкой (*) в Таблице 2). Рассмотрим этот случай подробнее.

Во второй строке своего сонета У. Шекспир реализует сему 'идея отсутствия' (*yellow leaves, or none, or few*) посредством амплификации в виде сочетания фигур сильной ретардации (*yellow leaves, or none...*) и слабой градации (*or none, or few*), сцеплённых повтором союза *or*. За счёт создаваемой монотонности в тексте возникает ощущение некоторого безразличия, отстранённости. У С.Я. Маршака на этом месте в градации реализуется сема 'быстрое чередование событий и персонажей' (*один-другой* багряный лист*). Это может быть маркером «весёлого» текста [Белянин 2000: 145-160].

Анализ биографии С.Я. Маршака показывает, что как личность он мог обладать набором характеристик, позволявших ему создавать «весёлые» тексты. В частности, для его творчества была магистральной темой счастливое детство. Маршак знал наизусть весь текст «Полтавы» А.С. Пушкина [Журнал «Личности» 2012], что указывает на его феноменальную способность к запоминанию. Любовь к произведениям Пушкина также может быть не случайной, поскольку пушкинские произведения, в основном, базируются на «весёлой» и «печальной» доминантах [Белянин 1992]. Примечательно, что А.А. Фадеев в 1947 году отметил следование Маршака-поэта по «пушкинской линии» [Гейзер 2018].

Возвращаясь к переводу сонета, отметим, что в варианте С.Я. Маршака интенсивно реализуется общая сема 'пространство' в виде маркеров «весёлых» текстов – 'вышина' и 'небо' – по-видимому, символизирующих свободу, а также семы 'весёлое пение' и 'хор' (*На хорах*, где умолк весёлый свист**). «Весёлая» доминанта придаёт переводному тексту некоторую лёгкость, приподнятость, а сочетаясь со «светлой», «весёлая» доминанта делает текст более «добрым» [Белянин 2000: 199-200]. Добавим также, что «доброе» начало часто встречается в детской литературе [Там же: 199-200]. В этой связи можно предположить, что предпосылки к успеху С.Я. Маршака на этом поприще заложены в психике поэта, то есть Маршак как детский автор реализовал себя наилучшим образом.

Вновь обращаясь к анализу сонета 73 в переводе С.Я. Маршака, отметим, что маркеры «тёмного» и «печального» текста, находясь в конкордансе (согласовании, сингармонизме), наиболее интенсивно концентрируются в срединных строках, приходя на смену «светло-весёлому» началу (*И купол* («тёмная» сема 'сжатое пространство') *неба, отнятый у нас* («печальная» сема 'утрата'), // *Подобьем смерти* («печальная» сема 'смерть') – *сумраком объят* («тёмные» семы 'сумрак' и 'сжатое пространство'). Заметим, что преференция страдательного залога в приведённых примерах позволяет сделать вывод, что «тёмно-печальные» маркеры в текстовом пространстве перевода С.Я. Маршака соотносятся с тем, что лежит в плоскости не зависящих от человека обстоятельств.

Вторая половина сонета характеризуется преобладанием «светлой» доминанты с элементами «тёмно-печальной».

В целом же, перевод сонета 73 С.Я. Маршаком характеризуется как «светло-тёмный» с «весёло-печальным» компонентом. Тем самым, перевод шекспировского сонета 73 С.Я. Маршаком, как показало применение метода выявления эмоционально-смысловой доминанты, оказался «светлее» и даже «веселее» подлинника, о чём предполагалось в начале статьи.

Сонет 73 в переводе Б.Л. Пастернака

О переводах Б.Л. Пастернака исследователи отзываются как о более «мрачных». Посмотрим, как Пастернак переводит тот же сонет 73:

Таблица № 3

Оригинал Шекспира и перевод Б.Л. Пастернака

Сонет 73	Перевод Б. Л. Пастернака
<p><i>That time of year thou mayst in me behold Which <u>yellow leaves</u>, or none, or <u>few</u>, do hang Upon <u>those boughs</u> which shake against the cold. Bare ruin'd choirs, where <u>late the sweet birds sang</u>. In me thou seest the <u>twilight</u> of such <u>day</u> As after sunset fadeth in the west, Which by and by black night doth take away. Death's second self, that seals up all in rest. In me thou see'st the <u>glowing</u> of such <u>fire</u> That on the ashes of his <u>youth</u> doth lie, As the death-bed whereon it must expire Consumed with that which it was nourish'd by. Thus thou <u>perceivest</u>, which <u>makes thy love more strong</u>. <u>To love that well</u> which thou must leave ere long.</i></p>	<p><i>То время года видишь ты во мне, Когда из листьев редко где какой, Дрожь, желтеет в веток голизне, А птичий свист уже сменил покой. Во мне ты видишь бледный край небес, Где от заката памятка одна, И постепенно взявши перевес, Их опечатывает темнота. Во мне ты видишь то сгоранье пня, Когда зола, что пламенем была, Становится могилою огня, А то, что грело, изошло до тла. И видя это, помни – нет цены Свиданьям, дни которых соченны.</i></p>

В переводе Б.Л. Пастернака усиливается и преобладает доминанта «тёмного» текста. В частности, полностью исчезает маркер «печального» текста 'youth' и одновременно усиливается семантический компонент 'fire', характерный для «тёмного», распространяясь на четыре строки и реализуясь шесть раз (*Во мне ты видишь то сгоранье пня, // Когда зола, что пламенем была, // Становится могилою огня, // А то, что грело, изошло до тла*). В подлиннике этот компонент актуализируется лишь три раза. Маркер «светлого» текста 'природа' (характерный для «светлых» текстов) сохраняется практически в равном составе и просодико-синтаксически в той же функции «фона» для «тёмно-печального» переднего плана, что и в подлиннике ('времена года' (*То время года видишь ты во мне...*), 'листья' (*Когда из листьев редко где какой*), 'ветки' (*Дрожь, желтеет в веток голизне*), 'птицы' (*А птичий свист уже сменил покой*), 'небеса' (*Во мне ты видишь бледный край небес...*), 'закат' (*Где от заката памятка одна*), 'дерево' (*Во мне ты видишь то сгоранье пня...*)).

При передаче культурно-маркированного аллюзивного «светлого» образа “пения милых птичек” (“*the sweet birds sang*”), символизирующего, как упоминалось выше, пение хористов, Пастернак концентрируется на маркере ‘звук’ (*птичий свист*), что может быть как звуковым подобием слов *sweet* и *свист*, так и отражать мироощущение личности писателя, будучи маркером «тёмного» текста. Характерно, что С.Я. Маршак тоже отражает звукопись при переводе – *sweet* и *свист*, однако его словосочетание *весёлый свист* скорее является маркером «весёлого» текста. У Б.Л. Пастернака *свист* находится в конкордансе с *покоем*, причём происходит ‘смена состояния’ (*А птичий свист уже сменял покой*), что может указывать как на «печальную», так и на «тёмную» доминанту. Фраза, содержащая «светлый» культурно-специфичный концепт *love/ to love* подвергается прагматической адаптации, тем не менее, оставаясь «светлой», и приобретает потенциал двоякой интерпретации в аспекте адресата (*помни – нет цены // Свиданьям...*) – неизвестно, кому адресовано это сообщение – другу, как в оригинале, или возлюбленной.

Усиливает «тёмную» доминанту перевода Пастернака сема ‘смена состояния’, которая встречается в переводе четыре раза (*Дрожь, желтеет в веток голизне, // А птичий свист уже сменял покой. <...> И постепенно взявши перевес <...> // Становится могилою огня* (компонент присутствует в подлиннике)). Также усиливают «тёмное» начало в тексте перевода компоненты ‘сжатие пространства’ + ‘тёмный’ (*Их печатывает темнота* (компонент присутствует в подлиннике)). В тексте данного перевода много ‘сенсорик’: три раза повторяется один и тот же глагол визуальной перцепции, то есть имеет место амплификация (*То время года видишь ты во мне <...> Во мне ты видишь бледный край небес <...> Во мне ты видишь то сгоранье пня* (напомним, что в подлиннике глаголы визуальной перцепции представлены не в форме амплификации, а в виде синонимического ряда (*behold, see, perceive*)). Повторимся, что в данном переводе наличествует маркер ‘звук’. Также представлены ‘зрительные ощущения’ (*Во мне ты видишь бледный край небес* (в подлиннике здесь *‘twilight’/ ‘сумерки’*)).

Чуть реже, но всё же преимущественно в сильных позициях, в переводе Пастернака встречаются компоненты «печального» текста. К ним мы относим следующие: ‘бедность’ + ‘холод’ (*Когда из листьев редко где какой, // Дрожь, желтеет в веток голизне*), ‘одиночество’ + ‘прекрасное прошлое’ (*Где от заката памятка одна. <...> Когда зола, что пламенем была*), ‘могила’ (*Становится могилою огня*), ‘грустная романтика’ (*И видя это, помни – нет цены // Свиданьям, дни которых сочтены*). Примечательно, что маркеры новых доминант, отсутствующих в подлиннике, в данном переводном тексте не наблюдаются.

Таким образом, перевод сонета 73 Б.Л. Пастернаком во многом эквивалентен оригиналу как по содержанию, так и по передаче эмоций даже в аспекте соположения доминант – «тёмно-печальный» передний план на «светлом» фоне. Такая комбинация адекватно передаёт меланхолическое настроение автора и успешно выполняет прагматическую сверхзадачу подлинника – отразить растущую меланхолию. Однако всё же не обошлось без проявления личностного начала Пастернака, выраженного в явном усилении «тёмной» доминанты.

В биографии Б.Л. Пастернака есть один факт, который, как нам кажется, раскрывает психотип его личности в условиях советского социокультурного контекста: в период массового оттока за рубеж опальной советской интеллигенции, в числе которых

были многие известные писатели и поэты, Пастернак принял безоговорочное решение остаться на Родине. Это было сделано, невзирая на ряд факторов, среди которых и пережитый опыт тюремного заключения, и имевшиеся риски травли и репрессии, и вынужденный отказ от Нобелевской премии по литературе, и требования ряда лиц выслать Пастернака из страны и лишить его советского гражданства, а также эмиграция его близких родственников [Быков 2008]. Такая приверженность принципам, даже при перспективе морального и физического страдания, свойственна, в частности, эпилептоидной личности, что коррелирует с эмоционально-смысловой доминантой «тёмных» текстов [Белянин 1992, 2000: 85-87]. Анализ другого пастернаковского перевода (с немецкого языка на русский), а именно трагедии И.В. Гёте «Фауст», также показывает, что усиление «тёмной» доминанты является закономерностью для Б.Л. Пастернака [Панькина, Белянин 2017].

Заключение

Таким образом, мы смогли подтвердить, что переводы С.Я. Маршака и Б.Л. Пастернака обладают разными комбинациями доминант как относительно подлинника, так и относительно друг друга. Эмоционально-смысловые доминанты исходного смешанного – «светло-тёмно-печального» – сонета 73 Шекспира в обоих рассматриваемых случаях переводов по-разному меняют эмотивность: у С.Я. Маршака перевод сонета получается «светлее» и даже чуть «веселее» подлинника; у Б.Л. Пастернака переводной текст чуть более «тёмный», нежели оригинал. Подобный сдвиг можно объяснить различием характера автора (или авторов) оригинала и характеров переводчиков как личностей.

Литература

- Алексеева И.С.* Письменный перевод. Немецкий язык: Учебник. СПб., 2006. 368 с.
- Аникст А.А.* Поэмы, сонеты и стихотворения Шекспира // Шекспир У. Полное собрание сочинений в 8 томах. Том 8. М.: Искусство, 1960. 594 с.
- Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, 2002. 384 с.
- Белянин В.П.* Психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19. М., 1992. 34 с.
- Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
- Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.
- Быков Д.Л.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2008. 892 с.
- Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 492 с.
- Вишнякова О.Д., Панькина Ю.А.* Интертекстуальные включения в когнитивно-прагматическом и переводческом аспектах // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: 2014. Т. 19. №4. С. 71-80.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1956. С. 39-386.
- Гейзер М.* Право на бессмертный миг (Заметки о С.Я. Маршаке) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer16/Marshak.htm> (дата обращения 08.05.2019)

Журнал «Личности». Личности 52/2012. Маршак [Электронный ресурс]. URL: <https://persons-journal.com/journal/617/620> (дата обращения 08.05.2019)

Клинический архив гениальности и одаренности (европатология) /Под ред. Сегалина. Свердловск, 1925-1928.

Красильникова В.Г. Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1998. 238 с.

Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Вища школа, 1981. 392 с.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 1. М., 1983. 391 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1972. 574 с.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текста: введение в лакунологию. М., ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.

Падучева Е.В. К семантике коммуникативной структуры: исходные структуры и линейно-акцентные преобразования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 11 (18). По материалам международной конференции «Диалог 2012». М., 2012. С. 522-538.

Панькина Ю.А., Белянин В.П. Языковая личность переводчика примарно-эстетического и примарно-эмоционального текста: к проблеме выделения эмоционально-смысловой доминанты // Язык, текст и культура: проблемы лингвистики и изучения русского языка как иностранного. Майкоп: Изд-во АГУ, 2017. С. 24-27.

Пропл В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

Репина Е.А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат. М.: ИНФРА-М, 2012. 91 с.

Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. 264 с.

Саракаева Э.А. Психолингвистические особенности религиозных текстов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001. 18 с.

Сорокин Ю.А. Смысловое восприятие текста и библиопсихология // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979. С. 234-287.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста // Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985. С. 5-34.

Сорокин Ю.А. Интерпретативная или деятельностьная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира./ Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000. С. 107-115.

Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19. М., 1992. 57 с.

Уильям Шекспир. Сонеты [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_sonnets28.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 08.05.2019)

Эткинд Е. Об условно-поэтическом и индивидуальном (Сонеты Шекспира в русских переводах) // Мастерство перевода: 1966. М.: Советский писатель, 1968 (1969). 533 с.

Internet Shakespeare Editions [Электронный ресурс]. URL: <http://internetshakespeare.uvic.ca/> (дата обращения 08.05.2019)

INDIVIDUAL FEATURES IN POETIC TRANSLATION AS INDICATORS OF THE EMOTIONAL AND SEMANTIC DOMINANT OF LITERARY TEXT

Pankina Yuliya Anatolyevna,

Senior Instructor

Lomonosov Moscow State University

119234 Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1, p. 51

juliana_100@mail.ru

Belyanin Valery Pavlovich

Ph. D. in Psycholinguistics, PhD in Psychology,

Professor

York Region Psychological Services, 7191 Yonge St., Toronto Canada

psyling@gmail.com

The article is devoted to the psycholinguistic analysis of the conventional and the individual in translation of poetry. A hypothesis is put forward that the manifestation of the individual as a subjective factor of translation can serve as a basis for identifying the emotional and semantic dominant of the text, which may differ slightly from the dominant of the original. Such a shift may be explained by the difference in the psychology of the translator and the author (writer) of the original text.

The emotional and semantic dominant may be identified in a given text by means of defining keywords that serve as markers of the picture of the world of the writer. The subject (plot) of the text and the most important predicates constitute the style of the text which indicates the emotional and semantic dominant (“sad”, “merry”, “light”, “dark”, “beauteous”).

This theory was laid in the foundation of the comparative psycholinguistic analysis of two Russian translations of a Shakespeare’s sonnet 73 by S. Marshak and B. Pasternak. The transformations made by the translators are the manifestations of their personality traits which are different from that of the author of the original. In particular, the “light-sad-dark” original text turns out to be more “merry” in the translation of Marshak and “darker” in the translation of Pasternak.

Keywords: poetic translation, Shakespeare’s sonnet, emotional-semantic dominant, picture of the world, “light” text, “dark” text, “sad” text, “merry” text

References

Aetkind E. Ob uslovno-poeticheskom I individual’nom (Sonety Shakespeara v russkikh perevodakh) [About Conventional-Poetic and Individual (Shakespeare’s Sonnets in Russian Translations)] // *Masterstvo perevoda* [Translation Skills]: 1966. M.: Sovetskii pisatel’ [Soviet Writer], 1968 (1969). 533 s. (In Russian)

Alexeyeva I.S. Pismennyi perevod. Nemetskiy yazyk: Uchebnik [Written Translation. German Language: Textbook]. SPb. 2006. 368 s. (In Russian)

Anixt A.A. Poemy, sonety i stikhovoreniya Shakespeara [Poems, Sonnets, and Verses by Shakespeare] // *Shakespeare W. Polnoe sobranie sochineniy v 8 tomakh. Tom 8* [Full Collection of Works in 8 volumes. Volume 8]. M.: Iskusstvo, 1960. 594 s. (In Russian)

Arnold I.V. Stilistika. Sovremenniy angliyskiy yazyk [Stylistics. Modern English Language]. M.: Flinta, 2002. 384 s. (In Russian)

Belyanin V.P. Psikholingvističeskaya tipologiya khudozhestvennykh textov po emotsionalno-smyslovoi dominante: avtoref. diss. ... dokt. philol. nauk: 10.02.19 [Psycholinguistic Typology of Fiction based on Emotional and Semantic Dominant: thesis ... Ph. D in Psycholinguistics: 10.02.19]. M., 1992. 34 s. (In Russian)

Belyanin V.P. Osnovy psikholingvističeskoj diagnostiki [Foundations of Psycholinguistic diagnostics]. M.: Trivola, 2000. 248 s. (In Russian)

Belyanin V.P. Psikhologičeskoye literaturovedeniye [Psychological Literature Studies]. M.: Genesis, 2006. 320 s. (In Russian)

Bykov D.L. Boris Pasternak. M.: Molodaya gvardiya [Young Guard], 2008. 892 s. (In Russian)

Geyzer M. Pravo na bessmertnyi mig (Zametki o S.Ya. Marshake) [Right to the Immortal Moment (Notes on S.Ya. Marshak)]. URL: <http://www.berkovich-zametki.com/Nomer16/Marshak1.htm> (retrieval date 08.05.2019) (In Russian)

Zhurnal «Lichnosti». Lichnosti 52/2012. Marshak [The Persons Journal]. URL: <https://persons-journal.com/journal/617/620> (last accessed date 08.09.2019)

Kliničeskyy Arkhiv Genialnosti I Odaryonnosti (evropatologiya). [Clinical Archives of Genius and Giftedness (Europathology)] Pod Red. Segalina [Ed. by Segalin]. Sverdlovsk. 1929. (In Russian)

Krasil'nikova V.G. Psikholingvističeskyy analiz semantičeskikh transformatsiy pri perevode I literaturnom pereskaze khudozhestvennogo teksta: diss. ... cand. philol. nauk: 10.02.19 [Psycholinguistic Analysis of Semantic Transformations in Translation and Literary Retelling of Fiction: diss. ... Ph. D. in Psycholinguistics: 10.02.19]. M., 1998. 238 s. (In Russian)

Leongardt K. Akcentuirovannije Lichnosti [Accentuated Personalities]. Kiev: Visschava Shkola, 1981. 392 s. (In Russian)

Leont'iev A.N. Izbrannye psikhologičeskiye proizvedeniya [Selected psychological works]. T. 1. M., 1983. 391 s. (In Russian)

Leont'iev A.N. Problemy razvitiya psichiki [Problems of Psyche Development]. M.: Izd-vo MGU, 1972. 574 s. (In Russian)

Markovina I.You., Sorokin Yu.A. Kultura I text: Vvedeniye v lakunologiyu [Culture and Text: Introduction to Lacunology]. V.: GEOTAR-Media, 2010. 144 s. (In Russian)

Paducheva E.V. K semantike kommunikativnoi struktury: iskhodnye struktury I lineino-actsentnyye preobrazovaniya [Communicative Perspective interpretation: basic structures and linear-accentual transformations] // Computernaya lingvistika I intellectual'nye tekhnologii [Computer linguistics and Intellectual Materials of International Conference "Dialog 2012"]. M., 2012. S. 522-538. (In Russian)

Pankina You.A., Belyanin V.P. Yazykovaya lichnost perevodchika primarno-aesteticheskogo I primarno-emotsionalnogo teksta: k probleme vydeleniya emotsionalno-smyslovoi dominanty [Linguistic Personality of the Translator of Primary-Aesthetic and Primary-Emotional Text: on the Issue of Identifying Emotional and Semantic Dominant] // Yazyk, text I kultura: problemy lingvistiki I izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Language, Text, and Culture: Issues of Linguistics and Learning Russian as a Foreign Language]. Maikop: Izd-vo AGU, 2017. S. 24-27. (In Russian)

Propp V.Ya. Morphologiya skazki [Morphology of the Fairy Tale]. L.: Academia, 1928. 152 s. (In Russian)

Repina E.A. Politicheskii text: psikholingvistiicheskiy analiz vozdeistviya na electorat [Political Text: Psycholinguistic Analysis of Impact on the Electorate]. M.: INFRA-M, 2012. 91 s. (In Russian)

Rubakin N.A. Psikhologia chitatelya I knigi [Psychology of the Reader and the Book]. MyKniga, 1977. 264 s. (In Russian)

Sarakaeva E.A. Psikholingvisticheskiye osobennosti religioznykh textov: diss. ... cand. philol. nauk: 10.02.19 [Psycholinguistic Peculiarities of Religious Texts: diss. ... Ph. D. in Psycholinguistics: 10.02.19]. Krasnodar, Kubanskiy gos. Un-t, 2001. 18 s. (In Russian)

Sorokin Yu.A. Smyslovoye Vospriyatiye teksta I bibliopsikhologiya [Text Perception and Bibliopsychology] // Teoreticheskiye I prikladnye problemy rechevogo obscheniya [Theoretical and Practical Problems of Verbal Communication]. M., 1979. S. 234-287. (In Russian)

Sorokin Yu.A. Psikholingvisticheskiye problemy vospriyatiya I otsenki teksta. [Psycholinguistic Problems of Text Perception and Evaluation] // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya teksta. [Psycholinguistic Problems of Text Perception and Evaluation]. M., 1985. S. 5-34. (In Russian)

Sorokin Yu.A. Interpretativnaya ili deyatelnostnaya teoriya perevoda? [Interpretive or Active Translation Theory?] // Yazykovoe soznanie I obraz mira [Linguistic Consciousness and The Image of The World] / Otv. red. N.V. Ufimtseva. M., 2000. S. 107-115. (In Russian)

Tarasov E.F. Problemy teorii rechevogo obschenia: avtoref. diss. ... dokt. philol. nauk: 10.02.19 [Problems of Verbal Communication Theory: thesis ... Ph. D. in Psycholinguistics: 10.02.19]. 57 s. (In Russian)

Vinokur G.O. Izbrannye raboty po russkomu yazyku. [Selected Works on Russian Language]. M., 1959. 492 s. (In Russian)

Vishnyakova O.D., Pankina Yu.A. Intertextual'nye vklucheniya v kognitivno-pragmaticheskom I perevodcheskom aspektakh // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Linguistika I mezhkulturnaya kommunikatsiya [Intertextual Inclusions in Terms of Cognitive-Pragmatic and Translational Aspects // Linguistics and Intercultural Communication]. M.: 2014. T. 19. №4. S. 71-80. (In Russian)

Vygotskiy L.S. Myshlenie I rech [Thinking and Speech] // Izbrannye psichologicheskiye issledovaniya [Selected Psychological Research]. M.: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1956. S. 39-386. (In Russian)

William Shakespeare. Sonety [William Shakespeare. Sonnets]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_sonnets28.txt_with-big-pictures.html (retrieval date 08.05.2019)

Internet Shakespeare Editions. URL: <http://internetshakespeare.uvic.ca/> (retrieval date 08.05.2019).

УДК 81'26.06.053.56 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-124-134

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ СТРЕССА У НАЧИНАЮЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ-СИНХРОНИСТОВ В РАМКАХ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ¹

Парина Ирина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина 31-а
parinai@yandex.ru

Парин Сергей Борисович

доктор биологических наук, заведующий лабораторией когнитивной психофизиологии факультета социальных наук университета имени Н.И. Лобачевского, профессор кафедры психофизиологии ФСН ННГУ
603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, 7
parins@mail.ru

В рамках когнитивной парадигмы для изучения синхронного перевода используются разнообразные методы, однако ранее не применялся анализ варибельности сердечного ритма, уже зарекомендовавший себя как способ измерения уровня стресса в контекстах естественной деятельности. Цель настоящего исследования состояла в определении уровня стресса у студентов, прошедших обучение синхронному переводу, во время выполнения ими профессиональных задач. Испытуемые выполняли в переводческой кабине четыре задания: эхоповтор на родном языке и на иностранном, перевод с иностранного языка на родной и с родного на иностранный. С помощью неинвазивного датчика регистрировались изменения их сердечного ритма. Анализ кардиоинтервалограмм показал, что у всех испытуемых присутствовала динамика сердечного ритма, характерная для стрессовых ситуаций. Наиболее стрессогенной оказалась задача эхоповтора на иностранном языке, а наименее стрессогенной – перевод с иностранного языка на родной, – задание, наиболее часто выполнявшееся участниками эксперимента на занятиях. Эпизоды стресса у всех испытуемых были зарегистрированы и во время выполнения заданий напарниками. Сопоставление результатов анализа ритмограмм и качества выполненных переводов показало, что у более успешных переводчиков стресс был более продолжительным. В целом результаты исследования подтверждают стрессогенность синхронного перевода как вида деятельности, обусловленную не только сложностью задачи, но и спецификой внешних условий, и важность практических занятий, в том числе на материале текстов, записанных с носителями иностранного языка с высоким темпом речи. (сократить аннотацию: не следует давать описание эксперимента)

Ключевые слова: синхронный перевод, стресс, варибельность сердечного ритма.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00501 А «Динамика функционального состояния человека при реализации синхронного перевода»

Введение

Синхронный перевод стал объектом экспериментального изучения в 60-х годах XX века. В Европе первые эксперименты с участием переводчиков-синхронистов проводили психологи П. Олерон и Ю. Нанпон [Oléron, Nanpon 1965/2002] и Э.М. Тризман [Treisman 1965]. Обзор западных исследований с того времени и до наших дней представлен в монографии Ф. Пёххакера [Pöchhacker 2004].

В СССР целью первых экспериментов также было изучение психологических аспектов синхронного перевода [Бенедиктов 1968; Кочкина 1963]. Кроме того, рассматривались проблемы временного смещения текста перевода относительно оригинала, а также речевой компрессии [Зимняя, Чернов, 1973; Чернов 1969; Ширяев 1972].

Современные междисциплинарные исследования синхронного перевода могут быть отнесены к одной из двух парадигм: когнитивной либо нейролингвистической. В рамках нейролингвистической парадигмы осуществляется поиск нейронных коррелятов мыслительных процессов, связанных с синхронным переводом, с помощью таких методов, как электроэнцефалография [Elmer, Kühnis 2016], позитронно-эмиссионная томография [Rinne et al. 2000] и функциональная магнитно-резонансная томография [Chang et al. 2008; Hervais-Adelman et al. 2015].

В рамках когнитивной парадигмы рассматриваются вопросы, связанные с концентрацией внимания и распределением когнитивной нагрузки при синхронном переводе [Tommola, Huönä 1996, Gile 2015]. Кроме того, большое количество исследований, выполненных в рамках этой парадигмы, посвящено проблеме стресса. Так, Б. Мозер-Мерсери соавторы [Moser-Mercer et al. 1998] в своем пилотном исследовании приходят к выводу, что синхронные переводчики, работающие более 30 минут без перерыва, испытывают стресс, приводящий к ухудшению качества перевода. В исследовании, проведенном по инициативе Международной ассоциации переводчиков-синхронистов АПС, показано, что деятельность синхронистов связана с чрезвычайно высоким уровнем стресса. Опытные переводчики испытывают больший стресс, когда говорят в микрофон сами, и несколько меньший, когда помогают напарнику в кабине [АПС 2002]. В работах [Riccardi et al. 1998, Kurz 2003] делается вывод, что начинающие переводчики-синхронисты испытывают во время работы больший стресс, чем опытные. П. Корпаль [Korpal 2016] доказывает, что у начинающих переводчиков перевод речи, произносимой в ускоренном темпе, вызывает больший стресс, чем речи, воспроизводимой в обычном темпе.

Для исследований в рамках когнитивной парадигмы используются психометрические методы (например, шкала тревоги *ASQ2 - IPAT Anxiety Scale* и шкала депрессии *CDQ3 - IPAT Depression Scale* [Riccardi et al. 1998]) и методы, связанные с регистрацией физиологических реакций, в частности, пупиллометрия – измерение ширины зрачка и динамики ее изменения [Tommola, Huönä 1996, Seeber 2013], пульса и артериального давления [Korpal 2016, Klonowicz 1994], электрической активности кожи [Kurz 2003] и анализ слюны на кортизол [АПС 2002, Moser-Mercer 2005]. Некоторые авторы, однако, указывают на недостатки биометрических методов: необходимо сложное оборудование, длительные приготовления (так, при анализе слюны на кортизол испытуемые должны в течение двух минут жевать ватный шарик, и ровно за десять минут до забора слюны прополоскать рот), и всё это может стать причиной еще большего стресса у переводчиков [Kurz 2003; Riccardi et al. 1998].

Анализ variability сердечного ритма

В рамках настоящего исследования для определения уровня стресса использовался метод анализа variability сердечного ритма. В отечественной и зарубежной литературе нами не было найдено примеров применения этого метода в экспериментах с участием переводчиков-синхронистов.

Метод анализа variability сердечного ритма отличается от простого замера частоты сердечных сокращений. При анализе variability сердечного ритма с помощью различных математических методов – статистических, геометрических, частотных и других – измеряются изменения в длительности промежутка времени между сокращением желудочков сердца, который составляет сердечный цикл – R-R интервала (на ЭКГ сокращению желудочков соответствует зубец R) [Бокерия 2009]. У здоровых людей интервал времени от начала цикла одного сердечного сокращения до начала другого постоянно меняется. Этот параметр чувствителен к изменениям в психических и физиологических реакциях, что подтверждается различными эмпирическими исследованиями (например, [McCraty, Shaffer 2015; Thayer et al. 2012]). Подход, в соответствии с которым сердечно-сосудистая система может рассматриваться как индикатор адаптационных реакций всего организма, был сформулирован и научно обоснован в СССР в 1960-е годы благодаря работам в области космической медицины [Парин и др. 1967]. Он и в настоящее время активно используется в космической медицине, а также получил широкое распространение в спортивной медицине.

В рамках настоящей работы использовался метод анализа спектральной плотности мощности колебаний, впервые предложенный С. Аксельрод и её соавторами [Akselrod et al. 1981]. Суть метода состоит в том, что в записи колебаний сердечного ритма выделяются спектральные компоненты. Основные из них – высокочастотный (High Frequency, HF), низкочастотный (Low Frequency, LF) и очень низкочастотный (Very Low Frequency, VLF). Кроме того, учитывается общая мощность спектра (Total Power, TP), то есть сумма мощностей в диапазонах LF, HF и VLF, а также соотношение LF/HF, называемое индексом вагосимпатического взаимодействия [Бахчина и др. 2013].

Для измерения variability сердечного ритма используются легкие и миниатюрные датчики (так, сенсорная платформа Zephyr Technology Bluetooth Heart Rate Monitor весит всего 17 грамм (<https://www.zephyranywhere.com>), что позволяет применять метод в условиях естественной деятельности испытуемых – например, для изучения уровня стресса. Так, в ходе ряда исследований было установлено, что в стрессогенном контексте – в частности, у ораторов во время публичного выступления и сотрудников МЧС во время тренировок [Бахчина и др. 2013], водителей общественного транспорта при выполнении маневра [Polevaia et al. 2016] – происходит сначала возрастание общей мощности ритма (TP) с преобладанием мощности в низкочастотной компоненте LF, а затем возрастание LF/HF на фоне резкого снижения общей мощности.

Постановка эксперимента и результаты

Итак, цель исследования состояла в том, чтобы определить уровень стресса у начинающих переводчиков-синхронистов, работающих в паре языков русский-немецкий, исходя из variability их сердечного ритма. Нами был проведен эксперимент, в котором участвовали 12 студентов, прошедших обучение синхронному переводу для пары языков русский-немецкий: 9 женщин, 3 мужчин в возрасте 21-28 лет, родной язык – русский (n = 11) или немецкий (n = 1).

В ходе эксперимента испытуемые были размещены по двое в переводческих кабинетах и выполняли следующие задачи:

- эхо-повтор на иностранном языке;
- перевод с иностранного языка на родной;
- эхо-повтор на родном языке;
- перевод с родного языка на иностранный.

В качестве материала использовались восемь аутентичных речей, объединенные темой «изменение климата», которые были сокращены и перезаписаны с носителями языка на видео, так что продолжительность каждой речи составляла 6-7 минут. Выступления демонстрировались на экране, испытуемые в кабине выполняли задания поочередно. Для регистрации их сердечного ритма использовалась беспроводная сенсорная платформа Zephyr Technology Bluetooth Heart Rate Monitor. Затем был проведен спектральный анализ ритмограмм испытуемых с помощью веб-платформы Stressmonitor (функции платформы представлены в [Polevaia et. al. 2016]).

Анализ результатов для 11 испытуемых, у которых родным языком был русский, а иностранным – немецкий, показал, что длительность периодов, в которые наблюдалась динамика сердечного ритма, характерная для стресса, у них значительно варьировалась: при выполнении перевода с иностранного языка на родной она составляла от 9,2 до 47,5 процента от общей продолжительности задания; при переводе с родного языка на иностранный – от нуля до 81,9 процента. В среднем продолжительность «стрессовых» эпизодов у всех 11 испытуемых во время выполнения всех четырех заданий составляла 37 процентов.

Различия между средней продолжительностью стресса при выполнении каждой из четырех задач были менее выражены, чем индивидуальные различия между испытуемыми. С точки зрения средней продолжительности стресса четыре предложенные испытуемым задачи располагались в порядке возрастания следующим образом: перевод с иностранного языка на родной (34,1%), эхоповтор на родном языке (35,4%), перевод с родного языка на иностранный (38,3%), эхоповтор на иностранном языке (39,9%).

Наименьшая продолжительность стресса во время выполнения перевода с иностранного языка на родной может объясняться тем, что именно такое задание студенты чаще всего получали при обучении синхронному переводу. Наибольший стресс во время эхоповтора на иностранном языке мог быть связан с высоким темпом речи носителя языка, записывавшего речи для этого задания, на который после эксперимента жаловались некоторые испытуемые (видео для эксперимента были записаны с четырьмя разными исполнителями роли оратора – по одному для каждого типа задач).

Выполненные испытуемыми эхоповторы и переводы записывались на диктофон и затем оценивались экспертами по шкале от 0 до 3 баллов, в зависимости от качества передачи смысла исходного текста. Оценка «0» выставлялась за эхоповтор или перевод, в котором не было передано даже общее содержание, «1» – за эхоповтор или перевод, в котором было неверно передано содержание значительных фрагментов текста, «2» – за незначительные пропуски или искажения, не препятствующие пониманию получателем общей идеи текста, а «3» – за перевод без искажений и неоправданных опущений, в котором верно передан смысл оригинала. Задание считалось успешно выполненным, если за него выставлялась оценка «2» или «3».

Все испытуемые успешно справились с эхоповтором на родном языке. Каждое из трех прочих заданий – эхоповтор на иностранном языке, перевод с родного языка

на родной и с родного языка на иностранный – было успешно выполнено шестью испытуемыми из одиннадцати (однако и в отношении успешности наблюдались индивидуальные различия, и качественно выполнили все четыре задания лишь трое испытуемых). Самые низкие баллы испытуемые получили за эхоповтор на немецком языке – он оказался единственным заданием, за которое двоим испытуемым было выставлено по 0 баллов.

Грамматическое, лексическое и фонетическое оформление перевода также анализировалось, однако на общую оценку оно влияло лишь в той мере, в какой оно препятствовало передаче содержания (нарушение порядка слов в законченном предложении, например, не считалось грубой ошибкой).

В целом нарушения порядка слов, грамматического и лексического согласования встречались в переводах и успешных, и неуспешных испытуемых: Китай в 2016 году должна развить систему по снижению выхлопных газов; *desneues Abkommen* (вместо *desneuen Abkommens*).

В речи обеих групп присутствовали буквализмы: Главную позицию в этом движении возьмут промышленно-развитые государства; карбон (вместо «углерод»). Кроме того, некоторые переводчики вместо того, чтобы использовать эквивалент единицы оригинала, создавали транскрибированный вариант: *Antarktida* (вместо *Antarktis*), *Grenland* (вместо *Grönland*), *Tse-o-dvaAusstoß* (вместо *Tse-o-zweiAusstoß*). Однако не всегда можно было определить, было ли это ошибкой, связанной с нехваткой словарного запаса, или оговоркой, вызванной концентрацией внимания на тексте оригинала. По-видимому, именно восприятие оригинала как на иностранном, так и на родном языке представляло для переводчиков основную трудность, что сказывалось и на темпе их речи: в то время как у успешных переводчиков темп речи был ровным, предложения законченными, в речи неуспешных переводчиков было много сбоев и пауз: они то останавливались, напряженно вслушиваясь, то стремились быстро проговорить предложение или его часть. Всё это указывает на необходимость дополнительной тренировки восприятия на слух специальных текстов.

При сопоставлении суммы баллов, полученных испытуемыми за четыре задания, и средней продолжительности эпизодов стресса во время выполнения испытуемыми всех заданий было установлено, что участники эксперимента, выполнявшие задания успешно (получившие в сумме 8 и более баллов) испытывали более продолжительный стресс, чем менее успешные (см. Рис. 1: «Сумма баллов и средняя продолжительность эпизодов стресса»). Столбцы внизу отражают сумму баллов за четыре задания у каждого из 11 участников эксперимента, а точки вверху – долю эпизодов стресса от общей продолжительности выполнения четырех заданий у соответствующих участников.

Однако в соотношении продолжительности стрессовых эпизодов и качества выполнения для каждого отдельного задания наблюдались значительные индивидуальные различия.

В ходе исследования также был проведен анализ кардиоинтервалограмм участников в периоды, соответствующие выполнению задания их напарником в кабине. Он показал, что стресс в это время испытывали все испытуемые, независимо от типа задания и от того, выполняли ли они сами задания до или после напарника, причем для некоторых выступление соседа оказалось более стрессогенным, чем собственное. В целом, большая продолжительность стресса наблюдалась у более успешных переводчиков.

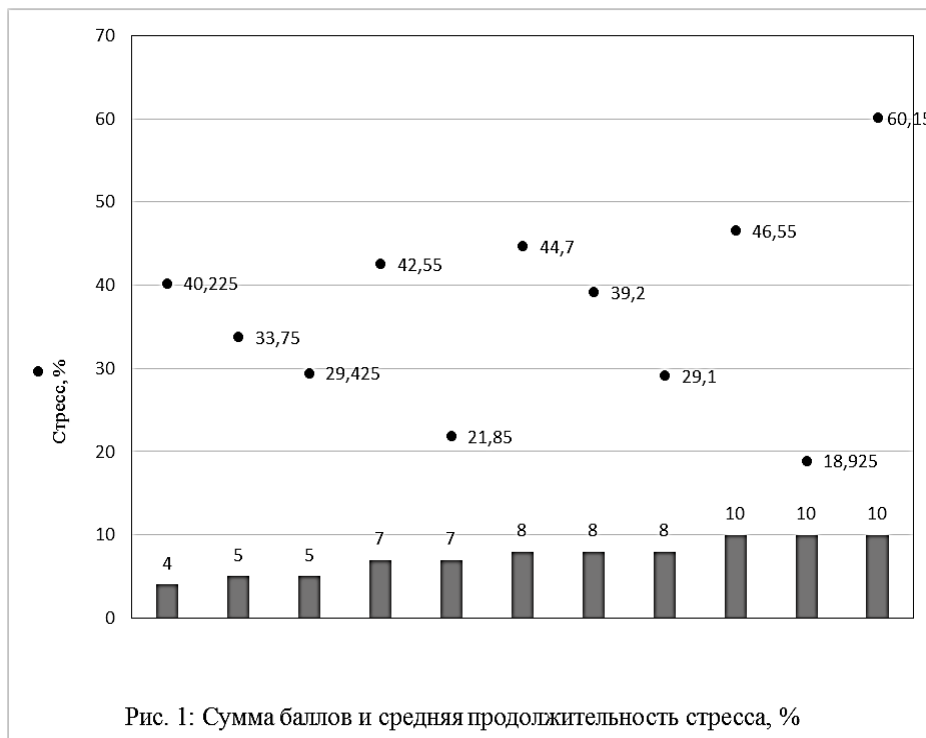

Рис. 1: Сумма баллов и средняя продолжительность стресса, %

Выводы

Исследование подтвердило распространенную точку зрения, в соответствии с которой синхронный перевод представляет собой деятельность, связанную со стрессом. В то же время, переводчики не испытывали стресс непрерывно в течение всего эксперимента, и средняя продолжительность эпизодов стресса при выполнении ими профессиональных задач составляла не более 40 процентов. Интересным представляется дальнейшее изучение причин стресса. Так, в результате данного исследования не было выявлено явной взаимосвязи между уровнем стресса и направлением перевода. Более того, высокий уровень стресса во время выполнения перевода напарником свидетельствует о том, что напряжение вызывает не только материал, но и общая обстановка, внешние условия осуществления деятельности. Возможно, это связано с тем, что в качестве испытуемых выступали начинающие переводчики, у которых, как показано в [Riccardi et al. 1998, Kurz 2003] уровень стресса во время работы выше, чем у опытных. Вероятно, определенную роль играет и степень знакомства переводчика с типом задачи. Явные трудности были связаны с восприятием речи носителя иностранного языка в высоком темпе, что соответствует результатам исследования [Kogral 2016]. Всё это указывает на важность практических занятий – не только по переводу, но и по аудированию на аутентичном материале, с использованием текстов, записанных носителями языка с высоким темпом речи.

Исследование будет продолжено. Его перспективы мы связываем с увеличением числа рабочих языков, анализом и сопоставлением ошибок и использованных переводчиками стратегий, изучением влияния степени знакомства с тематикой перевода и специальным словарем на стрессогенность задачи.

Литература

Бахчина А.В., Парин С.Б., Полевая С.А. Динамика вегетативной регуляции кардиоритма при стрессогенных когнитивных, эмоциональных и физических нагрузках // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 22.

Бенедиктов Б.А. Основные вопросы психологии устного перевода // Fremdsprachen. 1968. № 2. С. 96-105.

Бокерия Л.А. Вариабельность сердечного ритма: методы измерения, интерпретация, клиническое использование // Анналы аритмологии. 2009. № 4. С. 21–32.

Зимняя И.А., Чернов Г.В. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода // Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике. М.: Ия-АН СССР, 1973. С. 110-116.

Кочкина З.А. Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика // Тез. док. на II съезде общ-ва психологов. Вып. 1. М.: АПН, 1963. С. 28-33.

Парин В.В., Баевский Р.М., Волков Ю.Н., Газенко О.Г. Космическая кардиология. Л.: Медицина, 1967. 206 с.

Чернов Г.В. Синхронный перевод: речевая компрессия – лингвистическая проблема // Тетради переводчика. Выпуск 6. М.: Международные отношения, 1969. С. 52-65.

Ширяев А.Ф. Некоторые результаты экспериментального исследования синхронного перевода // Труды Института. Иностранные языки. М.: ВИИЯ, 1972. № 8. С. 70-77.

AiIC 2002 = AIIC (International Association of Conference Interpreters). Workloadstudy – fullreport. [Электронный ресурс]. URL: <http://aiic.net/page/657/interpreter-workload-study-full-report/lang/1> (дата обращения: 10.04.2018).

Akselrod, S., Gordon, D., Ubel, F.A. et al. (1981). Power Spectrum Analysis of Heart Rate Fluctuation: A Quantitative Probe of Beat-to-beat Cardiovascular Control. Science, No. 213, 220–222.

Chang, C.Y., Shuttleworth, M., Saldanha, G., Dresner, A., Puri, B.K. (2008). Neural Correlates of Simultaneous Interpreting: an fMRI Study. Proceedings of the International Australasian Winter Conference on Brain Research, No. 26, 48.

Elmer, S., Kühnis, J. (2016). Functional Connectivity in the Left Dorsal Stream Facilitates Simultaneous Language Translation: an EEG Study. Frontiers in Human Neuroscience, No.10, 60.

Gile, D. (2015). Effort Models. Pöchhacker F. (ed). Routledge Encyclopedia of Interpreting Studies. Oxon and New York: Routledge, 135-137.

Hervais-Adelman, A., Moser-Mercer, B., Michel, C.M., Golestani, N. (2015). fMRI of Simultaneous Interpretation Reveals the Neural Basis of Extreme Language Control. Cerebral Cortex, No. 25 (12), 4727-4739.

Klonowicz, T. (1994). Putting one's heart into simultaneous interpretation. Lambert, S. and B. Moser-Mercer (eds.). Bridging the gap: Empirical research in simultaneous interpretation. Amsterdam: John Benjamins, 213–224.

Korpal, P. (2016). Interpreting as a stressful activity. Physiological measures of stress in simultaneous interpreting. Poznań Studies in Contemporary Linguistics, No. 52(2), 297–316.

Kurz, I. (2003). Physiological stress during simultaneous interpreting: A comparison of experts and novices. The Interpreters' Newsletter, No. 12, 51-67.

McCraty, R., Shaffer, F. (2015). Heart Rate Variability. New Perspectives on Physiological Mechanisms, Assessment of Self-Regulatory Capacity, and Health Risk. *Global Advances in Health and Medicine*, No. 4, 45-61.

Moser-Mercer, B. (2005). Remote interpreting: The crucial role of presence. *Bulletin VALS-ASLA* (Swiss association of applied linguistics), No. 81, 73–97.

Moser-Mercer, B., Künzli, A., Korac, M. (1998). Prolonged turns in interpreting: Effects on quality, physiological and psychological stress. *Interpreting*, No. 3(1), 47-64.

Oléron, P., Nanpon, H. (1965/2002). Research into simultaneous translation. *Morries R.* (trans), *Pöchhacker F., Shlesinger M.* (eds). *The Interpreting Studies Reader*, London and New York: Routledge, 42-50.

Pöchhacker, F. (2004). *Introducing Interpreting Studies*. New York: Routledge.

Polevaia, S., Parin, S., Eremin, E., Bulanov, N., Chernova, M., Parina, I., Chikov, M., Chernigovskaya, T. (2016). Event-related Telemetry (ERT) Technology for Study of Cognitive Functions. *International Journal of Psychophysiology*, No. 108, 87-88.

Riccardi, A., Marinuzzi, G., Zecchin, S. (1998). Interpretation and stress. *The Interpreters' Newsletter*, No. 8, 93-106.

Rinne, J.O., Tommola, J., Laine, M., Krause, B.J., Schmidt, D., Kaasinen, V., Teräs, M., Sipilä, H., Sunnari, M. (2000). The Translating Brain: Cerebral Activation Patterns during Simultaneous Interpreting. *Neuroscience Letters*, No. 294, 85-88.

Seeber, K.G. (2013). Cognitive load in simultaneous interpreting: measures and methods. *Ehrensberger-Dow, M., Göpferich, S., O'Brien, S.* *Interdisciplinarity in Translation and Interpreting Process Research*, No. 25 (1), 18-33.

Thayer, J.F., Åhs, F., Fredrikson, M., Sollers, J.J., Wager, T.D. (2012). A Meta-Analysis of Heart Rate Variability and Neuroimaging Studies: Implications for Heart Rate Variability as a Marker of Stress and Health. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, No. 36, 747–756.

Tommola, J., Hyönä J. (1996). The effect of training on cognitive load during simultaneous interpreting. *New Horizons - XIV World Congress of the Fédération Internationale des Traducteurs (FIT)*, Proceedings Volume 2, AUSIT, 946-951.

Treisman, A.M. (1965). The Effects of Redundancy and Familiarity on Translating and Repeating Back a Foreign and a Native Language. *British Journal of Psychology*, No. 56, 369-379.

Zephyr Performance Systems: HxM Heart Rate Monitors for Consumers [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zephyranywhere.com> (дата обращения: 24.02.2018).

A STUDY ON STRESS IN TRAINEE SIMULTANEOUS INTERPRETERS WITHIN THE COGNITIVE PARADIGM

Irina S. Parina

Assistant Professor, PhD
Department of German and Translation Studies
State Linguistic University of Nizhny Novgorod
31-a Minina, Nizhny Novgorod 603155
parinai@yandex.ru

Sergey B. Parin

Doctor of Biology, Head of Cognitive Psychophysiology Laboratory Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
Professor at the Department of Psychophysiology
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
7 Universitetsky pereulok, Nizhny Novgorod 603000
parins@mail.ru

The present study is devoted to heart-rate variability analysis in simultaneous interpreters. This method has already proved effective for measuring stress in natural contexts. However, it has not been used in research on simultaneous interpreting before. The aim of our study was to evaluate the level of stress caused by professional tasks in students who had completed a course in simultaneous interpreting.

The comparison of performance quality and stress proportion revealed a slight increase in the duration of stress episodes corresponding to the increase in result. The study proved that simultaneous interpreting is accompanied by stress, influenced by task familiarity, the general setting and the speech tempo of the person to be interpreted.

Keywords: simultaneous interpreting, stress, heart rate variability

References

AIIC 2002 = AIIC (International Association of Conference Interpreters). Workloadstudy – fullreport. URL: <http://aiic.net/page/657/interpreter-workload-study-full-report/lang/1> (retrieval date: 10.04.2018).

Akselrod, S., Gordon, D., Ubel, F.A. et al. (1981). Power Spectrum Analysis of Heart Rate Fluctuation: A Quantitative Probe of Beat-to-beat Cardiovascular Control. *Science*, No. 213, 220–222.

Bahchina A.V., Parin S.B., Polevaja S.A. (2013) Dinamika vegetativnoj reguljicii kardiritma pri stresogennyh kognitivnyh, jemocional'nyh if izicheskih nagruzkah [Dynamics of cardiac vegetative regulation in stressful cognitive, emotional and physical loads]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Reason. Postnonclassics] 4: 22. (In Russian)

Benediktov B. A. (1968) Osnovnye voprosy psihologii i ustnogo perevoda [Main issues of interpretation psychology]. *Fremdsprachen*, No. 2: 96-105.

Bokerija L.A. (2009) Variabel'nost' serdechnogoritma: metodyizmereniya, interpretacija, klinicheskoeispol'zovanie [Heart rate variability: measurement, interpretation, clinical use]. *Annaly aritmologii* [Annals of Arrhythmology] 4: 21–32. (In Russian)

Chang, C.Y., Shuttleworth, M., Saldanha, G., Dresner, A., Puri, B.K. (2008). Neural

Correlates of Simultaneous Interpreting: an fMRI Study. Proceedings of the International Australasian Winter Conference on Brain Research, No. 26, 48.

Chernov G.V. (1969) *Sinhronnyj perevod: rechevaja kompressija – lingvističeskaja problema* [Simultaneous interpreting: speech compression as a linguistic issue]. *Tetradj perevodčika* [Translator Letters] 6: 52-65. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. Print. (In Russian)

Elmer, S., Kühnis, J. (2016). Functional Connectivity in the Left Dorsal Stream Facilitates Simultaneous Language Translation: an EEG Study. *Frontiers in Human Neuroscience*, No.10, 60.

Gile, D. (2015). Effort Models. Pöchhacker F. (ed). *Routledge Encyclopedia of Interpreting Studies*. Oxon and New York: Routledge, 135-137.

Hervais-Adelman, A., Moser-Mercer, B., Michel, C.M., Golestani, N. (2015). fMRI of Simultaneous Interpretation Reveals the Neural Basis of Extreme Language Control. *Cerebral Cortex*, No. 25 (12), 4727-4739.

Klonowicz, T. (1994). Putting one's heart into simultaneous interpretation. Lambert, S. and B. Moser-Mercer (eds.). *Bridging the gap: Empirical research in simultaneous interpretation*. Amsterdam: John Benjamins, 213–224.

Kochkina Z.A. (1963) *Nekotorye osobennosti dejatel'nosti sinhronnogo perevodčika* [Some characteristic features of the practice of simultaneous interpretation]. *Tez. dok. na II s'ezdeobshh-vapsihologov* [Book of Abstracts of the 2nd meeting of Society of Psychologists] 1: 28-33. M. Print. (In Russian)

Korpal, P. (2016). Interpreting as a stressful activity. Physiological measures of stress in simultaneous interpreting. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*, No. 52(2), 297–316.

Kurz, I. (2003). Physiological stress during simultaneous interpreting: A comparison of experts and novices. *The Interpreters' Newsletter*, No. 12, 51-67. Print

McCraty, R., Shaffer, F. (2015). Heart Rate Variability. *New Perspectives on Physiological Mechanisms, Assessment of Self-Regulatory Capacity, and Health Risk*. *Global Advances in Health and Medicine*, No. 4, 45-61.

Moser-Mercer, B. (2005). Remote interpreting: The crucial role of presence. *Bulletin VALS-ASLA* (Swiss association of applied linguistics), No. 81, 73–97.

Moser-Mercer, B., Künzli, A., Korac, M. (1998). Prolonged turns in interpreting: Effects on quality, physiological and psychological stress. *Interpreting*, No. 3(1), 47-64. Print

Oléron, P., Nanpon, H (1965/2002). *Research into simultaneous translation*. Morries R. (trans), Pöchhacker F., Shlesinger M. (eds). *The Interpreting Studies Reader*, London and New York: Routledge, 42-50.

Parin V.V., Baevskij R.M., Volkov Ju.N., Gazenko O.G. (1967) *Kosmicheskaja kardiologija* [Space Cardiology]. L.: Medicina. (In Russian)

Pöchhacker, F. (2004). *Introducing Interpreting Studies*. New York: Routledge. Print

Polevaia, S., Parin, S., Eremin, E., Bulanov, N., Chernova, M., Parina, I., Chikov, M., Chernigovskaya, T. (2016). Event-related Telemetry (ERT) Technology for Study of Cognitive Functions. *International Journal of Psychophysiology*, No. 108, 87-88. Print

Riccardi, A., Marinuzzi, G., Zecchin, S. (1998). Interpretation and stress. *The Interpreters' Newsletter*, No. 8, 93-106.

Rinne, J.O., Tommola, J., Laine, M., Krause, B.J., Schmidt, D., Kaasinen, V., Teräs,

M., Sipilä, H., Sunnari, M. (2000). The Translating Brain: Cerebral Activation Patterns during Simultaneous Interpreting. *Neuroscience Letters*, No. 294, 85-88.

Seeber, K.G. (2013). Cognitive load in simultaneous interpreting: measures and methods. *Ehrensberger-Dow, M., Göpferich, S., O'Brien, S. Interdisciplinarity in Translation and Interpreting Process Research*, No. 25 (1), 18-33.

Shirjaev A.F. (1972) Nekotorye rezul'taty jeksperimental'nogo issledovanija sinhronnogo perevoda [Some results of experimental research on simultaneous interpretation]. *Trudy Instituta Inostrannye jazyki [Proceedings of the Institute of foreign languages] 8: 70-77. M.: VIIJa.* (In Russian)

Thayer, J.F., Åhs, F., Fredrikson, M., Sollers, J.J., Wager, T.D. (2012). A Meta-Analysis of Heart Rate Variability and Neuroimaging Studies: Implications for Heart Rate Variability as a Marker of Stress and Health. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, No. 36, 747-756.

Tommola, J., Hyönä J. (1996). The effect of training on cognitive load during simultaneous interpreting. *New Horizons - XIV World Congress of the Fédération Internationale des Traducteurs (FIT), Proceedings Volume 2, AUSIT, 946-951.*

Treisman, A.M. (1965). The Effects of Redundancy and Familiarity on Translating and Repeating Back a Foreign and a Native Language. *British Journal of Psychology*, No. 56, 369-379.

Zephyr Performance Systems: HxM Heart Rate Monitors for Consumers. URL: <https://www.zephyranywhere.com> (retrieval date: 24.02.2018)

Zimnjaja I.A., Chernov G.V. (1973) Veroyatnostnoe prognozirovanie v processe sinhronnogo perevoda [Probable prognosis in simultaneous interpreting]. *Predvaritel'nye materialy jeksperimental'nyh issledovanij po psiholingvistike [Preliminary results of experimental research on psycholinguistics]: 110-116. M.: Ija-AN SSSR.* (In Russian)

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-135-149

СИСТЕМА АКСИОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТ *GI* В ОТРАЖЕНИИ ДЕВИЗОВ РОДОВ ВОЙСК И ВИДОВ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США

Романов Александр Сергеевич

кандидат филологических наук, докторант
32 кафедры английского языка (основного)
Военного университета МО РФ
ул. Волочаевская, д. 3/4, г. Москва, Россия, 111033
biyalka@mail.ru

Выбор темы, предлагаемой вниманию читателя статьи, определяется характером взаимоотношений между феноменами «этнос», «культура», «язык». В качестве объекта научного исследования выступают распространенные в массовом языковом сознании носителей американской лингвокультуры стереотипизированные репрезентации отдельных фрагментов социального института вооруженных сил США и воинской субкультурной среды. Предметом научного исследования избран девиз воинских формирований армии США как продуктивное языковое средство экспликации этнических стереотипов армейской субкультуры. Выступающие неотъемлемым компонентом палитры армейского идиома и наделенные функцией аксиологической ретрансляции девизы видов вооруженных сил и родов войск армии США способствуют формированию и закреплению стереотипов коллективного сознания. Совокупность воплощенных в теле языкового знака и символике артефактов армейского языкового коллектива, к числу которых, очевидно, принадлежит и армейский девиз, отражает аксиологические доминанты субкультурной среды *GI*, поведенческие паттерны, мировоззрение и концептосферу американских военнослужащих.

Ключевые слова: ВС США, армейская субкультура, *GI*, стереотипизация, стереотип, языковые средства и речевые формы экспликации этнических стереотипов, армейский девиз, девизы родов войск и видов вооруженных сил США.

Введение

В рамках настоящего исследования нами была предпринята попытка дальнейшего осмысления природы феномена стереотипизации на ином языковом материале применительно к армейскому языковому коллективу *GI*¹. Переход на антропоцентрическую парадигму исследования, сопряженный с переключением внимания лингвистов

---

¹ Этимологические корни адресованной американским военнослужащим номинации *GI* восходят к событиям Второй мировой войны. Впервые словоупотребление аббревиатуры *GI*, образованной от *government issue* (досл. казенного образца, военное имущество), было зафиксировано в 1943 г. По всей вероятности, наименование *GI* произошло от шутливого суждения о том, что сами военные являются продуктом жизнедеятельности государства [Dickson, 2003: 163–164]. Наиболее часто упомянутое сокращение использовалось «в связи с предметами обмундирования и снаряжения рядовых солдат. Отсюда перенос названия для обозначения солдата и всего относящегося к его жизни обычно в ироническом смысле» [Судзиловский, 1983: 120–121].

на речевую деятельность человека в совокупности с ее экстралингвистическим контекстом, а также актуализация коммуникативно-прагматического аспекта изучения языка привели к тому, что феномены, ранее находившиеся на периферии лингвистической науки, все чаще становятся объектом научного внимания. К числу подобных феноменов, на наш взгляд, могут быть отнесены клишированные речевые формулы, отражающие ключевые концепты воинских формирований армии США. Объектом научных изысканий избран армейский идиом *GI*, воплощающий в знаках языка и символике темпорально резистентные стереотипизированные репрезентации имиджа вооруженных сил США (далее – ВС США), а также морального облика референтного носителя армейской субкультуры. Акцент исследования делается на феномене стереотипизации в контексте армейского языкового коллектива. Предмет научных изысканий составляют девизы родов войск и видов вооруженных сил США, отражающие аксиологическое ядро социально-профессиональной среды военнослужащих. Наряду с единицами фразеологического массива, социокультурного диалекта, армейскими вербовочными слоганами, текстами прецедентного жанра, армейскими строевыми песнями и т. д. (Романов 2017), к языковым средствам и речевым формам экспликации этностереотипов армейской субкультуры США, бесспорно, относится и армейский девиз. Целью настоящей работы ставится описание морально-этических императивов армейского языкового коллектива *GI* на материале клишированных речевых формул девизов воинских формирований ВС США.

К определению понятия «субкультура»

Диалектическая взаимообусловленность языка и культуры находит свое выражение в том, что язык несет на себе отпечаток материально-духовной деятельности той или иной этнической общности. Язык как семиотическая система восприятия и категоризации/сегментации окружающей действительности, как средство коммуникации и хранения фрагментов социального опыта отражает условия жизни носителей данного языка. Языковой код вербализует духовные манифестации национально-культурной самобытности народа. По Ю.Н. Караулову, «современные представления о языке как объекте языкознания покоятся на четырех китах, на четырех фундаментальных его свойствах – исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [Караулов 2010: 15].

Многообразие культурных тенденций лучше всего прослеживается на примере концепции субкультур, составляющей представление о нормах, ценностях, идеалах различных социокультурных общностей. Под субкультурой, согласно П.С. Гуревичу, понимается суверенное целостное образование внутри господствующей (магистральной) культуры, обладающее самобытной системой ценностных ориентиров, собственными обычаями и нормами, кодексом поведения. Субкультурным общностям присущи автономность и герметичность. «Внутри различных обществ, групп рождаются специфические культурные феномены. Они закрепляются в особых чертах поведения людей, сознания, языка. По отношению к субкультурным явлениям возникла характеристика особой ментальности как специфической настроенности определенных групп» [Гуревич 1998: 236–237].

Иной точки зрения придерживается Т.Б. Щепанская. Порождающая этническая или национальная культура, в отличие от субкультурных социальных образований, обладает свойством самодостаточности. Субкультуры же, «неспособны к полностью

автономному самовоспроизводству, используют коды своей культуры, из которых заимствуют символы, несколько их трансформируя и перекодируя» [Щепанская 2004: 28–29]. Всякая субкультурная общность соотносит или противопоставляет собственные представления о норме и системе ценностных координат по отношению к материнской культуре. Социум, по мысли Т.Б. Щепанской, понимается как мультикультурное образование, объединяющее под своим началом соседствующие «культурные среды – нормативные и знаковые комплексы». Наряду с понятием субкультуры в научном обиходе выделяют концепцию «образа жизни», соотносимую с особенностями стратегий потребления общественных групп, и концепцию социальной стратификации, постулирующую утверждение, согласно которому культурная дифференциация выступает условием доступа к различным ресурсам, уровням и стилям потребления. Вслед за Т.Б. Щепанской к характерным проявлениям (вербальным и невербальным), составляющим идентичность той или иной субкультурной общности, мы относим: 1. общность менталитета, символики, лингвокультурного кода; 2. общность обычаев, ритуалов, норм, моделей и стереотипов поведения; 3. общность носителя культуры и ее порождающей среды [Там же].

По мнению Т.Г. Грушевицкой и А.П. Садохина, субкультуры представляют собой крупные составные части целостных локальных культур (этнических, национальных, социальных) и характеризуются определенной местной спецификой тех или иных черт. В отдельных аспектах субкультуры отличаются от господствующей культуры, но в главных ее детерминантах согласуются с ней [Грушевицкая, Садохин 2010: 13].

Военный социум и армейская субкультура GI

В рамках настоящего исследования нас интересует собственно армейский языковой коллектив США и его самобытные лингвокультурные артефакты, воплощенные в «речевом паспорте» GI.

Под воинским социумом, согласно И.А. Липскому, понимается социальное пространство жизненной активности военнослужащих, членов их семей, гражданского населения военных гарнизонов, городков и воинских частей. Военный социум есть устойчивая социальная общность, объединенная местом и условиями жизнедеятельности, спецификой воинского труда и быта [Липский 1998: 86].

В.А. Митрахович определяет военный социум как неотъемлемую часть общества, исторически сложившуюся устойчивую общность. Военный социум – «объединение людей, выполняющих общественно значимые социальные функции, имеющих корпоративные интересы, своеобразную культуру отношений и поведения, специфику нравственных, патриотических императивов и духовных ценностей, обусловленных профессиональной ролью защитника Отечества» [Митрахович 2009: 96]. Военный социум представляет собой исторически сложившуюся форму организации совместной жизнедеятельности, возникшую «как объективная потребность в передаче новым поколениям социального опыта вооруженной борьбы и воспитания социально зрелой личности воина» [Там же].

Социально-профессиональная группа военнослужащих определяется прежде всего онтологическим предназначением и самобытностью культурного наследия, особой ментальностью, историей, традициями, символикой, военным подязыком, стандартами вербального и невербального поведения. Военный подязык, по В.П. Коровушкину, интерпретируется как «совокупность фонетических, грамматических и лексических средств национального языка, обслуживающих речевое общение воен-

ного социума» [Коровушкин 2003: 57]. Коммуникативные потребности военного социума как единства военно-профессиональной и военно-корпоративной деятельности военнослужащих обслуживаются системой общих и специальных понятий.

Военный социум понимается нами как устойчивое социальное образование, характеризуемое единством правовых основ регламентации профессиональной деятельности, общественно значимых социальных функций, культурно-исторического наследия, менталитета, идиома и аксиологических ориентаций, условий жизненного уклада. Военному социуму присущи историческая преемственность, традиционность (принято различать, например, боевые традиции, традиции обучения, воспитания, воинского быта), ритуальность, институциональность, субкультурная самобытность. Военный социум представляет собой континуум и объединяет предшествующие, нынешние и грядущие поколения военнослужащих, членов их семей, гражданских служащих вооруженных сил. Ядро гетерогенного по своему составу военного социума составляет армейская (военная) субкультура, наделенная государством социально значимой функцией вооруженного насилия. Армейская субкультура – относительно автономная нормативно-семиотическая социокультурная среда в составе порождающей культуры. Армейская субкультурная общность характеризуется профессионально обусловленными картиной мира, символическим языком, системой морально-нравственных императивов, норм и традиций. Согласно боевому уставу ВС США *the Warrior Ethos and Soldier Combat Skills*, «воинская культура осмысливается как совокупность значимых суждений и ценностей. <...> Этический кодекс *GI* призван объединить сегодняшних американских военнослужащих с теми, кто отдал свои жизни во имя процветания США. Личное мужество, преданность братьям по оружию, верность долгу выступают отличительными признаками концепции воинства» [FM 3-21.75 2008: 21]².

Культурное наследие всякой социальной общности обнаруживает резистентность к темпорально обусловленной аксиологической энтропии лишь при условии преемственности накопленного социально-исторического опыта. Однако культурная память этноса не может передаваться генетически. Все знания, умения, навыки, модели поведения, традиции и обычаи живут в рамках культуры как сложной семиотической системы, регламентирующей поведение индивида в обществе. Межпоколенная эстафета социально значимого опыта подобна основному инстинкту самосохранения, присущего, по мысли З. Фрейда, всякому живому организму. Прекращение диалога поколений, в основе которого лежит трансляция опыта взаимодействия человека с внешним миром, грозит утратой национального самосознания, исторической памяти, идентичности. Сказанное позволяет заключить, что межпоколенный диалог, обеспечивающий стабильность и жизнеспособность этнокультурных систем, есть объективная, закономерная и необходимая потребность социальных сущностей. Одним из механизмов передачи социального опыта мыслится социально-психологический феномен стереотипизации. Наряду с когнитивной, ценностно-защитной, регулятивной, прогнозирующей, аффективной, компенсаторной и коммуникативной функциями, стереотипы наделены функцией аксиологической ретрансляции. В контексте армейской языковой стихии феномен стереотипизации выступает средством экспансии духовных ценностей субкультурной среды *GI* в диахроническом и синхроническом разрезах [Романов 2017: 122–123]. Полагаем, что устойчивые речевые формулы, определяемые нами как

---

² Перевод здесь и далее по тексту наш – А.Р.

девизы родов войск и видов вооруженных сил США, обнаруживают свойство стереотипогенности и с достаточным основанием могут быть отнесены к категории языковых средств и речевых форм экспликации этностереотипов армейской субкультуры.

В понятийных категориях лингвокультурологии термин «экспликация» (от лат. *explicatio* – истолкование, объяснение) соотносится с интерпретацией семантики стереотипа, выявлением его этимологических истоков, определением семантического диапазона и вариантов употребления. Под стереотипогенным потенциалом отдельно взятой содержательно-смысловой единицы языка (речи) понимается категория, план содержания которой отражает потенцию к имплицитной или эксплицитной трансляции оценок, свойств, характеристик как неизменно сопутствующих тому или иному объекту действительности. Отметим, что когнитивные процессы стереотипизации и категоризации как фундаментальные свойства человеческого сознания, обращенные вовне, не тождественны друг другу. Стереотипы возникают тогда, когда из всего многообразия свойств и характеристик стереотипизируемого объекта вычленяется лишь ограниченный набор характеристик: реальных или воображаемых. Обнаруживающая свойство стереотипогенности лексема, словосочетание или прецедентный феномен апеллирует в процессе коммуникации не собственно к денотату, а к совокупности ассоциируемых с денотатом дифференциальных признаков.

Девизы видов вооруженных сил и родов войск США

Как уже было упомянуто ранее, армейская субкультурная среда GI пользуется особым языковым кодом. Важную роль в многообразии палитры армейского идиома играют устойчивые обороты речи, дающие добротный материал для лингвокультурологического анализа. Девизы воинских формирований относятся к текстовым произведениям официоза и выступают частной формой реализации армейских клише. Под последними понимаются ригидные языковые формулы, характеризующиеся высокой воспроизводимостью в типичных условиях речевого общения членов армейского языкового коллектива.

Согласно «Словарю лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, клише (англ. *cliché*, *stereotyped expression*, фр. *cliché*, нем. *Klischee*, *feste Wendung*, исп. *cliché*, *frase estereotipada*) представляет собой шаблонное, стереотипное выражение, подлежащее механическому воспроизведению в типичных речевых оборотах и бытовых контекстах, либо в определенном литературном направлении, диалекте и т. п. [СЛТ Ахманова 1969: 197].

Т.Г. Винокур определяет речевой штамп (от итал. *stampa* – печать) или клише как стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей определенной лингвокультурной общности как «готовый к употреблению» знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную или образную нагрузку. При условии частого и регулярного употребления штампом может стать любая структурная и содержательно-смысловая единица языка (речи) – слово и словосочетание, предложение или целостное высказывание (афоризм, пословица, поговорка, частое высказывание), лозунг, профессиональный речевой оборот, троп или фигура речи и т. п. [БЭЯ Винокур 1998: 588–589].

Согласно «Большому толковому словарю русского языка», под девизом (франц. *devise*) понимается лаконичное изречение или слово, в котором выражается руководящая идея поведения или деятельности кого-либо. В геральдике девиз представляет собой краткую надпись на гербе или щите [БТС 2000: 244]. Аналогичное определение

находим и в «Большой советской энциклопедии»: девиз – краткое изречение, выражающее руководящую идею, цель, программу действий [БСЭ Т. 13, 1950: 532].

Представляется, что понятия «девиз» и «слоган» в своем содержательном плане, если и не тождественны, то, по меньшей мере, близки друг другу и выступают частными формами реализации клише, обнаруживающему родовые признаки. В «Словаре иностранных слов» под редакцией Н.Г. Комлева находим следующее толкование слогана. Слоган (англ. *slogan* – лозунг, девиз): 1. короткий лозунг, выражающий какой-либо взгляд или представляющий рекламу товара; сжатая, ясная и легко воспринимаемая формулировка рекламной идеи. 2. шаблонный речевой оборот, банальное лозунговое клише, шумная фраза [<http://www.inslov.ru>].

Под слоганом Т.К. О’Гинн, К. Томас, К.Т. Аллен и Р.Дж. Семеник понимают короткую фразу, на основе которой какая-либо организация формирует в сознании людей образы, представления и стереотипы идентичности с целью повышения узнаваемости данной организации. Кампания по набору рекрутов в вооруженные силы США имеет почти столетнюю историю и понимается как совокупность рекламных технологий. Цель кампании – привлечение молодежи на военную службу и повышение ее престижа. Сам же институт вооруженных сил рассматривается как некий бренд. Слоган выступает в качестве сокращенной идентификации либо бренда как такового (вооруженных сил США), либо составляющих его кластеров (родов войск и видов вооруженных сил США). Слоган может также транслировать информацию о положительных свойствах, присущих военнослужащим данного воинского формирования, подчеркивать его исключительность и элитарность [O’Guinn, Thomas, Allen, Semenik 2000: 380].

Подчеркнем, что понятия имиджа и образа не тождественны друг другу. Имидж (англ. *image*, от лат. *imago* – образ, вид) представляет собой целенаправленно формируемый образ того или иного объекта действительности, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на целевую аудиторию, в целях его популяризации, рекламы и т. п. Имидж, по И.В. Сидорской, конструируется в соответствии с четко сформулированными целями, по определенным программам, с применением соответствующих технологий [Сидорская 2015: 66]. Через посредство слогана каждый род войск ВС США проецирует определенный имидж. Так, например, элитные подразделения Корпуса морской пехоты всегда ассоциировались с героическим нарративом, боевыми действиями на передовой, отвагой, мужеством, идеей исключительности братства морских пехотинцев. Поясним сказанное на примерах: “*Smack ‘Em Down! US Marines*”, “*Want Action? Join U.S. Marine Corps!*”, “*We’re Looking for a Few Good Men*” и “*The Few, the Proud, the Marines*”, “*We Don’t Promise You a Rose Garden*”, “*The Marine Corps Builds Men*” [<https://www.warethemighty.com>], [Романов, 2017: 104]. Приведенные вербовочные слоганы эксплицируют сему элитарности, принадлежности морских пехотинцев к особой касте военнослужащих ВС США.

Далее мы предлагаем обратиться к анализу воинских девизов ВС США, отражающих автостереотипы армейского языкового коллектива. Напомним, что по принадлежности субъекта стереотипизации к определенной социальной общности принято различать автостереотипы и гетеростереотипы. Для автостереотипов характерна тенденция к закреплению положительных или нейтральных антропологических, интеллектуальных, культурных, поведенческих и иных примет собственной национальной (этнической) общности или ее конкретных социальных групп [Крысько 2008: 75]. Представляется важным сделать оговорку о том, что в рамках настоящего исследова-

ния понятие автостереотипа соотносится с саморефлексией членов социально-профессиональной среды военнослужащих.

В настоящее время организационно-штатная структура ВС США представлена пятью самостоятельными видами вооруженных сил: сухопутными войсками (*U.S. Army*), военно-морскими силами (*U.S. Navy*), военно-воздушными силами (*U.S. Air Force*), морской пехотой (*U.S. Marine Corps*) и береговой охраной (*U.S. Coast Guard*). Национальная гвардия армии США выступает организованным резервом сухопутных войск и военно-воздушных сил США, который может быть задействован в чрезвычайных ситуациях губернаторами штатов для ликвидации последствий стихийных бедствий, поддержания правопорядка и др. Кроме того, в 2018 г. президентом США Д. Трампом было анонсировано решение о формировании шестого вида вооруженных сил – космических войск.

1. Сухопутные войска (СВ) были учреждены 14 июня 1775 г. Основное назначение СВ – ведение наземных боевых действий по всему спектру военных операций. Сухопутные войска включают в себя три основных компонента: регулярные сухопутные войска (*Regular Army*), Национальную гвардию сухопутных войск (*Army National Guard*) и резерв сухопутных войск (*Army Reserve*). В настоящее время в состав СВ США входят следующие рода войск:

1. Боевые рода войск (*combat arms*) – пехота (*Infantry*), артиллерия ПВО (*Air Defense Artillery*), полевая артиллерия (*Field Artillery*), бронетанковые войска (*Armor*), армейская авиация (*Army Aviation*), инженерные войска (*Corps of Engineers*);

2. Рода войск боевой поддержки и непосредственного обеспечения боевых действий (*combat support arms*) – войска связи (*Signal Corps*), военная полиция (*Military Police*), химические войска (*Chemical Corps*), военная разведка и РЭБ (*Military Intelligence*);

3. Рода войск тылового обеспечения (*combat service support*) – генерал-адъютантская служба (*Adjutant General's Corps*), финансовая служба (*Finance Corps*), транспортная служба (*Transport Corps*), медицинская служба (*Medical Corps*) и др. [Шевчук 2016: 127, 130].

Ядро этоса как совокупности моральных императивов названного вида вооруженных сил составляют следующие ключевые концепты: *loyalty, duty, respect, selfless service, honor, integrity and personal courage* – преданность, долг, уважение, беззаветная служба, честь, сплоченность и личное мужество.

Официальным девизом СВ вооруженных сил США выступает лаконичное “*This we'll defend*”. Дословный перевод изречения не дает ответа на вопрос о том, что же подразумевается под указательным местоимением *this*. В чем заключается имплицитный посыл девиза? Степень понимания коннотативного содержания минимального текстового фрагмента напрямую зависит от фоновых знаний интерпретатора, тесно перекликающихся с культурно-историческим контекстом и глубиной герменевтического анализа.

Основное предназначение Континентальной армии США, сформированной в июне 1775 г., заключалось прежде всего в поддержке национально-освободительного движения и защите американских поселений от колониального гнета Британской короны, о чем свидетельствует приводимая ниже цитата Дж. Вашингтона: “*The Army of the United Colonies, and of all the forces now raised, or to be raised, by them, and of all others who shall voluntarily offer their service, and join the said Army for the Defence of American*”

liberty, and for repelling every hostile invasion thereof” [<http://www.loc.gov>]. Импликация девиза заключается в том, что военнослужащие призваны защищать свободу и американский образ жизни, выступающие ключевыми ценностными категориями американской нации (Odierno 2012). На основе приведенного изречения в сознании реципиента выстраивается милитарная метафорическая модель *U.S. Soldier – Defender of Freedom and American Way of Life*. Именно поэтому официальный девиз СВ США подлежит переосмыслению: “*This we’ll defend*” – «На страже свободы США» [Engel 2015].

Воинский девиз есть не что иное, как воплощенная в знаках языка манифестация субкультурной общности армейского языкового коллектива. В качестве иллюстративного материала приведем следующие девизы боевых соединений регулярных СВ (дивизии, отдельные бригады, полки), эксплицирующие систему ценностных ориентаций *GI*. “*Duty, Honour, Country*” – «Долг, Честь, Отечество» (U.S. Military Academy at West Point), “*All the Way!*” – «От начала и до конца!» (82nd Airborne Division), “*Rendezvous with Destiny*” (“*Ne desit Virtus*”) – «Рандеву с судьбой» (101st Airborne Division), “*Climb to Glory*” – «Восхождение к славе» (10th Mountain Division), “*If not US, Who? If not Now, When?*” – «Если не Мы, то Кто? Если не Сейчас, то Когда?» (173rd Airborne Brigade), “*Iron soldiers!*” – «Железные воины!» (1st Armored Division), “*No Mission Too Difficult, No Sacrifice Too Great – Mission First!*” – «Не бывает невыполнимых задач, не бывает слишком больших жертв, боевая задача превыше всего!», “*Duty First, First to Fight*” – «Долг превыше всего, первыми в бой» (1st Infantry Division), “*Steadfast and Loyal*” – «Непреклонные и верные» (4th Infantry Division), “*Ready to Strike, Anytime, Anywhere*” – «К бою готовы в любое время и в любом месте» (2nd Cavalry Regiment), “*Facta Non Verba*” (“*Deeds, not Words*”) – «Не словом, но делом» (143rd Field Artillery Regiment), “*Hell on Wheels*” – «Преисподняя на колесах» (2nd Armored Division), “*Leadership and Integrity*” – «Лидерство и сплоченность» (4th US Army), “*De oppresso liber*” (“*To free the oppressed*”) – «Освободить угнетенных» (U.S. Army Special Forces) [<http://www.military-quotes.com>], [<https://www.wearethemighty.com>], [Шевчук 2016: 137–138]. Семантическое ядро приведенных девизов родов войск и видов вооруженных сил США, пронизанных духом самоотречения ради всеобщего национального процветания, может быть интерпретировано следующим образом: военная служба – величайшая честь и наивысшая форма проявления любви к Отечеству.

2. Военно-морские силы (ВМС) были сформированы 13 октября 1775 г. для решения оперативных и стратегических задач на морских и океанских ТВД. ВМС США являются универсальным видом вооруженных сил, предназначенным для решения различных задач стратегического или оперативного масштаба. Военно-морские силы США включают в себя флот, авиацию и морскую пехоту. ВМС США сводятся в Атлантический и Тихоокеанский флоты, имеющие в своем составе подводные, надводные и воздушные силы, силы морской пехоты, а также береговые командования центрального подчинения и межфлотские командования [Шевчук 2016: 253].

Ключевые ценности ВМС включают: *honor, courage and commitment* – честь, отвага, преданность. Официальным девизом выступает латинское “*Semper Fortis*” (“*Ever Strong*”) – «Всегда сильны». Неофициальный слоган вышеупомянутого вида вооруженных сил также восходит к латыни: “*Non Sibi ed Patriae*” (*Not for self but for country*) – «Не для себя, Отчизны ради» [<https://www.reference.com>]. Обратимся к примерам армейских девизов ВМС США. “*The Only Easy Day was Yesterday*” – «Единственный легкий день был вчера» (U.S. Navy SEALs), “*Potius Mori Quam Foedar*” (*Death*

Before Dishonor) – «Лучше смерть, чем позор» (Massachusetts Maritime Academy Honor Guard), “*So Others May Live*” – «**Чтобы другие могли жить**» (U.S. NAVY Search and Rescue (SAR), “*In God We Trust. All Other We Monitor.*” – «**На Господа уповаем. Но остаемся всегда начеку**» (Naval Intelligence) [<http://www.military-quotes.com>].

3. Военно-воздушные силы (ВВС), учрежденные 18 сентября 1947 г., предназначены для обеспечения национальной безопасности в воздухе, в космосе и в киберпространстве. В своем составе ВВС США имеют 10 командований – 8 целевых и 2 территориальных и Национальную гвардию ВВС. Военно-воздушные силы США включают следующие рода войск: бомбардировочную авиацию, штурмовую авиацию, истребительную авиацию, разведывательную авиацию, военно-транспортную авиацию, авиацию специального назначения [Шевчук 2016: 269].

Основными моральными императивами американских ВВС выступают следующие ключевые концепты: *integrity first, service before self and excellence in all we do* – приоритет сплоченности воинского коллектива, главенство воинского долга перед личными интересами, превосходство во всем.

Официальным девизом ВВС США, имеющим вокативно-ответную структуру, выступает “*Aim High... / Response: Fly-Fight-Win*” – «Ставить перед собой высокие цели... / Ответ: Летать, сражаться, побеждать». Перед нами двухсоставная речевая формула, в первом компоненте которой реализован призыв, а во втором – отражена готовность американских летчиков к исполнению воинского долга [<http://www.af.mil>]. В качестве иллюстративного материала послужат следующие армейские девизы ВВС США. “*Libertatem Defendimus*” (“*Liberty We Defend*”) – «**На страже свободы**» (2nd Bomber Wing (2nd BW)), “*Mors Ab Alto*” (“*Death From Above*”) – «**Пазящие небеса**» (7th Bomber Wing (7th BW)), “*Semper Paratus*” (“*Always Prepared*”) – «**Всегда во всеоружии**» (9th Reconnaissance Wing (9th RW)), “*Aut Vincere Aut Mors*” (“*Win or Die*”) – «**Одержат победу или пасть в бою**» (1st Fighter Wing (1st FW)).

4. Морская пехота (МП) как вид вооруженных сил была сформирована 10 ноября 1775 г. и предназначена для проведения десантных операций и ведения боевых действий в приморской зоне. Морская пехота представляет собой силы передового базирования ВС США, способные не только высаживаться и закрепляться в районе десантирования, но и самостоятельно вести боевые действия не крупного масштаба в рамках операций по подавлению действий повстанцев, контртеррористических операций [Шевчук 2016: 298–299].

МП разделяет те же фундаментальные ценности, что и ВМС. Официальный девиз МП – “*Semper Fidelis*”/“*Semper Fi*” (“*Ever Faithful*”) – «**Всегда верны**». Упомянутый слоган Морской пехоты ассоциируется с абсолютной приверженностью морских пехотинцев идеалам Корпуса и верностью стране даже после ухода в отставку [Engel 2015], [Redmond et al. 2013: 11], [<http://www.military-quotes.com>]. Обратимся к иллюстративному материалу. “*Make Peace or Die*” – «Установить мир или погибнуть» (1st Battalion, 5th Marines), “*Strike for Freedom*” – «В бой во имя свободы» (3rd Corps Artillery), “*Whatever it Takes*” – «Чего бы это ни стоило» (1st Battalion, 4th Marines) [<http://www.military-quotes.com>], [<https://www.wereathemighty.com>].

5. Береговая охрана (БО) была сформирована 4 августа 1790 г. и представляет собой военную службу, ответственную за соблюдение федерального законодательства и обеспечение безопасной навигации судов как в открытом море, так и во внутренних водах США. Береговая охрана играет роль морского правоохранительного ведомства,

юрисдикция которого распространяется как на внутренние, так и международные воды. В правоохранительной роли БО США препятствует нелегальной миграции, контрабанде наркотиков, обеспечивает безопасность портов, судоходных путей и береговой инфраструктуры. Кроме того, Береговая охрана обеспечивает безопасность морских рубежей США, проводит поисково-спасательные операции на море и занимается обслуживанием речных, береговых и морских навигационных средств [Шевчук 2016: 310].

Система аксиологических доминант упомянутого вида войск включает: *honor, respect and devotion to duty* – честь, уважение и верность долгу. Официальным девизом Береговой охраны является “*Semper Paratus*” (“*Ever Ready*”) – «**Всегда готовы**» [Redmond et al. 2013: 1], [<http://www.military-quotes.com>].

Заключение

Приведенный языковой материал, на наш взгляд, позволяет зафиксировать ключевые ценностные ориентиры военнослужащих США и убедительно подкрепляет выдвигаемый нами тезис о наличии стереотипогенного потенциала в клишированных оборотах речи. Воинские девизы, таким образом, с достаточным основанием могут быть отнесены к категории продуктивных языковых средств экспликации стереотипов армейской социально-профессиональной среды. Отметим, что для клишированных речевых формул характерно широкое употребление латыни. По-видимому, латынь несет на себе функцию означивания принадлежности к высоким традициям христианских ценностей, уходящих корнями в христианскую культуру. Обращение к латыни свидетельствует о высоком стиле устойчивых речевых формул армейского официоза. Коннотативный компонент армейских девизов апеллирует к культурно-историческому наследию социально-профессиональной среды *GI* и требует эксплицитного развертывания системы смыслов, остающихся вне поля зрения человека непосвященного. Отличительными свойствами девизов выступают семантическая имплицитность, вокативность, лаконичность, метафоричность, широкое использование латинизмов, стереотипогенность. Воинские девизы ВС США отражают упрощенные представления массового сознания носителя англосаксонской лингвокультуры о ментальности, идеалах, морально-нравственных ориентациях субкультурной общности *GI*.

Лингвокультурологический анализ девизов родов войск и видов вооруженных сил США позволяет объективировать национальную культуру через язык и текстовые произведения, а также запечатлеть своеобразие армейского идиома в аспекте генезиса и функционирования культуры. Взаимодействие языков и культур, заключает Б.Л. Бойко, предполагает знание противоположной стороны. «Это знание приобретается в ходе освоения всего того, что имеется в предметах культуры, фольклоре, реалиях повседневной жизни народа, наконец, в текстах письменных и устных <...>» [Бойко 2008: 67].

Литература

- Бойко Б.Л. Основы теории социально-групповых диалектов: монография / Б.Л. Бойко. М.: Военный университет, 2008. 184 с.
- Винокур Т.Г. Речевой штамп // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская Энциклопедия, 1998. 685 с.
- Большой энциклопедический словарь. Языковедение / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2 изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Спб., Норинт, 2000. 1536 с.

Большая Советская Энциклопедия: в 50 т. / гл. ред. С.И. Вавилов. 2-е изд. Т. 13. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1950.

Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П. Культурология. Учебник. М.: Unity, 2010. 686 с.

Гуревич П.С. Культурология. XX век: энциклопедия в 2 т. Т.2. СПб.: Университетская книга; Алетей, 1998. 447 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 246 с.

Коровушкин В.П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) // Вестник ОГУ. № 4. 2003. С. 53–59.

Крысько В.Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.Г. Крысько. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2008. 320 с.

Липский И.А. Военно-социальная работа на уровне человека // Армия и общество. 1998. № 1. С. 84–95.

Митрахович В.А. Научно-педагогические характеристики военного социума // Образование и наука. 2009. № 7 (64). С. 95–103.

Романов А.С. Речевые клише армейской субкультуры США в контексте этнокультурной стереотипизации // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2017. 3(33). С. 122–135

Романов А.С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография / А. С. Романов. М.: Военный университет, 2017. 231 с.

Сидорская И.В. «Образ» или «имидж» страны: что репрезентируют СМИ // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики, 2015 г. / Сост. Л.А. Капитанова, В.В. Фролов. Псков: Псковский государственный университет, 2015. С. 64–84.

Словарь лингвистических терминов / ред.-сост. О.С Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

Судзиловский Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г.А. Судзиловский. М.: Воениздат, 1973. 182 с.

Шевчук В.Н. Справочник военного переводчика. Спб.: Русь, 2016. 400 с.

Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т.Б. Щепанская. М.:ОГИ, 2004. 286.

Allport G.W. (1954). The Nature of Prejudice / G.W. Allport. Reading, MA: Addison-Wesley. 350.

Af.mil. U.S. Air Force [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.af.mil/News/ArticleDisplay/tabid/223/Article/115367/aim-high-fly-fight-win-to-be-air-force-motto.aspx> (дата обращения: 14.06.18).

Dickson P. War Slang : America fighting words and phrases since the Civil War / P. Dickson. – 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.

Engel R. The brief history of each branch's motto [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.military1.com/military-lifestyle/article/1553206014-the-brief-history-of-each-branches-mott/> (дата обращения: 12.05.18).

Loc.gov [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.loc.gov/teachers/classroommaterials/presentationsandactivities/presentations/timeline/amrev/contarmy/drafts.html> (дата обращения: 20.05.18).

Military-quotes.com [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.militaryquotes.com/mottos/US%20Army%20and%20Corps.htm> (дата обращения: 10.06.18).

Odierno R. Armylive.dodlive.mil [Электронный ресурс]. – URL: <http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/> (дата обращения: 18.04.18).

O'Guinn T.C., Thomas C., Allen C.T., Semenik R.J. Advertising (2nd edition) / T.C. 'Guinn, C. Thomas, C.T. Allen, R.J. Semenik. – Cincinnati, OH: International Thomson Press/South-Western Publishing, 2000.

Redmond S.A. et al. (2013). A brief introduction to the military workplace culture. Wilcox S.L., Campbell S., Kim A., Finney K., Barr K. Hassan A.M. LA,CA, USA, 20. [Электронный ресурс]. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/2dec/8a2c61dd8ee3330c6c31583dbfc4b3fd5652.pdf> (дата обращения: 05.09.18).

The Warrior Ethos and Soldier Combat Skills. FM 3-21.75 (FM 21-75). Headquarters Department of the Army Washington, DC, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/3-21-75/fm3-21-75.pdf> (дата обращения: 20.06.18).

Reference.com. What is the US Navy's Motto? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reference.com/government-politics/navy-s-motto-1f79eb1a6bff720a> (дата обращения: 11.04.18)

We are the mighty.com. 19 of the coolest military unit mottos [Электронный ресурс]. – URL: – Режим доступа: <https://www.wearthemighty.com/articles/military-mottos> (дата обращения: 20.06.18).

THE GI AIXIOLOGICAL REFERENCE SYSTEM REFLECTED THROUGH MOTTOES OF THE U.S. ARMED FORCES' SERVICES AND BRANCHES

Alexander S. Romanov

PhD in philology, doctoral degree candidate

32nd Department of English Language

Military University

Russian Federation Defense Ministry

Volochaevskaya str., bld. 3/4, Moscow, Russia, 111033

biyalka@mail.ru

The current research investigates the nature of relations between phenomena of ethnos, culture, and language. The object embraces stereotypical representations of certain aspects of the social institution of the U.S. Armed Forces and the army subcultural milieu, which prevail in native speakers' mass linguistic consciousness. The subject of this paper dwells on the U.S. Armed Forces services and branches *mottos* seen as a productive language tool for explicating ethnic stereotypes of the military subculture. Imbued with the spirit of cohesion and patriotism, army mottos are a means to display belonging to a particular unit. Vested

with the function of axiological retransmission, mottos of military units make up an essential part of the army idiom and contribute to shaping and reinforcing stereotypes of the collective consciousness. Obviously, slogans belong to the complex of language artefacts reflecting GI's dominant values, behavioral patterns, world outlook and the sphere of concepts. Thus, the military motto is comprehended as a stereotypogenic language tool intended to manifest values and corporate ethics of the U.S. military.

Keywords: U.S. Armed Forces, military subculture, GI, stereotyping, stereotype, linguistic means and forms for explicating ethnic stereotypes, military motto, mottos of the U.S. Armed Forces services and branches

References

Bojko B.L. (2008) *Osnovy teorii social'no-gruppovyh dialektov: monografiya* / B.L. Bojko [Fundamentals of the Theory of Social Group Dialects: Monograph / B.L. Bojko]. M.: Voennyj universitet. 184 P. (In Russian)

Vinokur T.G. (1998) *Rechevoj shtamp // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva [Cliché // Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ed.-in-chief V.N. Yartseva].* M.: Sovetskaya Enciklopediya. 685 P. (In Russian)

Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. Yazykoznanie (1998) / Gl. red. V.N. Yarceva [Great Encyclopedic Dictionary. Linguistics / Ed.-in-chief V.N. Yartseva]. 2 izd. M.: Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya. 685 P. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka (2000) / sost. i gl. red. S.A. Kuznecov [Great Explanatory Dictionary of the Russian language / Comp. and ed.-in-chief S.A. Kuznetsov]. Spb., Norint. 1536 P. (In Russian)

Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya: v 50 t. (1950) / gl. red. S.I. Vavilov [Great Soviet Encyclopedia: in 50 vol. / Ed.-in-chief S.I. Vavilov]. 2-e izd. T. 13. M.: Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya. (In Russian)

Grushevickaya T.G., Sadohin A.P. (2010) *Kul'turologiya. Uchebnik [Culturology. Textbook / T.G. Grushevickaya, A.P. Sadohin].* M.: Unity. 686 P. Print. (In Russian).

Gurevich P.S. (1998) *Kul'turologiya. XX vek: enciklopediya v 2 t. [Culturology. XX Century: encyclopedia in 2 vol. / P.S. Gurevich].* T.2. SPb.: Universitetskaya kniga; Aletej. 447 P. (In Russian)

Karaulov Yu.N. (2010) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian Language and Linguistic Identity / Y.N. Karaulov].* Izd. 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI. 246 P. (In Russian).

Korovushkin V.P. (2003) *Nestandartnaya leksika v anglijskom i russkom voennyh pod'yazykah (ponyatijnyj apparat socioleksikologicheskogo opisaniya) [Non-standard vocabulary in the English and Russian military sublanguages (the conceptual framework of the sociolexicological description)] // Vestnik OGU [OGU Letters] 4: 53–59.* (In Russian)

Krys'ko V.G. (2008) *Etnicheskaya psihologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij / V.G. Krys'ko [Ethnic psychology: textbook for students of higher educational institutions / V.G. Krys'ko].* 2-e izd., stereotip. M.: Akademiya. 320 P. (In Russian)

Lipskij I.A. (1998) *Voенно-social'naya rabota na urovne cheloveka [Human-Oriented Military-Social Work] // Armiya i obshchestvo. [Army and Society] 1: 84–95.* (In Russian)

Mitrahovich V.A. (2009) *Nauchno-pedagogicheskie harakteristiki voennogo sociuma [Scientific and pedagogical characteristics of military society] // Obrazovanie i nauka [Education and Science] 7 (64): 95–103.* (In Russian)

Romanov A.S. (2017) Rechevye klishe armejskoj subkul'tury SShA v kontekste etnokul'turnoj stereotipizacii [Speech clichés of the U.S. military subculture in the context of ethnocultural stereotyping] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 3(33): 122–135 M.: Institut yazykoznanija RAN. (In Russian)

Romanov A.S. (2017) Etnicheskie stereotipy armejskoj subkul'turnoj sredy SShA v znakah yazyka i kul'tury: monografiya / A.S. Romanov [Ethnic stereotypes of the U.S. military subcultural environment in signs of language and culture: monograph / A.S. Romanov]. M.: Voennyj universitet. 231 P. (In Russian)

Sidorskaya I.V. (2015) «Obraz» ili «imidzh» strany: chto reprezentiruyut SMI [“Picture” or “image” of the country: what is represented by the media] // *Aktual'nye problemy issledovaniya kommunikacionnyh aspektov PR-deyatel'nosti i zhurnalistiki* / Sost. L.A. Kapitanova, V.V. Frolov. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 64–84. (In Russian)

Slovar' lingvisticheskikh terminov (1969) / red.-sost. O.S. Ahmanova [The Dictionary of Linguistic Terms / ed. and compiled by O.S. Akhmanova.]. M.: Sovetskaya enciklopediya. 608 P. (In Russian).

Sudzilovskij G.A. (1973) Sleng – chto eto takoe? Anglijskaya prostorechnaya voennaya leksika [Slang – what is it? English military colloquialisms]. M.: Voenizdat. 182 P. (In Russian)

Shevchuk V.N. (2016) Spravochnik voennogo perevodchika [Military Interpreter's Reference Book / V.N. Shevchuk]. Spb.: Rus'. 400 P. (In Russian)

Shchepanskaya T.B. (2004) Sistema: teksty i tradicii subkul'tury [System: subcultural texts and traditions] M.: OGI. 286 P. Print. (In Russian)

Allport G.W. (1954). *The Nature of Prejudice* / G.W. Allport. Reading, MA: Addison-Wesley. 350 P.

Af.mil. U.S. Air Force. URL: <http://www.af.mil/News/ArticleDisplay/tabid/223/Article/115367/aim-high-fly-fight-win-to-be-air-force-motto.aspx> (retrieval date: 14.06.18)

Dickson P. (2003) *War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War* / P. Dickson. – 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc. 428 P.

Engel R. The brief history of each branch's motto. URL: <https://www.military1.com/military-lifestyle/article/1553206014-the-brief-history-of-each-branches-motto/> (retrieval date: 12.05.18)

Loc.gov URL: <http://www.loc.gov/teachers/classroommaterials/presentationsandactivities/presentations/timeline/amrev/contarmy/drafts.html> (retrieval date: 20.05.18)

Military-quotes.com URL: <http://www.militaryquotes.com/mottos/US%20Army%20and%20Corps.htm> (retrieval date: 10.06.18)

Odierno R. Armylive.dodlive.mil URL: <http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/> (retrieval date: 18.04.18)

O'Guinn T.C., Thomas C., Allen C.T., Semenik R.J. (2000) *Advertising* (2nd edition) / T.C. O'Guinn, C. Thomas, C.T. Allen, R.J. Semenik. – Cincinnati, OH: International Thomson Press/South-Western Publishing.

Redmond S.A. et al. (2013). A brief introduction to the military workplace culture. Wilcox S.L., Campbell S., Kim A., Finney K., Barr K. Hassan A.M. LA, CA, USA, 20. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/2dec/8a2c61dd8ee3330c6c31583dbfc4b3fd5652.pdf> (retrieval date: 05.09.18).

The Warrior Ethos and Soldier Combat Skills. FM 3-21.75 (FM 21-75). Headquarters Department of the Army Washington, DC, 2008. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/army/fm/3-21-75/fm3-21-75.pdf> (retrieval date: 20.06.18).

Reference.com. What is the US Navy's Motto? URL: <https://www.reference.com/government-politics/navy-s-motto-1f79eb1a6bff720a> (retrieval date: 11.04.18)

We are the mighty.com. 19 of the coolest military unit mottos. URL: <https://www.wearthemighty.com/articles/military-mottos> (retrieval date: 20.06.18)

УДК 81-114.2 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-150-156

НЕВЕРБАЛИЗУЕМЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПОЛИФОНИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПРИ ПСИХОЗЕ

Шпильная Надежда Николаевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры общего
и русского языкознания
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
педагогический университет»
656031 Алтайский край, г. Барнаул,
ул. Молодежная, 55
venata85@mail.ru

В статье впервые представлен анализ языкового сознания носителя языка в состоянии психоза – глубокого патологического расстройства психики, сопровождающегося бредом, галлюцинациями больного, который может слышать определенные голоса. В работе акцент сделан на лингвистическом описании проблемы формирования невербализуемых высказываний, возникающих в языковом сознании носителя языка и вступающих в диалогические отношения с невербальным поведением языковой личности, ее внутренней или внешней речью. Предлагается такой принцип организации измененного состояния сознания называть полифоническим принципом организации языкового сознания.

В работе невербализуемые высказывания рассматриваются как продукт речемыслительной деятельности невербализуемой языковой личности. Невербализуемая языковая личность – это особый тип языковой личности. Она может быть представлена конкретной языковой личностью, знакомой реальной языковой личности, или неопределенной языковой личностью. В последнем случае неопределенная языковая личность не тождественна реальной языковой личности, хотя и совпадает с ней в субстанциональном статусе.

В исследовании представлена типология невербализуемых высказываний невербализуемой языковой личности по характеру актуализируемых в них коммуникативных интенций. Выделены и охарактеризованы два типа невербализуемых высказываний в зависимости от их иллюкутивной установки: высказывания, актуализирующие агрессивную иллюкутивную установку и тем самым стремление к конфликтному диалогу, и высказывания, актуализирующие неагрессивную иллюкутивную установку и тем самым стремление к кооперативному диалогу. В результате анализа языкового материала – записей больного психозом, фиксирующего 50 ситуаций проявления невербализуемых высказываний в его языковом сознании, – установлено, что невербализуемая языковая личность может выступать как в роли инициатора коммуникативного взаимодействия, так и в роли адресата сообщений, она комментирует либо действия носителя языка, либо его озвученные или внутренние реплики (мысли).

Ключевые слова: полифония, языковое сознание, измененное состояние сознания, невербализуемое высказывание

Полифонический принцип организации языкового сознания при психозе

Измененные состояния языкового сознания не раз становились предметом специальных психологических и лингвистических исследований. В собственно лингвистическом плане интерес представляет речь носителей языка с измененным состоянием сознания [Спивак 1985; 2000]. На современном этапе развития лингвистики измененных состояния сознания последние понимаются не только как способ приспособления сознания к изменениям внешних условий [Спивак 1985], но и как проявление основных типов нервно-психической патологии [Спивак 1996]. Однако в поле зрения лингвистов преимущественно оказываются трансперсональные состояния языкового сознания, которые либо вызываются искусственным путем, либо возникают спонтанно, либо вследствие применения психотехник [там же]. Нас же интересует измененное состояние языкового сознания как проявление нервно-психологической патологии. В статье представлен анализ измененного состояния языкового сознания при психозе.

Психоз – это глубокое патологическое расстройство психики, сопровождающееся бредом, галлюцинациями больного, который может слышать определенные голоса. В специальной медицинской литературе эти голоса относят к слуховым галлюцинациям, причины возникновения голосов до конца не известны и не изучены. Одна из гипотез заключается в предположении, согласно которому причиной возникновения голосов является активность зоны Вернике, отвечающей за активность мыслительного процесса языковой личности.

При психозе наблюдаются измененные состояния сознания, которые провоцируют нормальную речь носителя языка и в то же время актуализируют в его сознании невербализуемые высказывания, вступающие в диалог с внутренней речью или внешней вербальной речью языковой личности – носителем измененного состояния сознания – и принадлежащие либо неопределенной личности, либо конкретной личности, знакомой носителю языка (друзья, родители, высшие силы). Такой принцип организации языкового сознания будем называть полифоническим принципом, имея в виду актуализацию диалогических отношений между невербализуемой личностью¹ и создаваемыми ею высказываниями и высказываниями реальной языковой личности, представленными в формате внутренней или внешней речи. Такие выводы позволяют нам сделать записи больного психозом, который отмечает, что на его произносимые и непроизносимые реплики в ответ актуализируются невербализуемые высказывания, создаваемые в его языковом сознании, так как непроизносимые реплики никто не слышит, но голос на него реагирует. Другим проявлением психоза является появление голосов, принадлежащих конкретным людям, с которыми носитель языка знаком, или высшим силам. Записи больного психозом свидетельствуют о том, что и голоса реальных людей, и голоса высших сил, которые слышит реальная языковая личность, есть продукт измененного языкового сознания, то есть эти голоса – невербализуемые высказывания, порождаемые самим языковым сознанием реальной языковой личности. Так, например, в дневнике больного психозом есть одна запись, сделанная в психиатрической больнице, в этой записи говорится о том, что носитель языка разговаривал с Богом и Бог прокомментировал невербальную реакцию реальной языковой личности,

---

¹ Невербализуемая языковая личность может быть рассмотрена как особый тип языковой личности (см. также: [Оленев и др. 2016]).

которая подошла к другому пациенту и поправила одеяло на его кровати. Голос Бога сказал: «Ну зачем так-то, N (обратился по имени – Н. Ш.)».

В данной статье объектом рассмотрения является полифония языкового сознания при психозе. Термин «полифония» обозначает многоголосие. Он широко используется в литературоведении и в языкознании для обозначения диалога голосов в художественных текстах [Бахтин 1972; Кристева 2000] или в повседневных текстах (лично-ориентированных дискурсивных практиках) [Тубалова 2016]. В нашем исследовании данный термин будет использоваться для обозначения диалога невербализуемых голосов, наблюдаемых в языковом сознании при проявлениях психоза, с реальной языковой личностью. Уместным представляется высказывание Д.Л. Спивака, согласно которому при измененных состояниях языкового сознания «язык настолько прозрачно передает структуру мышления, что их можно легко установить на основе языка, не опасаясь искажений [Спивак 1986: 50]. В нашем случае диалогические высказывания, возникающие в результате коммуникативного взаимодействия невербализуемой личности и реальной личности, дают основание говорить о диалогической (полифонической) структуре мышления языковой личности как результате ее измененного языкового сознания. Материалом для анализа послужили записи больного психозом, фиксирующие невербализуемые высказывания, создаваемые в его языковом сознании в период заболевания. Общее количество ситуаций, спровоцировавших появление невербализуемых высказываний, составляет 50 единиц.

Невербализуемая личность и невербализуемые высказывания как результат ее речевого мышления

При психозе происходит расщепление языкового сознания (речевого мышления) языковой личности. Наблюдается явление полифонии, при котором осуществляется диалог между реальной языковой личностью и виртуальной, невербализуемой, языковой личностью как ипостаси реальной языковой личности. Эта личность вступает в коммуникацию с реальной языковой личностью, стремится реализовать различные коммуникативные намерения и, следовательно, актуализировать различные жанровые модели высказываний. Создаваемые ею невербализуемые высказывания характеризуются предикативностью, модальностью, прагматическим значением и коммуникативной перспективой.

Далее мы рассмотрим, какие коммуникативные намерения актуализирует невербализуемая языковая личность.

Невербализуемые высказывания с агрессивной иллокутивной установкой, в которых наблюдается проявление речевой агрессии, обнаруживаемое в использовании языковых средств для выражения враждебного отношения к действиям носителя языка и оскорбления его достоинства.

Данные высказывания представляют собой императивные высказывания с жесткой семантикой. Жесткие императивные высказывания – это высказывания, которые содержат прямой призыв к совершению действий, в их числе высказывания с эксплицитной семантикой категоричности, последняя проявляется в требованиях, запретах, угрозах. Сюда, например, относятся такие высказывания, как Замолчи, мразь! Еще раз повернешься – убью и т.п.

Невербализуемые высказывания с неагрессивной иллокутивной установкой, в которых наблюдается тенденция к кооперативному речевому поведению невербализуемой языковой личности. Данные высказывания представляют собой мягкие импера-

тивные высказывания, представленные, например, в жанре просьбы. Категоричность таких высказываний снижена. Например: Не говори ничего, пожалуйста, мы больше не будем. Или: Видишь, *мы больше ничего не говорим, мы молчим*. Я помогу тебе, не бойся. Посмотри на одеяло. Такие высказывания демонстрируют тенденцию к кооперативному речевому поведению, они лишены агрессивной иллокутивной силы.

Таким образом, мы видим, что коммуникативные намерения невербализуемой личности разнообразны, они отражают либо тенденцию к кооперативному, гармонизирующему, диалогу, либо тенденцию к некооперативному, конфликтно-ориентированному, диалогу.

Невербализуемые высказывания как ответные и инициативные высказывания

Анализ дневника дает основание для вывода, согласно которому невербализуемые высказывания как проявление полифонии языкового сознания, создаются в ситуации ответа (о диалогической ситуации как ситуации ответа см. в [Шпильная 2015; 2016]). Невербализуемая языковая личность в некоторых коммуникативных ситуациях является инициатором диалога, а в некоторых является адресатом диалога, в последнем случае она либо комментирует действия носителя языка, либо комментирует его озвученные или внутренние реплики. Приведем примеры коммуникативного взаимодействия реальной языковой личности и невербализуемой языковой личности. Записи приводятся из дневника больного психозом.

1. Ситуация №1. Ситуация в кинотеатре.

Я повернулась, чтобы посмотреть на тех, кто сидел позади меня. Голос сказал мне: «Еще раз повернешься – убью».

В данном случае мы видим реакцию на невербальное поведение языковой личности.

2. Ситуация № 2. Разговор по телефону с матерью.

Я разговаривала с мамой по телефону. Сказала маме, что я устала, лягу спать пораньше. В этот момент голос сказал мне: «Врешь, сука, все ты врешь. Маме врешь...».

3. Ситуация № 3. Перед сном.

Я лежала на кровати, хотелось спать. Но надо было встать и выключить свет в ванной, я боялась встать, потому что в комнате было темно, боялась услышать голос. У меня мелькнула мысль «Сейчас встану, снова голос появится». Голос сказал кому-то: «Она нас боится, она боится встать». Я подумала и сказала внутреннему голосу: «Еще раз что-нибудь скажете, я разозлюсь и вам мало не покажется. Я ясно выразилась?». На это голос мне ответил «N. (обратился по имени – Н. Ш.), не бойся, мы будем молчать».

4. Ситуация № 4. В разговоре с психотерапевтом.

Я испугалась голоса и поехала к психотерапевту, я думала, что он сможет мне помочь. Разницу между психотерапевтом и психиатром я не знала. В разговоре с психотерапевтом голос сказал мне: «Не говори больше ничего о нас».

5. Ситуация № 5. В палате психиатрической больницы.

Я лежала на кровати и смотрела в потолок, Бог сказал мне: «Подойди к окну и посмотри на улицу, там стоит Миша (вероятно, речь идет о человеке, с которым знакома реальная языковая личность – Н. Ш.)».

6. Ситуация № 6. В палате психиатрической больницы.

Я сидела на кровати, обратила внимание, что на наволочке и простыни стоит цифра «4». Бог сказал мне, что это символ, он обозначает святую четверку – Бога, Костю, Настю и меня.

7. Ситуация № 7. В палате психиатрической больницы.

Я проснулась на кровати, сначала не поняла, где я нахожусь. Бог сказал мне, что я нахожусь в доме Господне и скоро придет Костя – мой будущий муж и сын Господне. Он сказал, что все люди вокруг меня экстрасенсы, это просто материальные оболочки, на самом деле они невидимы. Я поверила.

Как видим, невербализуемые высказывания создаются либо как ответные высказывания, они могут быть инициированы невербальным поведением языковой личности, ее внутренней речью или вербальными высказываниями, либо как инициативные высказывания.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим, что измененные состояния языкового сознания при психозе могут быть рассмотрены как проявление полифонии языкового сознания, появления в нем невербализуемых высказываний невербализуемой языковой личности.

Невербализуемая языковая личность – это особый тип языковой личности. Она создает невербализуемые высказывания как реплики, инициирующие общение или действия реальной языковой личности, или как ответные реплики на невербальное поведение последней, ее внутреннюю или внешнюю речь. Данные типы высказываний реализуют различные коммуникативные намерения невербализуемой языковой личности – с агрессивной коммуникативной установкой и кооперативной коммуникативной установкой.

Изучение невербализуемых высказываний представляет интерес для лингвистики диалога, теории измененного языкового сознания, клинической лингвистики и психиатрии.

Литература

Араева Л.А., Ким Л.Г., Лебедева Н.Б., Оленев С.В., Шелепова Л.И., Шпильная Н.Н. и др. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Часть 2 / Под ред. Н. Д. Голева и Н. В. Мельник. М.: ЛЕНАНД, 2016. 432 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 464 с.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.

Стивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 50-57.

Стивак Л.И., Стивак Д.Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. Том 1. 1996. № 4. С. 48-55.

Стивак Д.Л. Измененные состояния сознания. Психология и лингвистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Ювента, 2000. 296 с.

Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дисс. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016. 539 с.

Шпильная Н.Н. Деривационные основания русского диалогического текста. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 219 с.

Шпильная Н.Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект: дисс. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2016. 623 с.

NONVERBALIZABLE STATEMENTS AS A DISPLAY OF POLYPHONY OF THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS DURING PSYCHOSES

Nadezhda N. Shpilnaya

Doctor of Philology

Professor of General and Russian Linguistics Chair

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education Altai

State Pedagogical University

55 Molodezhnaya Street, Barnaul, 656031 Altai Krai

venata85@mail.ru

For the first time the article presents the analysis of the language consciousness of the informant in the state of psychosis – a deep pathological psychic disorder accompanied by delirium, hallucinations of the sick person who can hear certain voices. It emphasizes the linguistic description of the nonverbalizable statements formation problem, the statements which appear in the language consciousness of the informant and enter dialogic relations with non-verbal behavior of the language personality, their internal or external speech. We suggest calling such a principle of organization of the altered state of consciousness the polyphonic principle of organization of the language consciousness.

In the paper nonverbalizable statements are viewed as a product of speech activity of the nonverbalizable language personality. The nonverbalizable language personality is a special type of language personality. It can be represented by a particular language personality familiar to the real language personality or by an indefinite language personality. In the latter case, the indefinite language personality is not identical to the real language personality, although it coincides with it in the substantive status.

The research shows typology of nonverbalizable statements of the nonverbalizable language personality in terms of communicative intentions actualized. Two types of non-verbal statements have been singled out and characterized according to their illocutionary intention: statements actualizing aggressive illocutionary intention and accordingly, aspiration to a conflict dialogue; and statements actualizing nonaggressive illocutionary intention and accordingly, aspiration to a cooperative dialogue. As a result of language material analysis – a psychotic patient's notes, recording 50 situations of nonverbalizable statement manifestations in his language consciousness, it has been established that the nonverbalizable language personality can be both an initiator of communicative interaction and a recipient of the messages, it comments on either the informant's actions or his external or internal replies (thoughts).

Keywords: polyphony, language consciousness, altered state of consciousness, nonverbalizable statement

References

Araeva L. A., Kim L. G., Lebedeva N. B., Olenev S. V., Shelepova L. I., Shpil'naya N.N. i dr. YAzykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya. CHast' 2 [Language personality: modeling, typology, portraying. Siberian linguo-personology. Part 2] / Pod red. N. D. Goleva i N. V. Mel'nik. M.: LENAND, 2016. 432 s. (In Russian)

Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. M.: KHudozhestvennaya literatura, 1972. 464 s. (In Russian)

Kristeva YU. Bakhtin, slovo, dialog, roman [Bakhtin, word, dialogue, novel] // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s frants., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: IG Progress, 2000. s. 427-457. (In Russian)

Spivak D.L. Lingvistika izmenennykh sostoyanij soznaniya: problemy i perspektivy [Linguistics of altered states of consciousness: problems and prospects] // Voprosy yazykoznaniya. 1985. № 1. s. 50-57. (In Russian)

Spivak L.I., Spivak D.L. Izmenyonnye sostoyaniya soznaniya: tipologiya, semiotika, psikhofiziologiya [Altered states of consciousness: typology, semiotics, and psychophysiology] // Soznanie i fizicheskaya real'nost'. Tom 1. 1996. no 4. s. 48-55. (In Russian)

Spivak D.L. Izmenennye sostoyaniya soznaniya. Psikhologiya i lingvistika [Altered state of consciousness. Psychology and linguistics]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; YUventa, 2000. 296 s. (In Russian)

Tubalova I.V. Polifonicheskij tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]: diss. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2016. 539 s. (In Russian)

SHpil'naya N.N. Derivatsionnye osnovaniya russkogo dialogicheskogo teksta [Derivational foundation of the Russians dialogic text]. Barnaul: Izd-vo AltGPU, 2015. 219 s. (In Russian)

SHpil'naya N.N. Russkij dialogicheskij tekst [Russian dialogic text: derivational aspect]: derivatsionnyj aspekt: diss. ... d-ra filol. nauk. Kemerovo, 2016. 623 s. (In Russian)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-157-171

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ – ЧАСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ИЛИ ЧАСТЬ ТЕОРИИ?

А.А. Яковлев

доцент кафедры романских языков
и прикладной лингвистики ИФиЯК СФУ
г. Красноярск, пр. Свободный 82а
mr.koloboque@rambler.ru

Статья посвящена анализу содержания понятия «языковое сознание». Его принято определять как часть индивидуального сознания, связанную с языком и выражаемую в речи. Однако, с точки зрения культурно-исторической теории Л.С. Выготского и примыкающим к ней философским концепциям, такая трактовка этого понятия тавтологична, поскольку сознание человека имеет принципиально знаковую, языковую природу, и выделить в нем некий отдельный «языковой» компонент невозможно. Автор предлагает трактовку языкового сознания как психолингвистического понятия, которое показывает, каким образом внутренние (личностные) и внешние (социальные) условия функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и личностных смыслов слов. «Языковое сознание» является в таком случае не предметом исследования, а теоретическим понятием, конструктом, отражающим определенные закономерности вероятностного характера. Оно позволяет говорить лишь о больших или меньших тенденциях, но никогда не об однозначных характеристиках соответствующих языковых явлений в их связи с социально-культурными явлениями. Такая трактовка языкового сознания позволяет объяснять выявляемые в психолингвистических экспериментах факты через их связи с культурными особенностями, с опытом людей как членов определенных социальных групп, с личностными смыслами, с общекультурными ценностями. Развитие социально-культурных явлений, получающее ту или иную эмоционально-личностную оценку в сознаниях носителей языка, с регулярностью выражается в изменении значений и личностных смыслов некоторых слов и выражений. Эта регулярность и составляет содержание понятия «языковое сознание».

Ключевые слова: языковое сознание, личностный смысл, терминология психолингвистики, методология психолингвистики

Вводные замечания

Понятие «языковое сознание» в последние годы получило весьма широкое распространение. Оно употребляется в огромном количестве языковедческих работ (от статей до докторских диссертаций), но редко специально эксплицируется смысл, вкладываемый в это выражение. Тем важнее разобраться с его содержанием и применимостью в конкретных психолингвистических исследованиях.

Прежде всего, обратимся к двум наиболее распространенным определениям языкового сознания.

Первое из них дано Н.В. Уфимцевой и Е.Ф. Тарасовым: «Языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе обще-

ния первичных и вторичных образов сознания. Первичные образы, по А.Н. Леонтьеву, – это знания, формируемые личностью в процессе восприятия объектов реального мира, а вторичные образы – это первичные образы, используемые в качестве перцептивных эталонов при последующих актах восприятия» [Уфимцева, Тарасов 2009: 20]; ср. также: [Уфимцева 2003: 103; 2011: 206]. Наиболее важным для нас моментом является то, что языковое сознание (далее – ЯС) авторы относят к индивидуальному сознанию человека.

Второе интересующее нас определение ЯС принадлежит З.Д. Поповой и И.А. Стернину: «...Языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и – добавим, что очень важно – хранение языка в сознании. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания» [Попова, Стернин 2007: 45-46]. ЯС является, таким образом, частью коммуникативного и когнитивного сознания, а языковая система выявляет лишь часть содержания сознания и мышления и способна в общении выразить лишь часть смысла. В данном случае, как видим, ЯС тоже трактуется именно как часть индивидуального сознания человека. Следовательно, оба приведенных определения можно охарактеризовать как частные выражения единой точки зрения на ЯС.

Эта же точка зрения выражается в суждениях Е.С. Кубряковой: «Языковое сознание как совокупность смыслов, имеющих языковую привязку, – только часть сознания в целом, точно так же, как мышление – только часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании (их нередко связывали в советском языкознании с так называемым „речевым мышлением“)» [Кубрякова 2012: 28]. Отметим, что факт соотношения ЯС с «остальным» сознанием еще очень далек от его определения, но многим исследователям, по всей видимости, этого полнее достаточно.

Именно эта точка зрения на ЯС получила чрезвычайно широкое распространение в отечественной психолингвистике. Действительно, многие авторы понимают ЯС как составную часть «сознания вообще», позволяющую связывать знания человека с материальной формой языковых знаков и выражать их, знания, в речи: [Горошко 2001: 22; Дзюба 2015: 38-39; Ильина 2012: 40, 74; Привалова 2006: 34; Сергиева 2010: 46; Шишканов 2002: 18-19].

Мы не рассматриваем здесь противоречивые работы, в которых языковому сознанию не дается четкого определения, а материалом исследования являются данные толковых словарей и энциклопедий или примеры из художественной литературы и публицистики. См., например: [Братчикова 2006; Ильинова 2009; Малевинский 2006; Шаманова 2009].

На наш взгляд, гносеологическая проблема в определении содержания ЯС как одного из понятий языкознания (точнее, психолингвистики) состоит в том, что невозможно все «содержание» сознания свести к языку. Кроме того, невозможно провести четкую грань между языковым и «остальным» сознанием (трудно даже однозначно отделить субъективное от объективного, тем более языковое от неязыкового).

Теоретическая проблема такой трактовки ЯС может быть выражена следующим вопросом: «Какой концепции сознания соответствует данная трактовка?» Этот вопрос совсем не праздный, поскольку никакое психолингвистическое исследование не может проводиться вне определенного психологического и философского базиса. К обсуждению этого вопроса мы сейчас и переходим.

Психологический и философский взгляд на сознание

Приведенная точка зрения на ЯС парадоксальным образом противоречит многим важным положениям школы Л.С. Выготского (хотя не только им), в которой человеческое сознание без языка попросту немислимо. Парадоксальным – поскольку общеизвестна роль школы Л.С. Выготского в формировании отечественной психолингвистики. Кроме того, многие из цитированных выше авторов считают себя последователями именно этой школы.

Известно, что собственно концепцию сознания Л.С. Выготский разработать не успел, но и немногочисленных его работ и отдельных суждений о сознании достаточно, чтобы представить себе его общее решение этого вопроса. Л.С. Выготский многократно подчеркивал языковую, вообще знаковую природу сознания. Точнее, конечно, знаковой природой обладают высшие психические функции, а сознание есть их система. Широко известен последний пассаж «Мышления и речи»: «Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский 1982: 361]. Ср. в записных книжках Л.С. Выготского: «Вообще, нет содержания психики без знаков», а также: «Слово играет центральную роль в сознании, а не в его отдельных функциях [Записные книжки... 2017: 158, 319]. Уже здесь видно, что язык для Л.С. Выготского – это не составная часть сознания; язык и есть сознание, точнее, одна из форм его существования. Невозможно сказать, что вода или пар – это составные части того, что мы называем H₂O. Точно так нельзя и сказать, что язык, память, воображение, мышление, восприятие и т.д. – это составные части того, что мы называем сознанием.

Нет, думается, надобности приводить цитаты по этому вопросу из трудов А.Р. Лурии, который придерживался позиции своего учителя. Укажем лишь, что А.Р. Лурия считал язык специфической формой отражения действительности, которая сама по себе достаточна для формирования отвлечений, понятий, абстракций, поскольку удваивает чувственно воспринимаемую действительность и создает внутренний мир образов [Лурия 1979: 23–26, 32–39].

Положение о языковой и речевой природе сознания неоднократно высказывалось и А.Н. Леонтьевым. Приведем лишь один пример: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания» [Леонтьев А.Н. 1994: 35]. Сознание, по А.Н. Леонтьеву, состоит не из перцептивных образов предметов, а из значений и личностных смыслов предметов, в том числе слов. Но возникновение образа некоторого предмета – это не перемещение его в уже готовом виде в некий предзаданный, заблаговременно существующий план сознания, а процесс создания этого образа в сознании, т.е. формирование сознания. Ср. те же идеи у С.Л. Рубинштейна: [Рубинштейн 2012: 67–68, 70].

Характерно, что авторы, которые развивают, а иногда и критикуют идеи А.Н. Леонтьева и выделяют в сознании другие составляющие (наряду со значением и личностным смыслом), подчеркивают важность слова. См., например: [Василюк 1993; Зинченко 2010].

Те же суждения легко можно найти у философов, оказавших существенное влияние на развитие психолингвистики. Сюда относятся, в первую очередь, понятие «идеальное» Э.В. Ильенкова и понятие «квазиобъект» (или «превращенная форма») М.К.

Мамардашвили. Оба мыслителя считали основой сознания именно эти категории, а язык – частным случаем системы идеальных предметов или квазиобъектов [Ильенков 2009; Мамардашвили 2011]. Индивидуальное сознание человека как раз и строится из таких явлений, создающих внутренний план психических действий. Сознание, психика, воля и т.д. суть не причины идеальных форм предметов (квазиобъектов), а только психические способы их выражения и существования.

То же самое находим у С.Л. Рубинштейна: «Без языка нет сознания. <... > Однако неверно попросту отождествлять сознание с языком, сводить его к функционированию языка. <... > Не слово само по себе, а общественно накопленные знания, объективированные в слове, являются стержнем сознания» [Рубинштейн 2012: 244–245].

Таким образом, в отечественной психологии и повлиявшей на нее части философии одним из ключевых положений является признание языка одной из важнейших форм существования человеческого сознания наряду с абстрактным мышлением или волевым действием. В этом отношении выражение «языковое сознание» является тавтологией: сознание без языка невозможно. Тем не менее, это не значит, что без языка невозможны вообще никакие формы сознания. Невозможны лишь те его формы, которые являются специфическими именно для человека. Другие формы, характерные, например, для животных, вполне могут существовать и без языка.

В свете сказанного интересным представляется, что выделение языкового аспекта сознания как части «сознания вообще» хорошо согласуется с двумя, пожалуй, главными направлениями в современной западной философии. Первое из них можно обозначить как материалистический (физикалистский) монизм, второе – как натуралистический дуализм. Наиболее ярким представителем первого является Д. Деннет, второго – Д. Чалмерс.

Сознание в концепции Д. Деннета сводится к отдельному, изолированному человеку, даже, скорее, к мозгу [Dennett 1991: 111-138; 2005: 18]. Характер взаимодействия такого индивида с внешним миром даже не рассматривается; рассматривается лишь факт получения им информации через органы чувств. А его мозг может быть и искусственным, главное – чтобы он обеспечивал такую же обработку поступающей информации. Д. Деннет стремится определить сознание в некоторых временных границах, но границы эти остаются границами церебральных реакций на внешние раздражители, а не активностью субъекта сознания. Сознание в этой трактовке – это сумма субъективного (по большей части перцептивного) опыта, совокупность образов. Оно приравнивается наблюдателю, принимающему ограниченное количество информации, доступной ему в некоторой области времени и пространства [Dennett 1991: 101].

Д. Чалмерс разводит два, по его мнению, различных, хотя не противоположных, понятия – психологическое сознание и феноменологическое сознание [Chalmers 1996: 10-21; 2010: 5-6]. Первое суть психические явления, изучением которых занимаются психология и особенно когнитивная наука. Второе – сознание как оно представлено самому субъекту, это его индивидуальный опыт переживания сознания. А содержание сознания характеризуется следующим образом: «Все, что происходит в актуально задействованных когнитивных процессах, – это по большей части категоризация, различение и реакция» [Chalmers 1996: 177]. Но опять-таки не действие субъекта сознания, выводящее его за восприятие наличной (актуальной) ситуации. В этой трактовке сознание остается чисто субъективным явлением, ограничивающимся познанием (пусть и в самом широком смысле) отдельного человека. Сознание состоит из образов предметов, как они даны самому субъекту сознания.

Именно этим концепциям соответствует трактовка ЯС как некоторой «частичной» индивидуального сознания. Это та часть знаний, переживаний, ощущений и т.п. человека, которая дана ему в материальной форме языковых знаков и реализуется через речь (восприятие и порождение). В таком виде между более широкими и более узкими категориями противоречия не возникает.

Языковое сознание и психолингвистическая теория

Известно, что определение научного понятия фиксирует основную закономерность, которой подчиняется описываемое этим понятием явление [Зиновьев 1971: 64-65; Ильенков 1997: 125; Степин 2003: 352-353]. Теоретические модели и понятия, будучи отражением реальности, выступают одновременно как изображения структуры и свойств объекта познания и структуры практики с этим объектом, в рамках которой он выделяется из бесконечного ряда подобных и определяется. Теоретическое понятие фиксирует закон, согласно которому данный объект познания обладает данными свойствами. С другой стороны, закон, определяющий сущностные характеристики некоторой совокупности явлений или фактов, не может быть получен путем абстрагирования некоторого отдельного признака, присущего всем явлениям или фактам данной совокупности. Закон, по которому объект познания обладает присущими ему свойствами, – это не одно из свойств объекта наряду с остальными; в самом объекте он не содержится, а выводится из анализа внешней по отношению к нему системы взаимодействий с другими объектами, в которую данный объект входит.

Существенный методологический минус точки зрения на ЯС с сугубо индивидуальных позиций состоит в том, что она не позволяет выявить составляющие ЯС единицы и их связи, а также лишь указывает на предметную область, но не выявляет закономерности ее изменения именно в силу отсутствия в определении внешних и внутренних связей.

Примечательно при этом, что многие из упомянутых выше психолингвистических исследований стремятся связать явления культуры и социума с явлениями языка как достояния человека. Иначе говоря, они стремятся показать, как культурно обусловленные знания отражаются в речевых актах (точнее, их продуктах) конкретных людей. Наблюдается тенденция проследить проявляющееся в языке отражение в **индивидуальном** сознании **внешних** по отношению к нему предметов. Эта тенденция, как мы полагаем, выражает стремление ученых нащупать понятие, которое связывало бы два аспекта языка (индивидуальный и социальный) и позволяло бы проследить связь между динамикой языковых явлений, рассматриваемых с групповых позиций и с позиций индивидуально-личностных.

Мы полагаем, что ЯС и должно быть таким понятием, в котором отражаются подобные закономерные связи. Следовательно, ЯС должно считаться понятием теории, теоретическим конструктом, обобщенно отражающим закономерности изменения некоторых языковых фактов. ЯС, таким образом, не отражает напрямую содержания конкретных индивидуальных сознаний, но отражает их общие (т.е. наиболее важные, сущностные) закономерности в их связях с факторами социального и личностного порядка. Подобно тому, как в законе Бойля–Мариотта не содержится реальных характеристик конкретного газа, а его температура и вовсе неважна, но содержится общая закономерность соотношения между давлением и объемом любого газа. При этом этой закономерности нет в свойствах отдельных газов.

ЯС не находится целиком где-то «внутри» индивидуального сознания или целиком где-то «рядом» с ним, оно есть обобщенно представленное отражение внешнего (явления действительности) во внутреннем (индивидуальный язык, ментальный лексикон). Но ЯС не находится ни где-то в языковом материале, в текстах, ни в теории (являясь чистым научным конструктом), ни «рядом» с ними. ЯС выступает своего рода производной от внешних (групповых, социальных) и внутренних (эмоционально-личностных) факторов, влияющих на значения и личностные смыслы слов, при том что между внутренними и внешними факторами имеет место постоянное взаимодействие и взаимовлияние.

В ЯС как теоретическом понятии фиксируется определенная закономерная связь между внутренними и внешними факторами, влияющими на язык как достояние человека. Эта связь (зависимость) состоит в том, что для существенного, т.е. проявляющегося в виде явной тенденции, изменения значения и личностного смысла слова необходимо устойчивое, а не случайное изменение отношения людей к явлению, обозначаемому словом.

Можно дать следующее определение: языковое сознание – это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и личностных смыслов слов. Таким образом, ЯС фиксирует в обобщенном виде особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (т.е. учитываемых теорией) внутренних и внешних факторов.

ЯС является не конкретным предметом познания, а понятием теории, научным конструктом, теоретической моделью действительности, которая воссоздает в обобщенном виде закономерную связь между языковыми явлениями, с одной стороны, и явлениями эмоционально-личностного и социально-культурного порядка, с другой. Иначе можно сказать так: в ЯС психолингвистическими методами в обобщенном виде воссоздаются закономерности влияния эмоционально-личностного переживания социально-культурных явлений на явления языка как достояния человека.

ЯС носит вероятностный характер, что позволяет говорить лишь о больших или меньших тенденциях, но никогда не об однозначных характеристиках соответствующих языковых явлений. Нельзя ничего сказать однозначно о характеристиках некоторого слова, можно сказать лишь, что во всей совокупности выявленных его характеристик имеются такие-то тенденции, которые более или менее вероятны при таких-то условиях, но никогда сумма их вероятностей не равна 100%. По этой же причине невозможно однозначно говорить об отношении конкретного человека к обозначаемому данным словом предмету или явлению. Можно лишь сказать о большей или меньшей (но никогда не абсолютной) вероятности такого его отношения.

Фиксируемая в ЯС вероятность будет большей или меньшей в зависимости от некоторых условий. Устанавливая эту зависимость, можно делать выводы о свойствах языка как достояния человека. Вероятностный подход подразумевает интерпретацию результатов с позиций статистических закономерностей, которые могут применяться только к большим совокупностям, но не к отдельным индивидуумам, образующим эти совокупности. Иначе говоря, такие законы относятся не к индивидуальному языку конкретного человека, а к совокупности идентичных индивидуальных языков.

Действительно, если апеллировать к индивидуальным сознаниям, невозможно с достаточной точностью знать, для кого из участников эксперимента характерна та или иная особенность. Это своего рода оборотная сторона того, что приходится работать с группой носителей языка: если работа идет с группой студентов, то и результаты могут распространяться на студентов, если с группой слесарей – то на слесарей (хотя в пределе, в особых случаях и на лингвокультуру вообще, но это особые случаи!). Поскольку в этих случаях в теоретической схеме, отражающей выявленные закономерности, фиксируются характеристики именно этих групп. Но невозможно сказать, к каким индивидуальным сознаниям принадлежат конкретные случаи выражения этих характеристик.

Это все не только объясняет, но и делает необходимым изучение ЯС с привлечением группы носителей языка со схожими социально-культурными характеристиками. Работа с группой людей требует и переосмысления того, что отражается в результате эксперимента, и особенно – что отражается в понятиях. В понятии ЯС отражаются не непосредственные характеристики индивидуальных сознаний, а теоретические модели зависимостей этих характеристик от разных факторов, которые (характеристики) выражаются в слове. Эти модели строятся на основе экспериментального изучения индивидуальных сознаний по результатам их активности.

Вероятностный подход дает понимание того, какие значения (тракуемые психолингвистически) и особенно личностные смыслы зависят от изменений во внутренних (эмоционально-личностных) и внешних (социальных) факторах и имеют устойчивую тенденцию выражаться во многих актах использования соответствующих комплексов языковых знаков в соответствии с некоторым соотношением внешних и внутренних факторов.

Языковое сознание и образ мира

Трактовка ЯС как части индивидуального сознания может, конечно, связывать его и с таким важным для отечественной психологии понятием, как «образ мира». Можно сказать: «Языковое сознание – это такие образы, входящие в состав интегрального образа мира, которые имеют в своем составе слово как обязательный компонент наряду со значением, личностным смыслом, предметным содержанием и чувственной тканью». Такое определение, конечно, вполне логично, но не проясняет динамики тех связей, которые соединяют образ мира и ЯС.

В свете сказанного об определении научного понятия представляется недостаточным трактовать образ мира лишь как некоторую «модель» мира, или репрезентацию мира, или отражение мира в сознании человека, поскольку в таком случае нужно еще уточнить, что такое модель, репрезентация и отражение.

Образ мира является частью сознания, но совершенно особой его частью. Он не просто предоставляет сознанию информацию о внешнем мире, а создает ориентационную основу для каждого действия. Человек окружен множеством предметов, для действия требуются только некоторые из них, и реагирование на все предметы окружающей обстановки привело бы к гибели. Благодаря образу мира создается неравнозначность предметов, выделение среди них менее и более значимых, чем уменьшается число степеней свободы каждого действия и обеспечивается его целенаправленность. Вместе с тем, создается основа для устойчивого неравновесия сознания, поскольку не все свойства и не всех предметов в одинаковой степени даны сознанию в образе мира. Образ мира позволяет интегрировать в актуально совершаемое действие часть опыта

и знания; образ мира позволяет задействовать не весь опыт, а только его необходимую при данных условиях и данной цели часть. Происходящая благодаря образу мира (хотя и не без помощи других явлений сознания) интеграция опыта и опережающего отражения в образ наличной ситуации создает относительную константность мира для сознания человека и в то же время дает возможность расширять и сужать границы отражаемой ситуации.

Образ мира не статичен и первичен по отношению к любому действию человека, даже к восприятию нового предмета. Предмет не может быть воспринят, если нет образа мира как целостности. Образ мира выводит сознание за границы чувственности, не отменяя последней, и при этом может быть репрезентирован человеку в разных чувственных формах (образ мира слепого не отличается существенно от образа мира зрячего, но построен из другого чувственного материала). Чувственная модальность не накладывается на образы как нечто дополнительное, а является способом репрезентации предметов субъекту, она – часть самих образов.

Учитывая сказанное, можно сформулировать следующее определение образа мира, не претендующее, разумеется, на полноту и окончательность. Образ мира – это континуум образов предметов, явлений и событий, выступающий в качестве смыслового фона, на котором в ходе действий сознания более рельефно проявляются образы отдельных предметов, явлений и событий, несущие их значения и личностные смыслы.

В образе мира наиболее значимые предметы и события наделяются особым статусом, организуют в соответствии со своим значением и особенно личностным смыслом другие предметы и события, чем обеспечивается особый характер деятельности сознания с ними.

Образ мира как психологическое понятие апеллирует к индивидуальному сознанию. Как же он связан с понятием ЯС, не отражающим характеристики индивидуальных сознаний?

Если, например, психолингвистический эксперимент выявляет в группе студентов стойкое выражение негативной эмоции в значении слова экзамен, то это значит, что в образах мира многих задействованных в эксперименте людей за этим словом закрепилась устойчивая негативная эмоция. Иначе говоря, с образом ситуации, с которым ассоциировано данное слово, у многих участников эксперимента ассоциирована также схожая негативная эмоция. Сама она является показателем того, что в схожих фрагментах опыта (зафиксированных в значении слова 'экзамен') активизировались схожие личностные смыслы. Изучение в рамках одного эксперимента таких слов, как *сессия, зачет, оценка, зачетка, учиться, готовиться* и т.п. даст понимание того, в какую более широкую систему личностных смыслов входят образы сознаний, ассоциированные со словом экзамен.

Разумеется, речь в данном случае уже не будет идти о некоем «совокупном» образе мира целой группы людей. Каждый образ мира индивидуален и уникален, и эксперимент не показывает просто некоторую сумму или инвариант образов мира. Это скорее система вариантов.

ЯС есть понятие, соединяющее влияние внешних (социальных) и внутренних (личностных) факторов на значение и личностный смысл слова. В приведенном выше примере внешним фактором является принадлежность участников эксперимента к студенчеству и регулярное осуществление ими учебной деятельности в вузе. Внутренним фактором является их личностное переживание тех ситуаций (фрагментов опыта), ко-

торые закреплены в значениях соответствующих слов. Следовательно, ЯС показывает, с какой вероятностью в образах мира задействованных в эксперименте людей проявится выявленное эмоционально-личностное отношение к феноменам и ситуациям, ассоциированным с некоторыми словами. Иначе говоря, ЯС позволяет судить о той вероятности, с которой в образах мира людей, принадлежащих к некоторой группе, а значит, и в их опыте, имеет (имела) место выявленная связь между эмоцией и словом. ЯС позволяет говорить о вероятности сходства фрагментов опыта общения и фрагментов образов мира этих людей. ЯС позволяет изучать систему вариантов и вероятность сходства или различия образов мира людей, объединенных в группу по некоторому социально-культурному фактору. Но эти явления отражаются через понятие ЯС не напрямую, не как таковые, а в обобщенном и абстрагированном виде.

Некоторые выводы

В качестве подведения итога укажем на те факты и явления, которые не могут быть объяснены при индивидуалистском взгляде на ЯС, но вполне объяснимы при его трактовке как теоретического конструкта, связанного с определенной группой носителей языка.

Трактовка ЯС как части индивидуального сознания не позволяет увидеть именно причинность наблюдаемых явлений – экспериментальных данных. Почему, например, при всей культурной разнице китайских и русских студентов образы профессий и наук, выраженные в данных ассоциативных экспериментов, в целом одинаковы? Предлагаемая нами трактовка ЯС позволяет дать следующий ответ: одинаков характер деятельности, в которую вовлечены данные образы, место студента в ней и характер ее переживания. Можно посмотреть на эту связь с другой стороны: коль скоро данные экспериментов не различаются существенным образом, это и значит, что опыт китайских и русских студентов, зафиксированный в соответствующих словах, также не отличается существенным образом.

Второй факт состоит в отражении общественно-культурных явлений в изменении значений слов. Характерны в этом отношении результаты экспериментов, проведенных А.А. Залевской и ее сотрудниками [Залевская 2010]. В самом деле, такие слова, как *депутат*, *патриотизм*, *оппозиция*, *партия* и т.п. за три последних десятилетия претерпели значительные изменения в значении и эмоционально-личностной оценке, хотя обозначаемые ими явления остались по своей сути теми же. Ср. в этой связи изменения таких слов, как *откат* и *распил* [Яковлев, Бойко 2016]. Во всех этих случаях важно не просто наличие некоторого социального изменения, а характер его эмоционально-личностного переживания носителями языка.

Третий факт состоит в том, что представления о некоторых предметах у представителей разных социальных групп одной и той же лингвокультуры (или разных лингвокультур) существенно различаются. Можно просто констатировать: их опыт различен. Это то, что дает индивидуалистская трактовка ЯС, но она не позволяет сказать, какая часть этих различий имеет социальный, а какая – эмоционально-личностный генезис. Так, нетрудно констатировать различие представлений о болезни и лечении или о воспитании и воспитателе в ЯС врачей, педагогов и представителей других профессий. Но следует сказать еще, чем именно различаются соответствующие слова (действительно ли их отличия существенны) и каким образом в них фиксируется различие опыта этих людей.

То же самое относится к изучению научной картины мира. Например, представления об объекте некоторых наук в ЯС студента ошибочны, потому что у студента нет опыта научной работы, а предмет науки он переживает с позиций своего собственного опыта, не являющегося научным. В его сознании нет научной картины мира «в миниатюре». И наоборот: коль скоро в эксперименте выявляются такие тенденции, они и означают отсутствие соответствующего опыта (подробнее см.: [Яковлев 2018]).

ЯС позволяет изучать отражение профессиональной картины мира и различного рода стереотипов в индивидуальных сознаниях людей, принадлежащих к той или иной социальной группе. А частным случаем является изучение научной картины мира.

Предлагаемая нами трактовка ЯС эффективна в изучении влияния на язык как достояние человека внешних (социально-культурных) и внутренних (эмоционально-личностных) факторов в межкультурном масштабе, в масштабе отдельной культуры и даже отдельной социальной группы.

Четвертый факт относится к связи психолингвистических данных с такими понятиями, как «переживание» и «личностный смысл». Первое из них можно охарактеризовать, как субъективное, пристрастное отражение некоторого явления в сознании человека с точки зрения предоставляемых этим явлением возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей человека. Подробнее о нем см.: [Mind, Culture, and Activity 2016]. Второе является лишь одной из смысловых структур, среди которых Д.А. Леонтьев выделяет также смысловой конструкт, смысловую установку, смысловую диспозицию, мотив, личностную ценность [Леонтьев Д.А. 2007: 127-129, 167-251]. ЯС как понятие теории позволяет зафиксировать и обобщить, какие смысловые структуры и какой опыт переживания некоторого явления репрезентированы в соответствующих словах.

Индивидуалистская трактовка ЯС не позволяет объяснить, как разные смысловые структуры фиксируются в значениях и личностных смыслах слов. Например, есть основания предполагать, что со словами *аборт* и *экзамен* ассоциированы разные смысловые структуры у студентов (личностные ценности в первом случае и эмоции – во втором). Но у их родителей с обоими словами ассоциированы личностные ценности, т.е. смысловые структуры надситуативного характера. То же различие касается таких слов, как *учеба*, *семья*, *свадьба*, *беременность*, *молодость* и т.д. Таким образом, через понятие ЯС в данном случае можно объяснить связь между внешним фактором (возраст, осуществление/неосуществление учебной деятельности, семейное положение, наличие/отсутствие детей) и внутренним фактором (актуальность разных смысловых структур). ЯС как раз и будет выявлять и фиксировать эту связь.

Итак, предлагаемая нами трактовка ЯС как теоретического понятия позволяет объяснять выявляемые в психолингвистических экспериментах факты через их связи с культурными особенностями, с опытом людей как членов определенных социальных групп, со смысловыми структурами, с личностными и общекультурными ценностями. Вопрос о содержании понятия «языковое сознание» переводится, таким образом, в иную плоскость, а именно – в плоскость развития явлений, фиксируемых и обобщаемых этим понятием. Развитие социально-культурных явлений, получающее ту или иную эмоционально-личностную оценку в сознаниях носителей культуры (представителей определенных социальных групп), с регулярностью выражается в изменении (т.е. тоже в развитии) значений и личностных смыслов некоторых слов и выражений. Эта-то регулярность, эта стохастическая, вероятностная закономерность и составляет содержание понятия «языковое сознание».

В этом пункте смыкаются психология и психолингвистика. Через выраженные в слове эмоцию и смысловую структуру психология изучает общие законы тех систем, в которые входят эмоции и смысловые структуры. Через выраженные в слове эмоцию и смысловую структуру психолингвистика изучает общие законы тех систем, в которые входит слово.

Литература

- Братчикова Н.С.* Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 349 с.
- Василюк Ф.Е.* Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
- Горошко Е.И.* Языковое сознание: Ассоциативная парадигма: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 287 с.
- Дзюба Е.В.* Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.
- Залевская А.А.* Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (II) // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2010. № 4. С. 204-213.
- Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
- Зиновьев А.А.* Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 464 с.
- Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В.И. Толстых. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 153-214.
- Ильина В.А.* Структура содержания слова в языковом сознании носителей разных культур: на материале номинантов образа одиночества: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 536 с.
- Ильинова Е.Ю.* Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 449 с.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
- Леонтьев А.Н.* Философия психологии: из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 88 с.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
- Малевинский С.О.* Семантические поля порока и добродетели в языковом сознании современной студенческой молодёжи: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2006. 207 с.

Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Агтикус, 2011. 288 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 486 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 420 с.

Стёпин В.С. Теоретическое познание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102-110.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18-25.

Шаманова М.В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории «общение»): дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2009. 534 с.

Шишканов И.В. Специфика немецкого и русского языкового сознания: Психолингвистический анализ тематической группы «Человек»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 216 с.

Яковлев А.А. Значения терминов как отражение научной и обыденной картин мира в сознании студента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 30-40.

Яковлев А.А., Бойко Ю.Н. «Откат» и «распил» в языковом сознании студента: штрихи к психолингвистическим портретам // Вестн. Тверск. государственного университета. Сер. «Филология». 2016. № 4. С. 213-218.

Chalmers D. The conscious mind: In search of a theory of conscious experience. New York: Oxford university press, 1996. 375 p.

Chalmers D. The character of consciousness. Oxford, New York, Auckland, etc.: Oxford university press, 2010. 596 p.

Dennett D.C. Consciousness explained. New York, Boston, London: Black Ray Books, 1991. 511 p.

Dennett D.C. Sweet dreams: philosophical obstacles to a science of consciousness. Cambridge (Mas.), London: The MIT press, 2005. 199 p.

Mind, Culture, and Activity 2016, Vol. 23, № 4.

LANGUAGE CONSCIOUSNESS: IS IT PART OF CONSCIOUSNESS OR OF A THEORY?

Andrey A. Yakovlev

Assistant Professor
Department of Romance Languages
and Applied Linguistics, SibFU
82a, Svobodny av., Krasnoyarsk, Russia
mr.koloboque@rambler.ru

The paper analyzes the content of the concept “language consciousness.” It is usually defined as a part of the individual consciousness associated with language and expressed in speech. However, from the point of view of the cultural-historical theory of L.S. Vygotsky and the philosophical issues close to it, such an interpretation of the concept is tautological, since human consciousness has a fundamentally sign, linguistic nature, and it is impossible to extract a separate “language” component. The author offers an interpretation of language consciousness as a psycholinguistic concept, which shows how the internal (personal) and external (social) conditions of language, as a person’s property, are associated with changes in the meanings and personal senses of words. “Language consciousness” is in this case not the subject of research, but a theoretical concept, a construct, reflecting certain laws of a probabilistic nature. It allows speculating on bigger or smaller tendencies, but never about unambiguous characteristics of the corresponding linguistic phenomena in their connection with socio-cultural phenomena. This interpretation of language consciousness allows explaining the facts revealed in psycholinguistic experiments through their connections with cultural peculiarities, with the experience of people as members of certain social groups, with personal senses, and with general cultural values. The development of socio-cultural phenomena, which receives one or another emotional-personal assessment in the minds of native speakers, is regularly expressed in changes in meanings and personal senses of certain words and expressions. This regularity is the content of the concept of “language consciousness.”

Keywords: language consciousness, personal sense, psycholinguistic terminology, psycholinguistic methodology

References

Bratchikova N.S. Cvetovaja kartina mira v finskom i rusском jazykovom soznanii: dis. ... d-ra filol. nauk [Color worldview in Russian and Finnish linguistic consciousness]. Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2006. 349 s. (In Russian)

Dzjuba E.V. Lingvokognitivnaja kategorizacija v rusском jazykovom soznanii: monografija [Lingvocognitive categorization in Russian linguistic consciousness]. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 2015. 286 s. (In Russian)

Goroshko E.I. Jazykoe soznanie: Associativnaja paradigma: dis. ... d-ra filol. nauk [Linguistic consciousness: associative paradigm]. Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2001. 287 s. (In Russian)

Il'ina V.A. Struktura sodержanija slova v jazykovom soznanii nositelej raznyh kul'tur: na materiale nominantov obraza odinochestva: dis. ... d-ra filol. nauk [Word content structure

in the linguistic consciousness of different cultures: on the material of loneliness image]. Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2012. 536 s. (In Russian)

Il'ina E.Ju. Konceptualizacija vymysla v jazykovom soznanii i tekste: dis. ... d-ra filol. nauk [Fiction conceptualization in linguistic consciousness and text] Thesis ... Doctor of Linguistics. Volgograd, 2009. 449 s. (In Russian)

Ilyenkov E.V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii [Dialectics of the abstract and the concrete in scientific thinking]. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 1997. 464 s. (In Russian)

Ilyenkov E.V. Problema ideal'nogo [Problem of the ideal] // Eval'd Vasil'evich Ilyenkov [Evald Vassilievich Ilyenkov]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2009. S. 153-214. (In Russian)

Kubryakova E.S. V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovanija [In search of the essence of language]. M.: Znak, 2012. 208 s. (In Russian)

Leont'ev A.N. Filosofija psihologii: iz nauchnogo nasledija [Philosophy of psychology: scientific heritage]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. 88 s. (In Russian)

Leont'ev D.A. Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology of the sense: nature, structure and dynamics of the sense reality]. M.: Smysl, 2007. 511 s. (In Russian)

Luria A.R. Jazyk i soznanie [Language and mind]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. 320 s. (In Russian)

Malevinskij S.O. Semanticheskie polja poroka i dobrodeteli v jazykovom soznanii sovremennoj studencheskoj molodjozhi: dis. ... d-ra filol. nauk [Semantic fields of bad and good in linguistic consciousness of modern students]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Krasnodar, 2006. 207 s. (In Russian)

Mamardashvili M.K. Formy i sodержanie myshlenija [Forms and content of thinking]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 288 s. (In Russian)

Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics]. M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 s. (In Russian)

Privalova I.V. Jazykovoje soznanie: jetnokul'turnaja markirovannost': teoretiko-jeksperimental'noe issledovanie: dis. ... d-ra filol. nauk [Linguistic consciousness: ethnocultural reality: theoretical and experimental research] Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2006. 486 s. (In Russian)

Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Saint-Petersburg: Piter, 2012. 288 s. (In Russian)

Sergieva N.S. Hronotop zhiznennogo puti v russkom jazykovom soznanii: dis. ... d-ra filol. nauk [Chronotope of the life in Russian linguistic consciousness]. Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2010. 420 s. (In Russian)

Shamanova M.V. Kommunikativnaja kategorija v jazykovom soznanii (na materiale kategorii «obshhenie»): dis. ... d-ra filol. nauk [Communicative category in the linguistic consciousness (on the material of category “communication”)]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Voronezh, 2009. 534 s. (In Russian)

Shishkanov I.V. Specifika of nemeckogo i russkogo jazykovogo soznanija : Psiholingvisticheskij analiz tematicheskoj gruppy «Chelovek» [Specifics of the German and Russian linguistic consciousness: psycholinguistic analysis of the thematic group «Human»]: diss. ... kand. filol. nauk. M., 2002. 216 s. (In Russian)

Stjopin V.S. Teoreticheskoe poznanie [Theoretical cognition]. M.: Progress-Tradicija, 2003. 744 s. (In Russian)

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie kak otobrazhenie jetnosociokul'turnoj real'nosti [Linguistic consciousness as the display of the ethnocultural reality] *Voprosy psicholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2003. № 1. S. 102-110. (In Russian)

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variety]. Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2011. 252 s. (In Russian)

Ufimtseva N.V., Tarasov E.F. Problemy izucheniya jazykovogo soznaniya [Problems of the linguistic consciousness research]. *Voprosy psicholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2009. № 10. S. 18-25. (In Russian)

Vasiljuk F.E. Struktura obraza [Image structure]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]. 1993. № 5. S. 5-19. (In Russian)

Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 2: Problemy obshhej psihologii [Selected works. In 6 vol. Vol. 2: Problems of general psychology]. M.: Pedagogika, 1982. 504 s. (In Russian)

Yakovlev A.A. Znachenija terminov kak otrazhenie nauchnoj i obydennoj kartin mira v soznanii studenta [Terms Meanings as the Reflections of the Scientific and Everyday Worldviews in the Student's Mind] *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2018. № 1. S. 30-40. (In Russian)

Yakovlev A.A., Bojko Y.N. «Otkat» i «raspil» v jazykovom soznanii studenta: shtrihi k psicholingvisticheskim portretam [«Rollback» and «sawing» in the student's linguistic consciousness: sketches to the psycholinguistic portraits] // *Vestn. Tversk. gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologija»* [Journal of Tver state university: Series: Philology]. 2016. № 4. S. 213-218. (In Russian)

Zalevskaja A.A. Znachenie slova v zerkale psicholingvisticheskogo portretirovanija (II) [Word meaning in the mirror of the psycholinguistic portraiting (II)]. *Vestn. Tversk. gos. un-ta. Ser. «Filologija»* [Journal of Tver state university: Series: Philology]. 2010. № 4. S. 204-213. (In Russian)

Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [Notebooks of L.S. Vygotsky]. M.: Izdatel'stvo «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2017. 608 s. (In Russian)

Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness and creative action]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. 592 s. (In Russian)

Zinov'ev A.A. Logika nauki [Logic of science]. M.: Mysl', 1971. 279 s. (In Russian)

Chalmers D. (1996) *The conscious mind: In search of a theory of conscious experience.* New York: Oxford university press. 375 p.

Chalmers D. (2010) *The character of consciousness.* Oxford, New York, Auckland, etc.: Oxford university press. 596 p.

Dennett D.C. (1991) *Consciousness explained.* New York, Boston, London: Black Ray Books. 511 p.

Dennett D.C. (2005) *Sweet dreams: philosophical obstacles to a science of consciousness.* Cambridge (Mas.), London: The MIT press. 199 p.

Mind, Culture, and Activity (2016), Vol. 23, № 4.

**Комментарий главного редактора журнала «Вопросы психолингвистики»
Е.Ф. Тарасова к статье А.А. Яковлева**

Журнал «Вопросы психолингвистики» публикует статью нашего постоянного автора А.А. Яковлева «Языковое сознание – часть индивидуального сознания или часть теории», которую редколлегия приветствует как одну из наиболее компетентных попыток разобраться в достаточно трудной проблеме языкового сознания.

Редакция журнала, не во всем соглашаясь с автором, публикует статью А.А. Яковлева, но позволяет себе сделать к ней небольшой комментарий.

В кратком виде основные положения статьи А.А. Яковлева сводятся к следующему в понимании автора комментария, который отдает себе отчет в том, что понимание концепции автора статьи осуществляется реципиентом-комментатором и представляет собой рецепцию авторского замысла. При изложении содержания статьи комментатор ограничился только некоторыми пунктами авторской концепции, которые представляют общий интерес.

Первый тезис автора статьи, который стал объектом комментирования – это его сочувственное отношение к тезису об индивидуальной форме существования языкового сознания.

Второй тезис, нуждающийся в комментариях – это утверждение, осуществленное со ссылкой на Л.С. Выготского, о том, что «язык и есть сознание, точнее одна из форм его существования».

Третий тезис – «языковое сознание является не конкретным предметом познания, а понятием теории».

Утверждение, что языковое сознание относится к индивидуальному сознанию, нужно понимать только в том смысле, что оно индивидуально по форме своего существования: сознанием может обладать только человек, имеющий тело, снабженное перцептивными органами. Но, с другой стороны, человек образы сознания формирует в процессе деятельностного овладения предметной и деятельностью (операции деятельности) формами этнической культуры, кроме, естественно, образов сознания, транслируемых генетическим путем. Именно этническая культура, в определенной степени, единая для всех носителей конкретного языка и культуры, создает общность знаний, которые, будучи ассоциированы с телами языковых и неязыковых знаков, формируют предпосылку для взаимопонимания в ходе производства и восприятия знаковых сообщений.

Очевидно, что каждый член современного этноса не может присвоить всю культуру – он овладевает только тем фрагментом своей культуры, необходимость усвоения которой обусловлена деятельностью, которые он осуществляет в ходе бытования в своей этнической культуре. Вероятно, также и в этом смысле можно говорить об индивидуальном сознании каждого носителя этнического языка.

Таким образом, языковое сознание, как и неязыковое сознание является индивидуальным по способу существования, а также как результат движения каждого члена этноса по исторической траектории своей жизни, которая обуславливает фрагмент культуры этноса, присвоенный личностью. Но гораздо более важной характеристикой языкового сознания является общность, которая объединяет всех носителей конкретной этнической культуры.

Теперь обсудим тезис автора статьи, который он формирует, опираясь на мысль Л.С. Выготского о том, что «язык и есть сознание, точнее одна из форм его существования». Можно согласиться без особых натяжек только со второй частью этого утверждения: действительно, язык, точнее вербальные модели образов сознания, это только часть сознания, в котором целесообразно различать языковое и неязыковое сознание.

При анализе функционирования языкового и неязыкового сознания необходимо учитывать, в каком процессе жизни человека исследуется роль языкового сознания: в филогенезе (в процессе формирования человеческого сообщества), в онтогенезе (в ходе становления психики отдельного человека) или в актуалгенезе (в конкретной познавательной деятельности, которую можно описать как движение от первого пока нерасчлененного впечатления о воспринятом объекте к полноценному личностному переживанию).

Роль языкового сознания в филогенезе вполне адекватно представлена в общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, продолжавшего разработку идей Л.С. Выготского, и в концепции Э.В. Ильенкова об идеальном. А.Н. Леонтьев, развивая идею Л.С. Выготского о культурной детерминации психики человека, настаивал на том, чтобы понимать сознание как субъективный продукт, как преобразованную форму проявления тех общественных по своей природе отношений, которые осуществляются деятельностью человека в предметном мире» [Леонтьев 2012: 96]. Другими словами, содержание неязыкового сознания человека составляют деятельностно освоенные и, следовательно, понятые предметы с их качествами, вскрытыми в процессе их деятельностного освоения. Языковое сознание позволяет обществу, вооруженному результатами предыдущей познавательной деятельности, категоризировать новые знания при помощи языковых средств, ассоциированных со знаниями общества, добытыми в прежних деятельности носителей конкретной этнической культуры. Функция языкового и неязыкового сознания для общества – закрепить результаты деятельностного освоения мира в телах языковых знаков, с которыми ассоциированы образы познанных объектов, и в форме культурных предметов, в которой застыли деятельности по их изготовлению.

В онтогенезе человек, рожденный в современную ему культуру и деятельностно осваивающий ее в ходе социализации и инкультурации, использует язык, чтобы выйти за пределы конкретного акта восприятия в культуру: обозначая словом сформированный перцептивными органами и опознанный при помощи наличных образов сознания чувственный образ, субъект сознания вводит в познавательный процесс знания, ассоциированные со словом.

В актуалгенезе субъект познания для идентификации сенсорной массы, составляющей содержание чувственного образа, в качестве перцептивного эталона использует образы неязыкового сознания, а также образы языкового сознания, во-первых, для вербальной категоризации, расширяющей познавательную базу, и, во-вторых, для овнешнения сформированных знаний в случае речевого общения.

Таким образом, в филогенезе сознание существует для общества в ментальной форме в телах носителей культуры и в виде субстанции – в культурных предметах, в форме которых закрепились родовые качества человека, передаваемые от одного поколения к другому в процессах их опредмечивания и распределмечивания.

В онтогенезе субстанциональная предметная форма сознания служит объектом распределмечивания, в ходе которого формируются навыки изготовления культурных

предметов и образы неязыкового сознания, содержанием которых являются знания о субстанции, функциях и знаковых свойствах культурных предметов, а также знания (иногда умения и навыки) об изготовлении и потреблении культурных предметов. Формируемые при деятельностном присвоении этнической культуры образы неязыкового сознания становятся содержанием языковых знаков, т. е. содержанием образов языкового сознания, которое субъекты сознания используют для дальнейшей категоризации неязыковых знаний.

Строго говоря, при восприятии слова в речевом сообщении реципиент имеет дело с телом языкового знака как культурным предметом, с этим телом знака ассоциированы знания о его звуковой или графической субстанции (фоносемантическое значение тела знака), знания о его артикуляции (т. е. знания о правилах производства звуков как предметов определенной этнической культуры) или написании (т. е. знания о правилах написания графем), знания о правилах употребления языковой единицы в речевой цепи, знания ассоциированные с телом знака и называемые значением слова, и, наконец, знания о предмете, обозначенном словом (т. е. знания, сформированные при восприятии объекта и существующие для коммуникантов виде образа неязыкового сознания).

Напрашивается неизбежный вывод, что языковое сознание – это не все знание, а только та часть знаний, которая используется для идентификации новых объектов, воспринимаемых постоянно людьми, осуществляющими деятельности, преимущественно в форме совместной деятельности.

Экзистенциальные причины вынуждают людей воздействовать на объекты реальной действительности, ориентироваться в ней, используя свои знания, ведущие в актуалгенезе от образов неязыкового сознания к вербальной категоризации при помощи образов языкового сознания, т. е. «от пока нерасчлененного впечатления о воспринимаемом объекте к полноценному личностному переживанию», как мы упоминали выше.

Теперь перейдем к комментированию тезиса автора статьи «языковое сознание является не конкретным предметом познания, а понятием теории».

Для развертывания комментария необходимо уточнить понятия «предмет исследования».

В предмете исследования зафиксирована совокупность свойств изучаемого объекта, описанная при помощи определенных логических и знаковых средств. Структура предмета в своем составе имеет следующие элементы: история изучения объекта исследования, существенные свойства объекта, зафиксированные законы развития объекта, методы исследования. Различают уровни предмета исследования: эмпирический уровень, где зафиксированы изученные факты, относящиеся к объекту, свойства и связи изучаемого объекта; теоретический уровень, содержащий описание эмпирического материала [Новиков А.М., Новиков Д.А. 2010: 118-119].

Сознание – это, по мнению В.П. Зинченко «идеальная форма отражения, воспроизведения, порождения действительности, что не мешает ей быть реальной, объективной, бытийной, т. е. участвовать в бытии [Мещеряков, Зинченко 2009: 625].

Как форма отражения реальной действительности человеком сознание является объектом психологии сознания (а также философии и социологии), которая формирует свой предмет, пытаясь вскрыть закономерности развития и функционирования способности человека отображать и, что нас интересует прежде всего – породить дей-

ствительность. Языковое сознание интересует, прежде всего, психолингвистов в связи с проблемой оречевления говорящим содержания высказывания, сконструированного на предыдущем этапе производства речевого высказывания при помощи образов неязыкового сознания. При восприятии речи происходит обратный процесс: содержание речевого сообщения конструируется из значений лексических единиц с опорой на грамматическое оформление речевой цепи и отображается в сознании реципиента при помощи образов неязыкового сознания.

Можно вполне определенно утверждать, что языковое сознание имеет свою объектную (процессы производства и восприятия речи, онтогенеза языка и речевого общения) и предметную области:

– существенные свойства объекта – культурная детерминация образов языкового и неязыкового сознания, интерсубъективность образов сознания, наличие соответствия между языковыми и неязыковыми образами сознания, но отсутствие в большинстве случаев одно однозначного соответствия между ними же и др.;

– история изучения объекта – работы В.П. Зинченко, С.Д. Кацнельсона, М.К. Мамардашвили, А. А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева, Э.С. Полякова, Е.Ф. Тарасова и др.

В конце несколько слов о том, является ли языковое сознание просто понятием. Естественно, языковое сознание имеет понятийное определение, но существующее в определенной структуре, которую пока можно, вероятно, назвать только концепцией, а не окончательно сформированной теорией.

Этот комментарий – первый опыт такого рода. Мы постарались бережно относиться к мыслям автора, пытаясь только сделать несколько шагов по направлению к истине.

профессор *Е.Ф. Тарасов*

Литература

Большой психологический словарь. 4-е изд. расширенное / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811, [5] с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.

Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М.: Книжный дом «Либерком», 2010. 280 с.

УДК 81'42 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-176-185

**СОВРЕМЕННАЯ АРТ-РЕЦЕНЗИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ АРТ-СОЗНАНИЯ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

Груздева Маргарита Михайловна

преподаватель кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова
125009 Москва, ул. Моховая, 9.
mar-gruzdeva@yandex.ru

В статье речь идет о стилистических особенностях театральной и кинорецензии, являющихся тематическими разновидностями арт-рецензии и отражающих специфику современного арт-сознания постмодернистской культуры. В работе рассматривается жанр арт-рецензии как результат медийной конвергентности, медиатизации и трансформации жанра традиционной рецензии. Статья посвящена актуальной проблеме взаимодействия языка массмедиа, современной культуры, общественного сознания и арт-сознания. Для исследования специфики современного арт-сознания сквозь призму языка материалов СМИ большое значение имеет аспект связи языкового сознания с арт-сознанием. Цель данной статьи – кратко раскрыть феномен арт-сознания эпохи и обосновать специфику арт-сознания в качестве фактора, влияющего на стилистику современной арт-рецензии. В статье рассматриваются языковые средства, формирующие и отражающие определенное восприятие искусства, а также способствующие формированию эстетической картины мира, трансляции эстетических и этических ценностей. Рецензии на фильмы и спектакли демонстрируют полифонию эстетических оценок, которые позволяют проанализировать особенности современного арт-сознания, зафиксированного в языке. Для решения проблемы применена комплексная методика с междисциплинарным подходом, одним из основных методов является дискурс-анализ. В статье анализируются театральные и кинорецензии, основная часть которых опубликована в российских СМИ в 2015-2018 гг. Анализ материала демонстрирует, что язык арт-рецензии отражает следующие особенности современного арт-сознания: стремление к развлекательности, к перформативности и эпатажу (что способствует активному применению аттрактивных речевых средств), ироническое восприятие действительности, противоречивость эстетических оценок, вариативность интерпретаций смыслов искусства, контаминацию эстетических категорий. Кроме того, язык арт-рецензий отражает полемику о статусе человеческих и культурных ценностей.

Ключевые слова: арт-рецензия, театральная рецензия, кинорецензия, арт-сознание, языковое сознание, эстетическая картина мира

Введение

Проблема взаимоотношения языка, культуры и общества, а также проблема отражения современного арт-сознания в языке массмедиа являются значимым полем исследования, важным для выявления ценностных установок общества и для обоснования значимости культуроформирующей функции СМИ. В современном мире огромное влияние на формирование социокультурных ценностей оказывают массмедиа. И.В. Анненкова отмечает, что, интерпретируя текущую действительность, или прецедентные феномены, или топосы культуры, журналистика тем самым вольно или невольно повышает

ценность этих интерпретативов и формирует их ценностные характеристики в сознании адресата [Анненкова 2011: 89]. Эту тенденцию характеризует двунаправленность процесса, так как воздействие массмедиа на аудиторию взаимосвязано с влиянием самого общества на содержание и язык материалов СМИ.

Жанр арт-рецензии, широко представленный в современной арт-журналистике, представляет большой интерес в связи со спецификой тем и языковых средств, необходимых для успешного функционирования материала. По определению А.А. Сидякиной, арт-журналистика – это регулярная и систематическая информационно-аналитическая деятельность по освещению в СМИ событий и явлений искусства и художественной жизни (в том числе театральной, литературной, музыкальной, кинематографической и т.д.) с использованием всех жанров и форм подачи материала, при наличии оценочности и компетентного критического суждения [Сидякина 2012: 125].

Язык арт-журналистики не только становится показателем качества материалов, но и демонстрирует основные тенденции, касающиеся арт-сознания эпохи. При анализе языковых процессов, происходящих в области арт-журналистики, важно учитывать взаимосвязь языкового сознания с арт-сознанием.

В настоящее время отсутствует единое мнение по поводу включения художественной критики в медийный дискурс. К критике обычно относят специализированные публикации об искусстве, адресованные экспертному сообществу, профессиональной аудитории, в то время как арт-журналистика считается ориентированной на широкую аудиторию. Однако из-за разных факторов все чаще наблюдается процесс размывания границ между художественной критикой и арт-журналистикой.

Понятие арт-рецензии периодически встречается в качестве обозначения рецензии на разнообразные продукты художественной деятельности, однако при этом отсутствует четкая дефиниция термина. В нашем понимании арт-рецензия – это не просто рецензия, посвященная искусству, но также это результат медийной конвергентности, медиатизации и сопутствующей трансформации жанра традиционной рецензии. Таким образом, арт-рецензия, широко представленная в современной арт-журналистике, приобретает все большую полифункциональность и выполняет следующие функции: информативную, аналитическую, оценочную, культууроформирующую, воздействующую, аттрактивную, рекламную и развлекательную. Тематика арт-рецензий в современных массмедиа очень разнообразна и связана с литературой, театром, кино, музыкой, выставками, фестивалями и т.д.

Благодаря рассмотрению проблемы отражения арт-сознания в языке рецензий представляется возможным проследить соотношение феноменов «язык – человек – общество», а также рассмотреть некоторые особенности формирования эстетической картины мира.

Теория вопроса

Поставленная проблема отражения арт-сознания в стилистике арт-рецензий имеет большое значение в связи с актуальностью темы взаимодействия языка СМИ и современной культуры, а также в связи с проблемой воздействия на аудиторию и формирования общественного мнения. По словам Л.Г. Кайды, рецензия – жанр, воздействие которого на читателя зависит от многих факторов. Рецензент выражает свое эстетическое чувство, совсем не обязательно совпадающее с эстетическим «я» режиссера-постановщика [Кайда 2016: 113]. В журналистском тексте эстетическая стратегия тесно переплетается с этической составляющей, усиливается риторической направленностью речи и эссеистическим пафосом личностного «я» [Кайда 2016: 113].

Для исследования специфики современного арт-сознания сквозь призму языка материалов СМИ большое значение имеет аспект связи языкового сознания с арт-сознанием. В.В. Красных пишет, что языковое сознание – это один из аспектов сознания человека, та «ипостась» сознания, которая связана с речевой деятельностью личности, а языковая картина мира – мир в зеркале языка; вторичный, идеальный мир в языковой плоти; совокупность знаний о мире, закрепленных в языке [Красных 2012: 124].

Художественное сознание – это форма общественного сознания, отражающая эстетическое отношение человека к миру в аспекте эстетических категорий прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического. Реалии и условия общественной жизни, специфика конкретной эстетической культуры становятся факторами, влияющими на трансформацию художественного сознания разных эпох. По мнению Н.С. Пичко, художественное сознание выступает как системное ценностное представление в сложившейся социокультурной ситуации понимания и отражения в эстетических категориях мира, общества, человека [Пичко 2015: 58].

Мы используем термин «арт-сознание» в качестве синонима термина «художественное сознание», но первый представляется предпочтительным в контексте современной арт-журналистики, а также с учетом применения термина «арт-сознание» в работе В.В. Бычкова о современной эстетике [Бычков 2005: 3-38].

В связи с полифункциональностью арт-рецензий важно проследить особенности реализации в текстах рецензий различных авторских интенций, так как «эстетические авторские стратегии – живые категории, подверженные веяниям времени и социальным условиям, и выбор их зависит от многих факторов» [Кайда 2016: 126]. Существует мнение, что во всяком критическом отклике на спектакль читатель встречается с индивидуальным восприятием автора, а через него с культурными приметам, в том числе – вкусами и предубеждениями эпохи [Таршис 2011: 165]. Отметим, что такая особенность критики характерна для рецензий не только на театральные постановки, но и на фильмы, литературу, музыку и т.д.

В свое время еще Л.С. Выготский писал, что искусство есть важнейшее средоточие всех биологических и социальных процессов личности в обществе, потому что оно есть способ уравнивания человека с миром в самые критические и ответственные минуты жизни [Выготский 2017: 405]. Однако современные театр и кинематограф все чаще лишаются гуманистического содержания и прекращают нести миссию гармонизации жизни человека, важную для искусства. В современной художественной культуре нередко возникает тенденция к дегуманизации искусства, когда категория возвышенного стирается, а категория низменного, наоборот, выходит на первый план. В.В. Бычков в работе «Проблемы и “болевы́е точки” современной эстетики» так характеризует арт-сознание современности: «Сознательно отказавшись от основных принципов классического эстетического опыта – прекрасного, возвышенного, трагического, миметизма, идеализации и т.п. – как излишне патетических и не коррелирующих с современным состоянием человеческого существования, нонклассика акцентирует внимание на маргинальных для классической эстетики принципах игры, иронизма, безобразного, понимая их в качестве базовых принципов инновационного арт-сознания современности» [Бычков 2005: 27]. Эпоха постмодернизма трансформирует понимание категорий прекрасного и возвышенного, которые, по Ю. Кристевой, являются результатом метафизического опыта абсурда, ситуации депрессии и меланхолии [цит. по: Тарасов 2009: 184].

Очевидно, что постмодернизм (с характерным для него смешением стилей и жанров) кардинально изменил как само искусство, так и его восприятие, и, соответственно, язык критики.

Критика продолжает оказывать влияние на аудиторию, но в особом направлении, так как значительную роль начинает играть рекламная функция материалов. При этом культууроформирующая функция арт-рецензии, как и аналитическая, встречается все реже.

Анализ материала

Арт-рецензия представляет собой актуальный объект для исследования современного арт-сознания в том числе благодаря присущей данному жанру высокой степени оценочности. Это связано во многом с тем, что оценка посредством критического анализа предполагает вовлечение в диалогическо-рефлексивный процесс читателей (зрителей) [Саенкова 2014: 290]. Театральные и кинокритические – тематические разновидности арт-рецензии. Кино и театр – синтетические виды искусства, а рецензии на фильмы и спектакли демонстрируют полифонию различных эстетических оценок, позволяющих проанализировать некоторые особенности современного арт-сознания, зафиксированного в языке. Автор рецензии, помимо анализа работы режиссера и актеров, может ставить своей задачей сравнить литературный первоисточник с экранизацией или театральной постановкой, а также оценить музыкальное, визуальное оформление спектакля или фильма и т.д.

Язык арт-рецензий не только отражает особенности арт-сознания времени, но также способствует формированию эстетической картины мира. Искусство, как и его восприятие, зависит от эпохи в целом: от вкусов и предпочтений аудитории, общественных настроений, явлений социальной жизни, исторических, политических событий. Л.Г. Кайда пишет о новом поле исследования проблемы «читатель – авторский подтекст»: «Надо вычитать не только эстетическую оценку рецензируемого журналистом спектакля, но и понять принципы восприятия его в контексте времени [Кайда 2013: 123].

И.В. Анненкова рассматривает такое явление, как «гедонистический текст», задача которого – вызвать эмоции, доставить наслаждение, развлечь, испугать или шокировать. Ведущими чертами гедонистического текста являются индивидуализм, глумливость и десакрализация [Анненкова 2011: 195]. Е.Е. Пронина в своей работе пишет, что глумление не изначальное качество гедонистического текста, а свойство специальное, привносимое сознательно для достижения манипулятивных эффектов [Пронина 2003: 172]. По мнению В.И. Шаховского, в результате преобразований, происходящих в языковом пространстве, изменяется характер эмоциональной коммуникации в межличностной, групповой и институциональной сферах. Все сложнее становится выражать свои позитивные чувства, но появляются все новые и новые средства для обозначения негативных эмоций и отрицательных явлений, порождения эмоционально отрицательных сообщений и целых текстов [Шаховский 2014: 19].

Язык арт-рецензий отражает дискурсивные процессы, происходящие в массмедиа. Стратегии десакрализации, культурного шока, гедонизации воплощаются и в этом, некогда рафинированном, сугубо интеллектуальном художественно-аналитическом жанре. Снижение культурно-речевого статуса и театрального, и кинопродукта, и самой рецензии в современных СМИ можно проследить уже на уровне лексики.

Язык рецензий отражает процессы, происходящие в театре и кино, поэтому показательно, что среди оценочной лексики часто употребляется лексема «шок». *И надо очень постараться, чтобы увидеть здесь нечто эпатажное и шокирующее после того, что мы видим в повседневной жизни* [Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2017/12/10/reg-cfo/v-bolshom-teatre-sostoialas-premera-nureeva.html> (Дата обращения: 16.08.2018)].

В качестве оценки в материалах о современном театре и кино распространено понятие «пошлости»: *Гламурно-пошлая киношка с претензией на голливудский шик не обладает столь разрушительной силой* [Электронный ресурс: URL: http://zavtra.ru/blogs/uragan_matil_da (Дата обращения: 12.08.2018)]. Также, когда речь идет о коммерческом, развлекательном кино, частотной оценкой, акцентирующей плохое качество, является выражение «фастфудный фильм», «фастфудное кино»: *В кинотеатрах очень много фастфудного кино, кино для подростков и аудитории, близкой к этому возрасту по уровню сознания* [Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2018/05/31/pochemu-iurij-grymov-znakomilsia-s-devushkami-v-tretiakovke.html> (Дата обращения: 20.07.2018)].

Современное арт-сознание зачастую характеризует преклонение перед тем, что успешно, эксклюзивно, модно, является хитом и т.д. Поэтому в тексты арт-рецензий проникает много рекламной лексики (хит, суперзвезда, тренд, бренд, эксклюзивный и т.п.).

В некоторых случаях эта лексика приобретает ироническое звучание: *Только скандал вокруг «Нуреева» не позволил премьере «Снегурочки» возглавить хит-парад продукции Большого театра* [Электронный ресурс: URL: http://zavtra.ru/blogs/pod_krishej_russkogo_repertuara (Дата обращения: 20.08.2018)].

Эстетические категории трагического и комического «размываются» как в самом искусстве, так и в критическом тексте, который, несмотря на свою «вторичность», призван вовлекать читателя в эстетическое осмысление действительности. В современном театре и кинематографе часто преобладают ирония, сарказм, стеб, что связано с дегуманизацией искусства. То же самое проецируется и в тексты рецензий. Приведем мнение журналиста Андрея Максимова о распространении стеба в театральной и общественной жизни: *Думаю, когда-нибудь потомки назовут наше время «эпоха большого стеба». Иронизировать и стебаться можно нынче надо всем. Девиз времени: «Не надо меня грузить, я не айфон!»* [Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2017/01/15/maksimov-gimas-tuminas-prizyvaet-igrat-dlia-teatralnyh-angelov.html> (Дата обращения: 14.09.2018)].

В связи с темой выражения иронии и стеба отметим также частотное использование в театральных и кинорецензиях заимствованных лексем «троллить», «троллинг»: *Троллинг большой формы<...>Роцин, похоже, троллит в своем спектакле представителей самых разных театральных направлений* [Электронный ресурс: URL: <http://oteatre.info/trolling-bolshoj-formy/>. (Дата обращения: 10.09)]. *Если отбросить рациональные соображения, которые помогли выбрать датой релиза именно первое июня, то можно почувствовать тонкие вибрации троллинга* [Электронный ресурс: URL: <http://seance.ru/blog/nelyubov-review/> (Дата обращения: 6.08.2018)].

Травестирование эстетического начала влечет за собой не только снижение культуры речи, но и утрату статуса традиционных ценностей, принятых в обществе норм, в том числе норм языковых. Демократизация публицистического стиля привела к распространению разговорной, сниженной лексики, сленга. Зачастую разговорная лексика используется для реализации аттрактивной функции рецензии, для выражения иронии или же для имитации мнения «простого человека», приближенного к аудитории: *Отдельный и, пожалуй, главный респект авторам режиссерской концепции (Московский комсомолец, 4.03.2015). Говоря молодежным слэнгом, а он моментами проскальзывает в спектакле Богомолова, Чебутыкин-Семчев – «бомба»* [Электронный ресурс: URL: <http://vm.ru/news/498957.html> (Дата обращения: 24.08.2018)].

Ирония (на грани со стебом) является одним из самых распространенных оценочных и аттрактивных средств.

Распространенным становится обозначение ситуации творческого соперничества, конкуренции как «баттла» по аналогии с «рэп-баттлами»: *В этот же день состоится одноименная премьера Богомолова. Дело пахнет прямо-таки, как говорят молодые, баттлом* [Электронный ресурс: URL: [https:// iz.ru/749295/vladimir-borisov/strastoliubtcy-i-slastoterptcy](https://iz.ru/749295/vladimir-borisov/strastoliubtcy-i-slastoterptcy) (Дата обращения: 02.09.2018)].

По мнению Н.В. Уфимцевой, качественная структура языкового сознания русских претерпела весьма существенные изменения. Сознание русских из «монологического» стало «полилогом», в нем обнаруживается множественность подходов, позиций, оценок, что создает основу для обмена разным содержанием и служит залогом, по М.М. Бахтину, возможности развития, создания нового содержания [Уфимцева 2011: 233]. Тенденции современного искусства связаны как с максимальным «упрощением», доступностью материала, так и, напротив, с альтернативным явлением – акцентацией интеллектуальности, элитарности произведений. Лексика, связанная с эстетической категорией возвышенного, используется в арт-рецензиях, несмотря на процессы активного распространения сниженной лексики.

В материалах арт-журналистики метафоризация и образность речи является очень существенным аспектом. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [Лакофф, Джонсон 1990: 389-390]. Таким образом, метафоры также могут отражать процессы, касающиеся арт-сознания времени и восприятия искусства.

Метафорический образ, как оценочное средство, может содержать характеристику фильма: *Мир «Льда» – параллельная реальность, состоящая из покрытых сладким вареньем глубостей* [Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2018/02/11/melodrama-led-nasmeshka-nad-zdravym-smyslom.html> (Дата обращения: 10.08.2018)]. А может характеризовать саму действительность через оценку постановки: говоря о противоречивой постановке К. Богомолова, рецензент акцентирует ее «беспощадность», подразумевая злободневность, а также жесткость подачи материала: *Спектакль Богомолова – краткий, талантливый и беспощадный, как скальпель хирурга* [Электронный ресурс: URL: <http://vm.ru/news/498957.html> (Дата обращения: 4.09.2018)].

Многочисленные метафорические образы в текстах рецензий демонстрируют, что эстетические категории прекрасного и возвышенного сохраняют свое значение, несмотря на сложные процессы в искусстве и культуре, поэтому критики нередко создают поэтические, художественные образы, оценивая игру актеров: *Кроме Ивана Воротняка все исполнители играют по несколько ролей, набрасывая их точными графичными штрихами. Главный же герой Горького – Карамора – портрет маслом, с рембрантовской светотенью и недосказанностью* [Электронный ресурс: URL: <http://www.teatral-online.ru/news/21759/> (Дата обращения: 16.08.2018)].

В то же время при анализе постмодернистской постановки рецензент нередко сам создает метафорические образы с постмодернистской эстетикой. Так, в следующем примере автор акцентирует идею уничтожения красоты, характерную для многих постмодернистских произведений: *Все кончилось плохо. Красоту с хрустом сожрали «челюсти Времени». Бесчувствие восторжествовало, к общей радости создателей спектакля и продвинутых зрителей* [Электронный ресурс: URL: [http:// www.mk.ru/culture/2018/05/24/rezhisser-bogomolov-potrenirovalsya-na-ubitykh-detyakh.html](http://www.mk.ru/culture/2018/05/24/rezhisser-bogomolov-potrenirovalsya-na-ubitykh-detyakh.html) (Дата обращения: 27.08.2018)].

Анализируя радикальные трактовки классики, авторы нередко используют и метафорические образы с употреблением агрессивной и военной лексики, что делает

оценку более жесткой. Таким образом, жесткость и категоричность выражения мыслей, характерные для современного сознания, проявляются и в таком эстетском жанре, как арт-рецензия. В театральных рецензиях часто встречаются метафоры подобного типа: «пьеса искромсана, взорвана», «авторская эстетика убита»: *Шекспировская пьеса искромсана, перелопачена и взорвана изнутри (Театр, № 13-14, 2013).*

Депрессивное мировосприятие, идея безнадежности становятся очень значимыми для постмодернистского искусства и для арт-сознания эпохи, что отражается в интонациях и лексическом наполнении многих театральных и кинокритических рецензий. В постмодернистском мире человек не воспринимается как личность, проблемы дегуманизации становятся актуальными как для искусства, так и для медиа. Анализируя эту проблему, В.В. Славкин замечает: «Если сейчас попытаться сформулировать наполнение концепта «человек», опираясь на журналистские тексты, то, к сожалению, на абсолютной периферии окажутся слова, отражающие духовность, порядочность, нравственную красоту человека (а не индивидуума). <...> Создается впечатление, что средствам массовой информации интересны те проявления человека, которые могут быть востребованы, прежде всего, в потребительском плане. Происходит «консьюмеризация» отношения к личности [Славкин 2010: 8].

Если кинематограф традиционно предоставляет аудитории немало фильмов с «хеппи-эндом», то в современных спектаклях все реже реализуется компенсаторная функция, то есть искусство как утешение, предлагающее катарсисное сопереживание. Постмодернистские постановки часто не оставляют надежды, декларируя идею разрушения и пессимистического восприятия мира. Подобные идеи преобладают и в современном артхаусном, фестивальном кино. В связи с этим критики нередко полемизируют с режиссерами, используя различную лексику философского дискурса для эстетической и этической оценки. Гуманистическая концепция сохраняет свою значимость для искусства и общества, что отражается в материалах арт-журналистики о театре и кино. В российских СМИ много дискуссий на тему надежды и ее отсутствия вызвали премьеры фильмов А. Звягинцева «Нелюбовь» и Б. Хлебникова «Аритмия»: *У Звягинцева – пессимизм, помноженный на авторское высокомерие и технический перфекционизм, у Хлебникова – вроде бы неказистый реализм, однако с мощной метафорической подкладкой* [Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2017/11/02/boris-hlebnikov-aritmiiia-nachinalas-kak-televizionnyj-proekt.html> (Дата обращения: 10.08.2018)]. *Нашлось немало людей, которые объявили фильм слишком добрым и душевным – мол, благодатная сказка для интеллигенции с задорным хеппи-эндом* [Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2017/11/02/boris-hlebnikov-aritmiiia-nachinalas-kak-televizionnyj-proekt.html> (Дата обращения: 17.08.2018)]. Интересно отметить, что лексемы «добрый», «доброта» достаточно часто используются в рецензиях на фильмы и спектакли, причем сами понятия во многих случаях акцентируются как что-то особенное и непривычное для нашей современной реальности и противопоставляются «чернушности» и жестокости: *Для меня принципиально важно: Козловский снял доброе кино. Кто-то когда-то решил, что правда в кино только тогда настоящая, когда она чернушная. Почему так? Козловский снял картину о том, что доброта, если она бескорыстна, в конце концов побеждает* [Электронный ресурс: URL: <https://rg.ru/2018/05/06/andrej-maksimov-ob-otnoshenii-k-rezhisserskomu-debitutu-danily-kozlovskogo.html> (Дата обращения: 14.09.2018)].

Выводы

Наше исследование особенностей современного арт-сознания сквозь призму языка медиатекста показало, что стилистика современной арт-рецензии отражает про-

цессы, происходящие, с одной стороны, в языке СМИ, а с другой – в сфере культуры, общественного сознания и языкового сознания. Языковое сознание оказывается взаимосвязанным с арт-сознанием и находит свое отражение в стилистике материалов массмедиа. Кроме того, на примере языка арт-рецензий можно наблюдать некоторые особенности формирования эстетической картины мира, трансляции эстетических и этических ценностей. Оценочность, присущая жанру рецензии, способствует более наглядному проявлению в тексте специфики арт-сознания эпохи.

Дискретность, разорванность постмодернистского сознания отражает и жанр арт-рецензии. Стремление к развлекательности, к перформативности и эпатажу (что способствует активному применению аттрактивных речевых средств), ироническое восприятие действительности, противоречивость эстетических оценок, вариативность интерпретаций смыслов искусства, контаминация основных эстетических категорий – все это черты арт-сознания постмодернистской культуры, проявляющегося в том числе и в языке театральной и кинокритики (тематических разновидностей арт-рецензии). Идея безнадежности, пессимизма, постулируемая во многих современных постановках и фильмах, отражается в определенном выборе лексики, в стилистике арт-рецензий, формирующих депрессивную эстетическую картину мира, однако интересно проследить обратную тенденцию, связанную с полемикой по поводу статуса национально-архетипических, социокультурных ценностей европейской и русской культуры. Таким образом, арт-рецензии на фильмы и спектакли демонстрируют множественность эстетических и этических оценок, которые позволяют проанализировать некоторые особенности современного арт-сознания, зафиксированного в языке.

Литература

- Анненкова И.В.* Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. 391 с.
- Бычков В.В.* Проблемы и «болевы точки» современной эстетики // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. М., 2005. С.3-38.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 448 с.
- Кайда Л.Г.* Интермедиальное пространство композиции. М.: Флинта: Наука, 2013. 184 с.
- Кайда Л.Г.* Эстетический императив интермедиального текста: лингвофилософская концепция композиционной поэтики. М.: Флинта: Наука, 2016. 128 с.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики: Лекционный курс. М.: Гнозис, 2012. 333 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
- Пичко Н.С.* Художественное сознание как универсум // Ярославский педагогический вестник. 2015. №1. Том 1 (Культурология). С. 56-60.
- Пронина Е.Е.* Психология журналистского творчества. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. 320 с.
- Саенкова Л.П.* Вариативность подходов к классификации жанров в журналистике и кинокритике // Слова ў кантэксце часу: да 85-годдзя прафесара А.І.Наркевіча: зб. навук. прац / пад агул. рэд. В.І. Іўчанкава. – У 2-х т. Т.1. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2014. С. 286-293.
- Сидякина А.А.* Художественно-просветительские периодические издания (арт-журналистика) // Журналистика сферы досуга: учебное пособие под общ. ред. Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой. СПб.: Высш. школа журн. и масс. коммуникаций, 2012. С. 123-131.

Славкин В.В. Человек – это звучит...? // МедиаТренды. 2010. № 11(16). С.8.

Тарасов А.Н. Теория деконструкции как философско-теоретическая основа эстетики постмодернизма // Философия и общество. 2009. № 1 (53). С.174-187.

Тарихис Н.А. Театральная критика и театроведение // Введение в театроведение: учебное пособие / отв. ред. Ю.М. Барбой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, 2011. С. 161-170.

Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология: комплексный подход к изучению языка, речевой деятельности и человека // Вопросы психолингвистики. 2014. № 1 (19). С. 13-21.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

THE MODERN ART-REVIEW AS REFLECTION OF ART-CONSCIOUSNESS OF POSTMODERN CULTURE (TO THE QUESTION)

Margarita M. Gruzdeva

Teacher, Department of Russian Language Stylistics, Faculty of Journalism,
Lomonosov Moscow State University,
125009 Moscow, Mokhovaya Street, 9.
mar-gruzdeva@yandex.ru

This article deals with stylistic peculiarities of theatre and cinema reviews which are thematic varieties of art-review and reflect specificity of modern art-consciousness. The art-review genre is analyzed in the study as a result of media convergence, mediatization and transformation of traditional genre review. The article is devoted to the actual problem of the interaction of the mass-media language, modern culture, social consciousness and art-consciousness. The study of modern art-consciousness through the prism of the language of mass-media materials has a great importance as the language consciousness is interconnected with art-consciousness. The aim of the article is to disclose in brief the phenomenon of art-consciousness and to ground its influence on the stylistics of modern art-reviews. Language means which form and reflect certain perception of art and also contribute to the formation of aesthetic view of the world, transmission of aesthetic and ethical values are reconsidered in the article. The film and performance reviews show the polyphony of different aesthetic values which allow to analyze certain peculiarities of modern art-consciousness which is fixed in the language.

The complex method with interdisciplinary approach is used to solve the problem. One of the main methods is discourse analysis. The article analyzes theatre and cinema reviews published mainly in Russian mass-media in 2015-2018.

The analysis of the material shows that the language of art-reviews reflects the following peculiarities of modern art-consciousness: desire to entertainment, performativity and epatage which promote the active use of attractive language means, ironic perception of reality, controversy of aesthetic values, varieties of interpretation of the implication of art, contamination of the main aesthetic categories. Besides the language of art-reviews reflects the controversy in society about the status of human and cultural values.

Keywords: art-review, theatre review, cinema review, art-consciousness, language consciousness, aesthetic picture of the world

References

- Annenkova I.V.* Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosofskij aspekt yazyka SMI [Mediadiscourse of the XXI century. Linguophilosophical aspect of the mass media language]. M.: Moscow State University press, 2011. 391s. (In Russian).
- Bychkov V.V.* Problemy i «bolevye točki» sovremennoj estetiki [Problems and “pain spots” of modern aesthetics] // Estetika: Vchera. Segodnya. Vsegda [Aesthetics: Yesterday. Today. Forever]. M., 2005. Vol. 1. S. 3-38. (In Russian).
- Kajda L.G.* Intermedial'noe prostranstvo kompozicii [The Intermedial Space of Composition]. M.: Flinta: Nauka, 2013. 184 s. (In Russian).
- Kajda L.G.* Esteticheskij imperativ intermedial'nogo teksta: lingvofilosofskaya koncepciya kompozicionnoj poetiki [The aesthetic imperative InterMedia text: linguistics and philosophy concept of compositional poetics]. M.: Flinta: Nauka, 2016. 128 s. (In Russian).
- Krasnyh V.V.* Osnovy psiholingvistiki: Lekcionnyj kurs [Fundamentals of psycholinguistics: the lecture course]. M.: Gnozis, 2012. 333 s. (In Russian).
- Lakoff G., Johnson M.* Metafory, kotorymi my zhivym [Metaphors We Live] // Teoriya metafory [Metaphor theory]. M.: Progress, 1990. S. 387-415. (In Russian).
- Pichko N.S.* Khudozhestvennoe soznanije kak universum [Artistic Consciousness as Universe] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]. 2015. №1, Volume 1 (Culturology). S. 56-60. (In Russian).
- Pronina E.E.* Psikhologiya zhurnalistskogo tvorchestva [Psychology of journalistic creativity]. M.: Moscow State University press, 2003. 320 s. (In Russian).
- Saenkova L.P.* Variativnost' podhodov k klassifikacii zhanrov v zhurnalistike I kinokritike [Variability of approaches to genre classification in journalism and film criticism] // Word in the context of time: to the 85th anniversary of Professor A. I. Narkevich: compilation of scientific works / under the general editorship of V. I. Ivchenkov. Vol. 1. Minsk, 2014. S. 286-293. (In Russian).
- Shakhovskiy V.I.* Emotivnaya lingvoekologiya: kompleksnyj podhod k izucheniyu yazyka, rechevoj deyatel'nosti I cheloveka [Emotive lingua-ecology: the complex approach to the study of language, speech activity and a human being] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of psycholinguistics]. 2014. № 1 (19). P. 13-21. (In Russian).
- Sidyakina A.A.* Khudozhestvenno-prosvetitel'skiye periodicheskiye izdaniya (art-zhurnalistika) [Artistic and educational periodicals (art-journalism)] // Zhurnalistika sfery dosuga: uchebnoe posobie [Journalism of entertainment sphere: Textbook] / under the general editorship of L.R. Duskaeva, N.S. Czvetova. Saint-Petersburg: Higher School of Journalism and Mass Communications, 2012. S. 123-131. (In Russian).
- Slavkin V.V.* Chelovek – eto zvuchit...? [What does the word “man” sound?] // Mediatrendy [MediaTrends]. 2010. № 11(16). S. 8. (In Russian).
- Tarasov A.N.* Teoriya dekonstrukcii kak filosofsko-teoreticheskaya osnova estetiki postmodernizma [The theory of deconstruction as philosophical theoretical basis for the postmodernism aesthetics] // Filosofiya I obshchestvo [Philosophy and society]. 2009. № 1 (53). S. 174-187. (In Russian).
- Tarshis N.A.* Teatral'naya kritika I teatrovedenie [Theatre criticism and theatre studies] // Vvedenie v teatrovedenie: uchebnoe posobie [Introduction to theatre studies: Textbook]. Saint-Petersburg, 2011. S. 161-170. (In Russian).
- Ufimtseva N.V.* Yazykovoe soznanie: dinamika I variativnost' [Language Consciousness: dynamics and variability]. M.: Institute of Linguistics (RAS), 2011. 252 s. (In Russian).
- Yygotskij L.S.* Psikhologiya iskusstva [Psychology of Art]. Saint-Petersburg: Azbuka-Attikus, 2017. 448 s. (In Russian).

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-186-199

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА

Баринова Ирина Александровна

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614000, Пермь, Комсомольский проспект 29.
barinova.i.a@yandex.ru

Доценко Тамара Ивановна

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
614990. г. Пермь, ул. Сибирская, 24
tamaradotsenko@bk.ru

Овчинникова Ирина Германовна

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
619000, Пермь, Букирева, 15
Ira.ovchi@gmail.com

Чугаева Татьяна Николаевна

Пермский федеральный исследовательский
центр УрО РАН, Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Ленина 13а
tatiananch@mail.ru

В статье представлены основные результаты изучения и моделирования ментального лексикона учеными Перми. Ментальный лексикон исследуется на материале ассоциативных экспериментов разного типа, а также ошибок и оговорок. Авторы обсуждают графовую модель ментального лексикона, сетевое представление пополняемого словаря в сознании изучающих иностранный язык детей и взрослых. Пополняемый иноязычный словарь функционирует как сублексикон единой ассоциативно-вербальной сети. Ментальный лексикон соотносится с перцептивной базой языка; перцептивные эталоны словоформ в сознании слушающего открывают доступ к леммам, а через них – к семантическим репрезентациям. Такие эталоны для изучаемого языка формируются по мере накопления опыта аудирования, приближаясь к тем, что представлены в сознании носителей данного языка. Проведенные исследования восприятия словоформ английского языка носителями его британского и американского вариантов, а также русскими студентами, изучающими английский как иностранный, положены в основу оригинальной методики обучения аудированию английской речи.

Ключевые слова: гибридные модели ментального лексикона, ассоциативно-вербальная сеть, перцептивная база языка, естественный и искусственный билингвизм

Вводные замечания

Психолингвистические исследования в Перми соответствуют Щербовской лингвистической традиции, поскольку в Перми работают ученики Леонида Владимировича Сахарного и Аллы Соломоновны Штерн. В последние годы исследования психолингвистов Прикамья объединяет интерес к проблемам билингвизма и двуязычия, а также к организации ментального лексикона и ее трансформации при билингвизме. Внимание к двуязычию обусловлено спецификой региона, в котором соседствуют типологически различные языки, принадлежащие разным языковым семьям, а среди жителей распространен национально-русский билингвизм. В аспекте учебного двуязычия исследуется восприятие речи на родном и изучаемом языках; с позиций естественного билингвизма рассматриваются особенности осознания значения русского слова носителями иных языков, распространенных в регионе.

Исследования пермских психолингвистов отличает приверженность полевым записям, экспериментальным методам и оценке статистической достоверности полученных результатов. Организация ментального лексикона анализируется на основе данных ассоциативных экспериментов разных типов и речевых сбоев. Для выявления типа билингвизма, степени сформированности иноязычной компетенции, меры межъязыковой интерференции применяются не только экспериментальные методы, но и слуховой анализ и методы корпусной лингвистики. Записи и обработанные экспериментальные данные обладают самостоятельной ценностью, поскольку могут быть использованы для решения новых исследовательских задач. Среди наиболее важных прикладных результатов работы психолингвистов Прикамья стоит выделить:

- ассоциативные словари младших школьников (см. обзор: [Еленевская, Овчинникова 2015]);
- звучащие хрестоматии спонтанной речи и русской речи билингвов [Русская спонтанная речь... 2007, 2010, 2012, 2014];
- практикум по аудированию английской речи [Практикум... 2005].

Исследования проводятся в университетах Перми и Пермском научном центре УрО РАН. В ПГНИУ с начала 2000-х годов работает Социопсихолингвистическая Школа для молодых исследователей и выходит сборник научных статей «Проблемы социо-психолингвистики», в 2013 г. учрежден научный электронный журнал «Социо- и психолингвистические исследования».

В данной статье мы представим наиболее актуальные результаты изучения ментального лексикона на фоне отечественных и зарубежных подходов к моделированию ментальной репрезентации языка.

О моделировании ментального лексикона

Современные модели ментальной репрезентации языка различаются не только отношением к противопоставлению лексикона и грамматики, но и ориентацией на порождения или восприятия речи, а также совместимостью с языками различного строя. Хотя психические и нейрофизиологические механизмы обеспечения речевой деятельности едины, процедуры существенно варьируют в зависимости от типа языка [Ваауен 2014]. В силу этого валидное для языков разных типов описание ментального лексикона в виде единой модели вряд ли возможно. Актуальные модели ментальной репрезентации языка группируются в четыре класса [Ваауен 2014]:

- односистемные модели, не разделяющие лексикон и грамматику;
- двусистемные модели, ограничивающие лексикон как инвентарь единиц от грамматических правил;

- гибридные модели, допускающие наряду с целостным поэлементное хранение словоформ и использование правил комбинирования морфем в словоформах;
- модели без ментального лексикона.

Большая часть исследований ментального лексикона пермскими психолингвистами соотносится с гибридными моделями, ориентированными на восприятие речи.

Гибридные модели предполагают как гештальтное хранение словоформ, так и разложение словоформы на морфемы; по крайней мере продуктивные аффиксы могут храниться как самостоятельные единицы и, соответственно, выступать как оперативные единицы при планировании высказывания. В таком случае хранение единиц и оперирование ими происходит благодаря трем уровням репрезентации: представление о морфемах, представление о целостной словоформе, представление о лемме. Словоформа извлекается из ментального лексикона как гештальт, хотя возможно ее поэлементное извлечение как для распознавания при восприятии речи, так и при порождении высказывания. Лемму трактуют по-разному, однако все трактовки объединяет отнесенность к семантике; вернее, лемма опосредует переход от формальных репрезентаций (звукового / графического облика словоформы) к семантической сети. Лемма представляет общее значение лексемы, таким образом обеспечивая доступ к концепту как единице семантической сети.

Актуальные модели ментального лексикона, наряду с обобщением результатов экспериментов по стандартизованным методикам, зачастую явно или неявно опираются на положения ранней психолингвистики. Возможность двойственного осознания производного слова (и его словоформ) как целиком, так и на основе поэлементного анализа доказана Л. В. Сахарным [Сахарный 1985]. Если словоформа представляет единицу хранения практически во всех моделях ментального лексикона, то в процессе поиска доступа к ней возможно оперирование иными единицами: морфемами (квазиморфемами) при восприятии и леммами при порождении речи. Единица хранения может не совпадать с оперативной единицей – той, которой оперирует говорящий / слушающий (об оперативных единицах см. [Штерн 1992]).

По сложившейся в российской психолингвистике традиции ментальный лексикон представляют как ассоциативно-вербальную сеть [Караулов 1999], как «динамическую функциональную систему, самоорганизующуюся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочивания речевого опыта и его продуктами» [Залевская 1999: 154]. В таком случае единицей хранения в ментальном лексиконе могут выступать языковые (вербальные) единицы. Исходя из определения А.А. Залевской, ментальный лексикон можно изучать в когнитивном, функциональном и динамическом аспектах.

Ментальный лексикон в когнитивном аспекте

Организация ментального лексикона, обеспечивающая его функционирование в речевой деятельности, представлена в графовой модели [Доценко, Лещенко 2013, 2014], описывающей взаимодействие словоформ, лемм и концептов в единой сети. Модель ментального лексикона построена на трех основополагающих принципах: (1) ассоциативном, позволяющем рассматривать ментальный лексикон как ассоциативно-вербальное образование; (2) вероятностном, представляющем лексикон как вероятностную организацию его единиц, и (3) сетевом, согласно которому упорядочивание и объединение единиц ментального лексикона происходит в пределах сложной системы разнонаправленных и разнотипных ассоциативных связей, визуализированных в виде

взвешенного ориентированного графа. Граф, реконструируемый по материалам различных ассоциативных экспериментов с носителями языка или обучающимися языку, представляет собой модельный аналог всей ассоциативно-вербальной сети (АВС); его узлами являются ментальные репрезентации словоформ с межузловыми связями (дугами/ребрами), которые демонстрируют способы взаимодействия узлов между собой в целостной структуре АВС.

В ходе анализа графовой модели Т.И. Доценко и Ю.Е. Лещенко изучают свойства как изолированных узлов сети, так и относительно целостных сетевых подструктур: кластеров узлов и отдельных подсетей, которые рассматриваются как базовые структурные единицы. Характеристика этих базовых структурных единиц, их типология и функциональная активность во многом определяются спецификой ассоциативных связей: их типом, направлением и силой.

Относительно устойчивые подсети имеют разные функции и активируются при решении разных задач. Особую роль среди устойчивых подсетей играют те, что устроены на основе семантического сходства. Данные подсети являются когнитивными аналогами семантических полей. Изучение семантических подсетей в ментальном лексиконе показывает, с одной стороны, их устойчивость (сохранение ядра при обращении к разным группам испытуемых и к разным методам исследования), с другой стороны, вариативность в зависимости от социальных характеристик информантов [Белоусов, Ерофеева 2015; Belousov et al. 2015]. Семантические подсети служат основой формирования социальных стереотипов, идентичностей и ценностей [Ерофеева 2014а, 2014б].

Ментальный лексикон в функциональном аспекте

Исследование ментального лексикона в функциональном аспекте дает возможность говорить о его дифференциации на функциональные сублексиконы в зависимости от разных видов речевой деятельности: перцептивный, активный [Доценко, Пересторонина 2016], актуальный иноязычный сублексикон [Доценко, Лещенко 2016].

Современные модели ментального лексикона билингва основаны на представлении о единстве сети, в которой формируются новые узлы доступа к уровню лемм и концептов [Баринава, Нестерова 2016]; освоение нового языка происходит при активном участии родного и всех ранее освоенных языков. В экспериментальных исследованиях [Доценко, Лещенко 2014; Доценко, Лещенко, Остапенко 2015] было выявлено, что структура полилингвального ментального лексикона искусственных билингов и «комбинированных» трилингов характеризуется межязыковыми разнокодowymi и внутриязыковыми однокодowymi структурами. Первые отвечают за процессы взаимодействия и взаимовлияния разных языков в единой сети. Вторые обуславливают разграничение и относительную независимость вербальных репрезентаций разных языков в лексиконе.

Такая организация полилингвального лексикона позволяет индивиду в разного типа коммуникативно-речевых ситуациях, с одной стороны, не смешивать языки между собой (отграничивать один от другого), а с другой – осуществлять быстрый переход между ними (свободно переключаться с одного на другой). И в том и другом случае единицы ментального лексикона становятся функционально активными.

Ментальный лексикон в динамическом аспекте

Исследование ментального лексикона в динамическом аспекте строится на материалах лонгитюдных ассоциативных экспериментов, а также на сопоставлении структуры ассоциативных связей в ментальном лексиконе детей и взрослых.

Разработке структурно-динамической модели становления полилингвального ментального лексикона, формирующегося в учебной ситуации изучения английского языка, посвящены работы [Барина, Нестерова 2015; Доценко, Лещенко, Остапенко 2014, 2015; Доценко, Пересторонина 2016]. Динамический характер разрабатываемой модели проявляется в ее способности к самоорганизации и непрерывному изменению на каждом этапе освоения иностранного языка: на стадии первичного становления иноязычного сублексикона и на стадии его наращивания.

Стадию первичного становления иноязычного сублексикона в формирующемся билингвальном лексиконе взрослого характеризует ярко выраженное стремление «русифицировать» иноязычное слово и разместить его в системе родного языка. Этот процесс наблюдается в подсистеме межъязыковых связей. На стадии первичного становления иноязычного сублексикона межъязыковые связи формируются, во-первых, на основе фонетико-графического сходства между экспонентами слов иностранного языка и родного (*girl* – гилянды, гриль; *nice* – низ, нос; *every* – вера, врун); и, во-вторых, на основе разнообразных семантических связей слова родного языка, эквивалентного иноязычному (*nice* – приятный; *girl* – красивая, маленькая). Наличие незначительного количества собственно иноязычных связей, обычно дублирующих соответствующие межъязыковые связи (ср.: *girl* – *little* и *girl* – маленькая), указывает на зарождение процесса конкуренции между лексическими системами двух языков. Вероятно, межъязыковые связи на основе сходства экспонентов словоформ отступают по мере формирования перцептивных эталонов изучаемого языка, в результате чего звуковой облик иноязычного слова больше не ассоциируется со звуковой системой родного языка¹. Стадия наращивания иноязычного сублексикона характеризуется тем, что в его структуре активируются внутриязыковые фонетико-графические связи (*funny* – *full*, *happy* – *rippy*), увеличивается количество параллельных связей, свойственных одновременно обоим языкам, часть из которых актуализируется только на иностранном языке (*girl* – *boy*, *happy* – *sad*, *happy* – *birthday*). Возникновение иноязычных двунаправленных связей указывает на усиление их «конкурентоспособности» и формирование ядра вновь организующегося иноязычного сублексикона. В результате «окрепшая» иноязычная подсистема начинает активно «выталкивать» межъязыковые связи на периферию и наращивает свой потенциал за счет новых внутриязыковых связей, в которых закрепляются знания об иноязычном слове. Таким образом, при наращивании иноязычного сублексикона постепенно происходит блокирование/отторжение семантических путей в родной язык, и усилия индивида оказываются сфокусированными непосредственно на системе изучаемого языка, его соотношения с уровнем лемм и концептами.

Взаимодействие языков в сознании билингва анализируют на материале оговорок и ошибок – отрицательного языкового материала, приоткрывающего механизмы лексического выбора, распознавания словоформ в речи, языковой рефлексии. Сбои в работе парадигматического механизма речевой деятельности обнажены в неверном выборе леммы или словоформы; сбои синтагматического механизма приводят к ошибкам комбинирования словоформ в синтаксической конструкции [Барина, Овчинникова 2015]. Если парадигматические сбои указывают на дефект активации узла в сети, то синтагматические обусловлены медленным затуханием уже активированных связей, по этой причине активированная единица выступает в качестве прайма для последую-

---

¹ Перцептивные эталоны обсуждаются в п.6.

щих [Овчинникова, Павлова 2016].

Представленные на уровне концепта знания подвержены воздействию разнообразного многоязычного когнитивного и коммуникативного опыта билингва, что приводит к изменению соотношений признаков, описывающих лемму, даже при сбалансированном билингвизме [Еленевская, Овчинникова 2015].

Ментальный лексикон vs перцептивная база языка: теоретические и прикладные аспекты

Ментальный лексикон в перцептивном аспекте, то есть с позиции доступа от воспринимаемых речевых сигналов к смыслу, изучают в Пермском научном центре Уральского отделения Российской академии наук (ПНЦ УрО РАН).

Представленность в ментальном лексиконе морфем, целостных словоформ и лемм на разных его уровнях в рамках гибридной модели предполагает возможность оценивать надежность распознавания словоформы, исходя из грамматических признаков, а также сегментных и супraseгментных фонетических характеристик. Более того, вариативность звукового облика словоформы в речевом потоке предполагает наличие такого механизма восприятия речи, который позволил бы соотнести изменчивый акустический сигнал с перцептивным эталоном языковой единицы, хранимым в сознании и связанным с уровнем лемм. Работа этого механизма опирается на вероятностное прогнозирование последующего сигнала речевой цепи на основе различных признаков, описанных А.С. Штерн [Штерн 1992]. В сущности, исследование восприятия речи в таком аспекте представляет собой анализ механизмов доступа к единицам ментального лексикона.

Особую важность данный аспект изучения восприятия речи имеет для овладения иностранными языками, поскольку освоение нового языка начинается с формирования его перцептивной базы для распознавания единиц в речевом потоке, вычленения словоформ и определения границ законченного высказывания.

В контексте продолжающейся дискуссии о построении единой комплексной модели восприятия речи новую значимость приобретает системное представление о перцептивной базе языка [Джапаридзе 1985] в его расширительной трактовке, предложенной А.С. Штерн [Мурзин, Штерн 1991], при которой система перцептивных эталонов включает единицы разных уровней: фонетического, лексического, синтаксического [Мурзин, Штерн 1991]. Перцептивные эталоны, объединенные в перцептивную базу языка, соотносятся с единицами ментального лексикона: перцептивные эталоны лексического уровня представляют собой единицу доступа к уровню словоформ, соотношенных с леммами, а тем самым – с семантическими репрезентациями. Актуальной лингвистической задачей остается моделирование перцептивной базы языка как иерархической вероятно организованной структуры многомерных матриц языковых единиц разных уровней, пронизанных множественными перекрещивающимися перцептивно значимыми лингвистическими признаками. Характеризуя форму языковых единиц, комплекс признаков опосредует доступ к перцептивному эталону и проникновение на семантический уровень.

В памяти носителя языка хранятся эталоны звукового облика слов и основных синтаксических конструкций (включая интонационный контур) соответствующих предложению. Комплекс лингвистических признаков характеризует план выражения языковых единиц и благодаря этому опосредует доступ к перцептивному эталону, соотношенному с планом содержания, то есть языковой семантикой.

Экспериментальное изучение восприятия звучащей иноязычной речи проводится в ПНЦ УрО РАН в течение полутора десятилетий. Механизмы восприятия иноязычного слова при учебном двуязычии исследовались на материале распознавания и понимания английской речи британцами, американцами и русскими аудиторами, осваивающими английский как иностранный. Материалом для исследования послужили программы разнородных английских словоформ (одно-, дву- трехсложные и длинные, т.е. 4-х и более сложные), сбалансированные по основным лингвистическим признакам; сбалансированные программы предложений, а также экспериментальные тексты. Экспериментальный материал был сформирован на основе лингвостатистического анализа Британского Национального корпуса (British National Corpus) (БНК) и Американского Национального корпуса (American National Corpus) (АНК). Проведен слуховой и аудиторский анализ записей звучащей речи (более 9,5 часов звучания). Общий объем обработанного экспериментального материала составил более 100 000 реакций.

Наиболее важными результатами исследований считаем:

– лингвостатистическое описание и выявление основных перцептивных типов английского слова (британский вариант) (более 10 тыс. единиц словоформ БНК) [Чугаева, Байбурова, Мякотникова 2015];

– лингвостатистическое описание ядерных типов английского слова (американский вариант) (более 2 тыс. единиц словоформ АНК) [Мякотникова 2014б], что может служить основанием для построения перцептивной классификации слов английского языка с учетом двух вариантов английского, описание их сходства и различия [Мякотникова 2014а; Чугаева, Байбурова, Мякотникова 2017];

– создание и практическую апробацию методики выявления и описания механизмов восприятия англоязычной речи носителями разных вариантов английского языка (британцев и американцев) и сопоставление аутентичных механизмов восприятия с механизмами восприятия русскоязычных, изучающих английский язык [Байбурова, Мякотникова, Чугаева 2016];

– обоснование автономности механизма восприятия предложения, описание и сопоставление стратегий опознания английского предложения носителями языка и русскоязычными аудиторами, и как следствие, необходимость целенаправленного формирования эталонов синтаксических единиц перцептивной базы языка наряду с формированием эталонов слов [Порческу 2014].

Следуя шербовскому принципу *единства исследования и преподавания*, Т.Н. Чугаева и ее ученики на основе полученных результатов разработали методику объективной, качественной и количественной, диагностики перцептивных умений изучающих язык, что обеспечивает надежную лингвистическую основу целенаправленного обучения восприятия англоязычной речи для разных вариантов английского языка.

Предложенное исследовательским коллективом оригинальное лингводидактическое направление особенно актуально в аспекте акмеологии, приобретающей все большее значение [Залевская 1996; Румянцева 2004]. В стремительно меняющихся российских условиях владение иностранным языком на высоком уровне рассматривается как неотъемлемая часть профессиональной компетенции специалиста [Ворожцова 2000], что естественно предполагает сформированность умений понимать живую (аутентичную) иноязычную речь. В ситуации традиционной для российской действительности недосформированности перцептивных механизмов, когда требуется

их кардинальная перестройка, по принципу «снизу-вверх», в сочетании с привычным принципом «сверху-вниз», особенно важным представляется эффективное системное формирование разных уровней перцептивной базы иностранного языка. Практическая апробация созданной на основе полученных экспериментальных данных методической системы обучения аудированию, а также метод качественной и количественной диагностики перцептивных умений на разных этапах овладения иностранным языком доказали свою эффективность.

Заключение

Моделирование ментальной репрезентации языка оказывается одновременно и целью научного анализа речевой деятельности, и средством для обоснования прикладных разработок в области обучения языкам. Модели, базирующиеся на установлении связи между действительно системными явлениями языка и скрытой от непосредственного наблюдения системностью речевой деятельности [Бондарко 1998], позволяют не только объяснить, как мы храним языки в сознании и используем в коммуникации, но усовершенствовать методологию обучения языкам, поскольку лишь постижение закономерностей процесса его усвоения [Леонтьев 1988, Grosjean 2008] является единственным способом коренного улучшения преподавания.

Литература

Байбурова О.В., Мякотникова С.Ю., Чугаева Т.Н. Особенности перцептивного строя английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского и американского вариантов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология / 2016. № 1 (33). С. 36-52.

Барина И.А., Нестерова О.А. О некоторых особенностях языковой личности билингва // Филологические науки. Вопросы теории и практики; Грамота. 2015. № 4-1(46). С. 26-29.

Барина И.А., Нестерова Н.М. О возможности моделирования переводческого билингвизма // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 5. С. 73-77.

Барина И.А., Овчинникова И.Г. Переводческие ошибки: коммуникативные vs когнитивные // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2(16). С. 93-100.

Белоусов К.И., Ерофеева Е.В. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) // Политическая лингвистика. 2015. № 3(53). С. 80-90.

Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во СПб-ГУ, 1998. 275 с.

Ворожцова И.Б. Личностно-деятельностная модель обучения иностранному языку. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. 87 с.

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Универсальные структуры и их функции в ментальном лексиконе билингва // Труды СПИИРАН. СПб.: СПИИРАН, 2013а. Вып. 2(25). С. 371–382 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mathnet.ru/php/archive>] (дата обращения: 22.10.2017).

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Кластеры двуязычной ассоциативно-вербальной сети как модельный аналог ментальных репрезентаций // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты. СПб.: Университетские Образовательные Округа, 2014. С.39-49.

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Актуальный иноязычный лексикон монолингвов и билингвов // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. Ред. А.В. Рудакова. Воронеж: «Истоки», 2016. Вып.3. С. 49-58.

Доценко Т.И., Леценко Ю.Е. Остапенко Т.С. Динамика межъязыковых взаимодействий в ментальном лексиконе естественных билингвов (на фоне становления профессиональной лингвистической компетенции) // Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики: монография / Г.Б. Асавбаева, С.А. Бейсханова, Д.Д. Джантасова и др. Новосибирск: ЦРНС, 2015. С. 49-69.

Доценко Т.И., Пересторонина Д.В. Активный иноязычный лексикон детей дошкольного возраста в ситуации учебной игры // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34). С. 66-75.

Еленевская М.Н., Овчинникова И.Г. Русскоязычные ассоциации израильтян как отражение изменений в языке и культуре // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 226-241.

Еленевская М.Н., Овчинникова И.Г. Хранение и описание вербальных ассоциаций: словари и тезаурусы // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 69-92.

Ерофеева Е.В. Моделирование социальных ценностей через анализ актуального лексикона // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты. СПб.: Университетские образовательные округа, 2014а. С. 12-26.

Ерофеева Е.В. Несоциологическое исследование социальных идентичностей и ценностей: теоретическое обоснование, методы исследования, язык // Социо- и психолингвистические исследования. Пермь: Перм.гос.нац.исслед.ун-т, 2014б. Вып. 2. С. 90-102.

Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: Тверской государственный университет, 1996. 56 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М: РГГУ, 1999. 382 с.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 1999. 180 с.

Леонтьев А.А. Преподавание иностранных языков в школе: Мнение о путях перестройки. Иностранные языки в школе. 1988. № 4. С. 19-21.

Леценко Ю.Е., Доценко Т.И. Влияние профессиональной двуязычной компетенции на взаимодействие языков в ментальном лексиконе студента-филолога // Социо- и психолингвистические исследования. Пермь: Перм.гос.нац.исслед.ун-т, 2016. Вып. 4. С. 74-81.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. 169 с.

Мякотникова С.Ю. Сходства и различия фонетических типов слова в британском и американском вариантах английского языка (на материале корпусов АНК И БНК) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014а. № 3. С. 77-86.

Мякотникова С.Ю. Фонетические типы американского слова (на материале АНК) // Современные проблемы науки и образования. № 4, 2014б. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14177> (дата обращения: 14.12.2014).

Овчинникова И.Г., Павлова А.В. Переводческий билингвизм: по материалам ошибок письменного перевода: монография. М.: Флинта: Наука, 2016. 302 с.

Овчинникова И.Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 84-98.

Порческу Г.В. Английское предложение в аспекте восприятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 93-98.

Практикум по аудированию английской речи: Listening Challenge. Пермь, ПГУ, 2005 / А.Thacker, О.В.Байбурова, О.В.Ощепкова, А.В.Новиков; под общ. ред. Т. Н. Чугаевой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 152 с. (CD included).

Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология. М.: Перс Сэ, 2004. 319 с.

Русская спонтанная речь коми-пермяков: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т.И. Ерофеева; Н.В. Боронникова, Т.И. Доценко, Е.В. Ерофеева, Е.В. Овчинникова, И.А. Угланова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 72 с. (+CD).

Русская спонтанная речь коми-пермяков: Национальные традиции: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т.И. Ерофеева; В.Ю. Березина, Н.В. Боронникова, Е.В. Ерофеева, Е.В. Овчинникова, Е.В. Пепеляева, М.А. Томилина, Е.С. Худякова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2014. 112 с. (+CD).

Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т.И. Ерофеева; Н.В. Боронникова, Е.В. Ерофеева, К.В. Пунько, Д.Ш. Тимганова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 100 с. (+CD).

Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район: звучащая хрестоматия / науч. ред. Т.И. Ерофеева; Ю.Э. Автухович, Г.А. Ахатова, Н.В. Боронникова, М.В. Гаранович, Е.В. Ерофеева, И.В. Кустова, Е.В. Овчинникова, Е.В. Пепеляева, Д.Ш. Тимганова, Е.С. Худякова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2012. 124 с. (+ CD).

Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л.: ЛГУ, 1985. 92 с.

Чугаева Т.Н., Байбурова О.В., Мясотникова С.Ю. К проблеме фонетических различий американского и британского произношения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71) ч.1. С. 123 - 126.

Чугаева Т.Н., Байбурова О.В., Мясотникова С.Ю. К вопросу о соотношении перцептивных баз английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского и американского вариантов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. Вып. 1. №3. С. 111-123.

Штерн А.С. Перцептивный аспект речевой деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 207 с.

Baayen, R.H. (2014). Experimental and psycholinguistic approaches to studying derivation. Handbook of derivational morphology. Oxford: Oxford University Press.

Belousov, K.I., Erofeeva, E.V., Erofeeva, T.I., Zelyanskaya, N.L., Leshchenko, Y.E. University Teachers of Linguistics and Self-image of their Profession. Procedia - Social and Behavioral Sciences, 2015, Vol. 214, 667-676.

Grosjean, F. (2008). Studying Bilinguals. Oxford: Oxford University Press.

MENTAL LEXICON MODELING IN BILINGUALISM AND SLA

Irina A. Barinova

Linguistics and Translation
Perm National Research Polytechnical University
29 Komsomol'sky pr., Perm, 614000
barinova.i.a@yandex.ru

Tamara I. Dotsenko

Perm State Humanitarian-Pedagogical University
24 Sibirskaya St., Perm, 614990
tamaradotsenko@bk.ru

Irina G. Ovchinnikova

Perm State National Research University
15 Bukireva St., Perm, 619000
Ira.ovchi@gmail.com

Tatiana N. Chugaeva

Perm scientific centre of Ural Branch
Russian Academy of Science
13a Lenin St., Perm, 614990
tatiananch@mail.ru

The paper presents models of the mental lexicon in bilinguals and second language learners. Psycholinguists from Perm scientific institutions studied the mental lexicon structure reflected in association tests results, as well as in slips of the tongue. The materials reveal a mental network of lexical units from all familiar languages integrated on the basis of the phonetic similarity and semantic proximity. Graph simulation of the network allows for evaluating the distance between nodes and configuration of the word clusters for L1 and L2. The mental lexicon corresponds to the system of the perception patterns of the linguistic units. The patterns of phonetic words provide access to lemmas and concepts of the mental lexicon. These patterns need to be developed in the learner's L2 mental representation for speech processing. During the L2 speech perception the patterns approximate to those of a native speaker. Our studies have clarified the factors that improve British / American English native speech perception for native Russian speakers learning English as L2. Based on the results of these studies, we have worked out the method for teaching listening comprehension.

Keywords: hybrid models of mental lexicon, verbal association network, system of perception patterns, bilingualism, SLA

References

Bajburova O.V., Myakotnikova S.Yu., Chugaeva T.N. Osobennosti perceptivnogo stroja anglijskogo jazyka (eksperimental'no-phoneticheskoje issledovanije na materiale britanskogo i amerikanskogo variantov) [The characteristics of the perceptual system of English] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, No. 1 (33), s. 36-52. (In Russian)

Barinova I.A., Nesterova O.A. O nekotoryh osobennostyah yazykovoj lichnosti bilingva [On some peculiarities of a bilingual linguistic personality] // Filologicheskie nauki, Voprosy teorii i praktiki; Gtamota. [Humanities. Theoretical and applied problems], 2015, No 4-1(46), s. 25-29. (In Russian)

Barinova I.A., Nesterova N.M. O vozmozhnosti modelirovaniya perevodcheskogo bilingvizma [On possibility of modelling the translator's bilingualism] // Vestnik Vyatskogo

gosudarstvennogo universiteta. [Herald of Vyatka State University], 2016, No 5, s. 73-77. (In Russian)

Barinova I.A., Ovchinnikova I.G. Perevodcheskie oshibki: kommunikativnye vs kognitivnye [Translation errors: communicative vs cognitive] // Nauchny vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. [Herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and Cross-cultural Communication], No 2 (16), s. 93-100. (In Russian)

Belousov K.I., Erofeeva E.V. (2015). Semanticheskie modeli aktual'nyh predstavlenij o Rossii (na materiale psiholingvisticheskikh eksperimentov raznyh tipov) [Semantic modelling of the current image of Russia] // Politicheskaja lingvistika [Political linguistics], No 3(53), s. 80-90. (In Russian)

Bondarko L.V. Fonetika sovremennoogo russkogo jazyka [Phonetics of Contemporary Russian]. Saint Petersburg: Izd-vo SPU, 1998. 275 s. (In Russian)

Vorozhova I.B. Lichnostno-dejatel'nostnaja model' obuchenija inostrannomu jazyku [The personal-activity model in teaching languages]. Izhevsk: Udmurtskij universitet. 2000. 87 s. (In Russian)

Dotsenko T.I., Leshchenko Y.E. Universalnye stpuktury i ih funkcyi v mentalnom leksikone bilingva [Universal structures and their functions in the bilinguals' mental lexicon] //Trudy SPIIRAN [Proceedings of SPIIRAS]. St. Petersburg: SPIIRAS, 2013a. Vyp. 2(25), s. 371-382. (In Russian)

Dotsenko T.I., Leshchenko Y.E. Klasteri dvujazychnoy assotsiativno-verbalnoy seti kak modelnyj analog mentalnyh reprezentatsij // Soznanie i rechevaja deyatelnost': sotsio- i lingvokulturologicheskie aspekty. [Consciousness and Speech Activity: Social and Linguistic and Cultural Aspects]. SPb.: Universitetskie obrazovatel'nye okrug [St. Petersburg: University Educational Districts], 2014. S. 39-49. (In Russian)

Dotsenko T.I., Leshchenko Y.E. Aktualnyj inojazychnyj leksikon monoligvov i bilingvov [Actual foreign lexicon of monolinguals and bilinguals] // Psiholingvistika i leksikografija: sbornik nauchnyh trudov [Psycholinguistics and lexicography: collection of scientific papers] / Nauch.red. A.V. Rudakova. Voronezh: «Istoki», 2016. Vyp. 3, s. 49-58. (In Russian)

Dotsenko T.I., Leshchenko Y.E., Ostapenko T.S. Dinamika mezhjazykovykh vzaimodeystvij v mentalnom leksikone estestvennykh bilingvov (na fone stanovlenija professionalnoy lingvisticheskoy kompetentsyi) [Dynamics of cross-language interaction in the mental lexicon of natural bilinguals] // Problemy jazykoznanija, teorii jazyka i prikladnoj lingvistiki: monografija / G.B. Asavbajeva, S.A. Beyshanova, D.D. Dzantasova i dr. [Problems of Linguistics, Theory of Language and Applied Linguistics: monograph / G.B. Asavbajeva, S.A. Beyshanova, D.D. Dzantasova etc.]. Novosibirsk: Center for Scientific Cooperation Development, 2015. S. 49-69. (In Russian)

Dotsenko T.I., Perestoronina D.V. Aktivnyj inojazychnyj leksikon detej doskolnogo vozrasta v situatsii igry [Active foreign language lexicon for preschool children in the situation of the educational game] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja philologija. [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, No 2 (34), s. 66-75. (In Russian)

Elenevskaya M.N., Ovchinnikova I.G. Russkoyazychnye assotsiatsii izrail'tyan kak otrazhenie izmenenij v yazyke i kul'ture [The transformation in language and culture of Russian speaking Israelis reflected in the free association sets] // Voprosy psiholingvisiki [Problems of Psycholinguistics], 2015, No 2 (24), s. 226-241. (In Russian)

Elenevskaya M.N., Ovchinnikova I.G. Hranenie i opisaniye verbal'nykh assotsiatsiy: slovari i tezaurusy [The storage and description of the verbal associations] // Voprosy psicholingvisiki [Problems of Psycholinguistics], 2016, No 3 (29), s. 69-92. (In Russian)

Erofeeva E.V. Modelirovaniye sotsial'nykh tsennostey cherez analiz aktual'nogo leksikona [Modelling social values through the analysis of actual lexicon] // Soznanie i rechevaya deyatel'nost': sotsio- i lingvokul'turologicheskiye aspekty [Consciousness and speech activity: social and linguistic and cultural aspects]. SPb.: Universitetskiye obrazovatel'nyye okruga [St. Petersburg: University Educational Districts], 2014. S. 12-26. (In Russian)

Erofeeva E.V. Nesotsiologicheskoye issledovaniye sotsial'nykh identichnostey i tsennostey: teoreticheskoye obosnovaniye, metody issledovaniya, yazyk [Non-sociological study of social identities and values: theoretical foundation, methods of research, language] // Socio- i psicholingvisticheskiye issledovaniya [Socio- and Psycholinguistic Studies]. Perm': Perm.gos.nac.issled.un-t, 2014. Vyp. 2, s. 90-102. (In Russian)

Zalevskaya A.A. Voprosy teorii ovladeniya vtorym yazykom v psicholingvisticheskom aspekte [Problems of the second language acquisition theory in the psycholinguistic aspect]. Tver: Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 1996. 56 s. Print. (In Russian)

Zalevskaya A.A. Vvedeniye v psicholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]. M.: RGGU, 1999. 382 s. (In Russian)

Karaulov U.N. Aktivnaya grammatika i assosiativno-verbal'naya set' [Active grammar and associative-verbal network]. M.: IRJa im. V.V. Vinogradova RAN, 1999. 180 s. (In Russian)

Leont'ev A.A. Prepodavaniye inostrannykh yazykov v shkole: Mneniye o putyah perestrojki [Reconsideration of teaching foreign languages at school]. Inostrannyye yazyki v shkole [Foreign languages at school], 1988, No 4, s. 19-21. (In Russian)

Leshchenko Y.E., Dotsenko T.I. Vliyanie professionalnoy dvujazychnoy kompetentsyi na vzaimodeystviye yazykov v mentalnom leksikone studenta-filologa [The impact of professional bilingual competence on the interaction of languages in the mental lexicon of the student-philologist] // Socio- i psicholingvisticheskiye issledovaniya [Socio- and Psycholinguistic Studies]. Perm: Perm.gos.nac.issled.un-t, 2016. Vyp. 4, s. 74-81. (In Russian)

Murzin L.N., Shtern A.S. Text i jego vospriyatije [Text and its perception]. Sverdlovsk: Ural University Press, 1991. 169 s. (In Russian)

Myakotnikova S.Yu. Skhodstva i razlichija foneticheskikh tipov slova v britanskom i amerikanskom variantakh anglijskogo yazyka (na materiale korpusov ANC i BNC) [Similarity and dissimilarity of phonetic word types in British and American English] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology] 2014, No 3, s. 77-86. (In Russian)

Myakotnikova S.Yu. Foneticheskiye tipy amerikanskogo slova (na materiale korpusa ANC) [Phonetic types of words in American English] // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Current problems of science and education]. 2014, 4. Web URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14177> (retrieval date 14.12.2014).

Ovchinnikova I.G., Pavlova A.V. Perevodcheskiy bilingvizm: po materialam oshibok pis'mennogo perevoda: monografiya [Bilingualism of translators (on the basis of errors and mistakes)]. - M.: Flinta: Nauka, 2016. 302 s. (In Russian)

Ovchinnikova I.G. Sintagmaticheskiye sbory v russkoj rechi: interpretatsiya v svete aktual'nykh modelej mental'nogo leksikona [Syntagmatic mistakes in the Russian speech in the aspect of the mental lexicon structure] // Voprosy psicholingvisiki [Problems of Psycholinguistics], 2018, No 2 (36), s. 84-98. (In Russian)

Porchesku G.V. Anglijskoje predlozhenije v aspektje vosprijatija [English sentence in the aspect of speech perception] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Herald of Vyatka State University]. 2014, No 7, s. 93-98. (In Russian)

Praktikum po audirovaniju anglijskoj rechi: Listening Challenge [Workshop on Listening Comprehension in English]. Perm, PGU / A.Thacker, O.V.Bajburova et al.; pod obschej redakcijej T.N. Chugaevoj; Perm. gos. universitet. Perm, 2005. 152 s. (CD included). (In Russian)

Rumjanceva I. M. Psihologija rechi i lingvopedagogičeskaja psihologija [Psychology of speech and psychology of language teaching]. M.: Pers Sje, 2004. 319 s. (In Russian)

Russkaya spontannaya rech komi-permyakov: zvuchashchaya khrestomatiya [Russian spontaneous speech of Komi-Permyaks: sounding text collection]. / Nauch.red. Erofeeva T.I.; Boronnikova N.V., Dotcenko T.I., Erofeeva E.V., Ovchinnikova E.V., Uglanova I.A. Perm. gos. un-t. Perm, 2007. 72 s. (In Russian)

Russkaya spontannaya rech komi-permyakov. Nacional'nye tradicii: zvuchashchaya khrestomatiya [Russian spontaneous speech of Komi-Permyaks. National Traditions: sounding text collection]. / Nauch.red. Erofeeva T.I.; Berezina V.Yu., Boronnikova N.V., Erofeeva E.V., Ovchinnikova E.V., Pepeljaeva E.V., Tomilina M.A., Khudjakova E.S. Perm. gos. un-t. Perm, 2014. 112 s. (In Russian)

Russkaja spontannaja rech tatarojazychnykh bilingvov Permskogo kraja: zvuchashhaja khrestomatiya [Russian spontaneous speech of Tartar speakers bilinguals in Perm Krai: a sounding texts collection]. / Nauch.red. Erofeeva T.I.; Boronnikova N.V., Erofeeva E.V., Pun'ko K.V., Timganova D.Sh. Perm. gos. un-t. Perm, 2010. 100 s. (In Russian)

Russkaja spontannaja rech tatarojazychnykh bilingvov Permskogo kraja: Ordinskij rajon: zvuchashchaja khrestomatiya [Russian spontaneous speech of Tartar speakers bilinguals in Perm Krai: Orda district: a sounding texts collection]. / Nauch.red. Erofeeva T. I.; Avtukhovich Ju. Eh., Akhatova G. A., Boronnikova N. V., Garanovich M. V., Erofeeva E. V., Kustova I. V., Ovchinnikova E. V., Pepeljaeva E. V., Timganova D. SH., Khudjakova E. S. Perm. gos. un-t. Perm, 2012. 124 s. (In Russian)

Saharnyj L.V. Psiholingvističeskie aspekty teorii slovoobrazovanija [Word derivation theory in the psycholinguistic perspective]. L.: LGU, 1986. 92 s. (In Russian)

Chugaeva T.N., Bajburova O.V., Myakotnikova S.Yu. K probleme fonetičeskikh razlichij amerikanskogo i britanskogo proiznošenija [To the problem of phonetic differences between British English and American English pronunciation] // Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological studies. Issues of theory and practice]. 2017, No 5 (71), s. 123-126. (In Russian)

Chugaeva T.N., Bajburova O.V., Myakotnikova S.Yu. K voprosu o sootnošenii perceptivnykh baz anglijskogo jazyka (eksperimental'no-fonetičeskoje issledovanije na materiale britanskogo i amerikanskogo variantov) [To the problem of the perceptive bases of English (experimental-phonetic study of British English and American English)] // Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]. Blagovesčensk: Izd. AmGU, 2015. Vyp. 1. No 3, s. 111-123. (In Russian)

Shtern, A.S. (1992) Perceptivnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti [Linguistic competence and language performance in the aspect of speech perception]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 207 p.

Baayen, R.H. (2014). Experimental and psycholinguistic approaches to studying derivation. Handbook of derivational morphology. Oxford: Oxford University Press. p. 95-117.

Belousov, K.I., Erofeeva, E.V., Erofeeva, T.I., Zelyanskaya, N.L., Leshchenko, Y.E. (2015). University Teachers of Linguistics and Self-image of their Profession. Procedia - Social and Behavioral Sciences. Vol. 214, p. 667-676.

Grosjean, F. (2008). Studying Bilinguals. Oxford: Oxford University Press.

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) (Европейская часть России).

Том I. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.